

Михаил
ГОРБАЧЕВ

ДЕКАБРЬ-91

Моя позиция

Издательство «Весь Мир»

**К столетию образования
Союза Советских Социалистических
Республик**

Михаил
ГОРБАЧЕВ

ДЕКАБРЬ-91 **Моя позиция**

Второе дополненное издание

Москва
Издательство «Весь Мир»
2022

УДК 323.013:94(47)084.9

ББК 63.3(2)635:66.2

Г 67

Второе издание осуществлено при поддержке
Межгосударственной Корпорации Развития

Первое издание книги:
Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция.
М.: Изд-во «НОВОСТИ», 1992.

В подготовке книги к переизданию участвовали:
*И.Г. Вагина, К.К. Карагезьян, Н.Ф. Королева, П.Р. Палажченко,
В.А. Поляков, А.В. Рябов*

Горбачев М.С.
Г 67 Декабрь-91. Моя позиция / Горбачев-Фонд. 2-е доп. изд. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 304 с.: ил.

ISBN 978-5-7777-0897-7

Первая книга, написанная М.С. Горбачевым после ухода с поста Президента СССР зимой 1992 г., вышла в свет в июне 1992 г. На основе документов и публикаций второй половины 1991 г. (некоторые из них потом нигде не публиковались) автор объясняет свое отношение к процессам, приведшим к распаду единого государства, описывает борьбу за сохранение преобразованного Союза. Книга дает ценнейшие исторические свидетельства о недавнем прошлом нашей страны и содержит многие, к сожалению, сбывшиеся предостережения, в том числе по вопросу об отношениях Украины и России.

Второе издание подготовлено Горбачев-Фондом и издательством «Весь Мир» осенью 2022 г. Кроме текста книги М.С. Горбачева издание содержит вступительную статью Ю. Батурина и раздел «Свидетельства современников эпохи» в составе материалов А. Арбатова, А. Грачева, Р. Гринберга, В. Дворкина, В. Мироненко, Г. Пряхина. В книгу включены фотоиллюстрации, относящиеся к описываемым событиям.

УДК 323.013:94(47)084.9

ББК 63.3(2)635:66.2

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0897-7

© Горбачев-Фонд, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

О втором издании книги М.С. Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция»	7
Юрий Батурин. К переизданию книги М.С. Горбачева.	8
К читателю.	29
I. Декабрьский выбор: новое государственное образование или распад страны?	31
II. Корни декабрьского поворота (попытка осмысления)	162
Послесловие	201
От тоталитаризма к демократии.	210

ПРИЛОЖЕНИЯ

Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик	222
Постановление Съезда народных депутатов СССР «О мерах, вытекающих из совместного заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной Сессии Верховного Совета СССР»	225
Закон СССР об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период	228
Договор об Экономическом сообществе	231
«Договор о Союзе Суверенных Государств». Проект	249

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННИКОВ ЭПОХИ

<i>Алексей Арбатов. Далекое эхо 1991 года</i>	259
<i>Андрей Грачев. Россия и мир после СССР</i>	270
<i>Руслан Гринберг. Как не упустить следующий шанс?.....</i>	276
<i>Владимир Дворкин. Что было сделано до 1991 года и потом потеряно.....</i>	283
<i>Виктор Мироненко. К вопросу о политической интуиции и последствиях одной политической ошибки.....</i>	287
<i>Георгий Пряхин. Так кто же все-таки неправ?</i>	297

О втором издании книги М.С. Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция»

Это небольшое по объему произведение стало первой книгой из созданных Михаилом Сергеевичем после ухода с поста Президента СССР. Она была написана в первые два месяца 1992 г. по горячим следам событий, дополнена в марте материалом «От тоталитаризма к демократии» (вторым послесловием, по выражению автора) и вышла в свет в издательстве «Новости» в июне 1992 г.

В книге Горбачев четко и недвусмысленно, комментируя и приводя факты, документы, материалы (некоторые из них более нигде не публиковались), показал свое отношение к процессам, приведшим к распаду единого государства, описал свою отчаянную борьбу за сохранение преобразованного Союза. Книга дает ценнейшие исторические свидетельства о недавнем прошлом нашей страны и содержит многие, к сожалению, сбывшиеся предостережения последнего великого политика XX в., в том числе по вопросу об отношениях Украины и России.

В бурной обстановке лета 1992 г. выход в свет книги не привлёк большого внимания. Сейчас, в год столетия образования СССР, мы можем по достоинству оценить значение оценок М.С. Горбачева, заново осмыслить драматический опыт одного из ключевых событий отечественной истории, попытаться извлечь из него уроки.

Новое издание книги подготовлено Горбачев-Фондом и издательством «Весь Мир» осенью 2022 г. Текст книги М.С. Горбачева публикуется практически без изменений, с минимальным количеством бережной текстологической правки и некоторыми редакционными пояснениями дат и написания имен, указанными в квадратных скобках.

Второе издание также содержит вступительный текст Ю. Батурина и новый раздел «Свидетельства современников эпохи» в составе материалов А. Арбатова, А. Грачева, Р. Гринберга, В. Дворкина, В. Мироненко, Г. Пряхина. Кроме того, в книгу включены фотоиллюстрации, относящиеся к описываемым событиям.

К ПЕРЕИЗДАНИЮ КНИГИ М.С. ГОРБАЧЕВА

Юрий Батурин

Вспоминая о своей беседе с журналистом Юрием Щекочихиным в самом конце ноября 1991 года, президент Советского Союза М.С. Горбачев удивился врезке к опубликованному интервью, в которой прочитал: «Нет более загадочной фигуры в современной истории, чем Михаил Горбачев». И возразил: «Не знаю, есть ли тут что-то загадочное...»¹ Тем не менее Юрий Щекочихин оказался прав. По прошествии более трех десятков лет аналитики продолжают искать ответы на вопросы, поставленные Историей во время шестилетней, но вместившей в себя тысячи важнейших событий, «эпохи Горбачева». Писать о человеке такого масштаба, как Михаил Сергеевич Горбачев, личности многомерной и ставшей еще более загадочной после своего ухода, – задача нелегкая. А как не писать об авторе, когда анализируешь его книгу?

Наше предисловие не имеет целью дать разгадки. Может быть, лишь высказать некоторые гипотезы, которые послужат возможными подсказками к поиску ответов.

Предметом анализа будет уникальный текст, представляющий собой строго документированное описание очень краткого периода – последнего месяца существования Советского Союза, сопровождаемое честной (хотя бы потому что времени для обдумывания версий не было) интроспекцией (углубленным исследованием собственной активности в декабре 1991 года, мыслей, образов, чувств, переживаний) – все на грани исповеди. Руководители государств крайне редко дают историкам такого рода ценнейший материал.

Батурин Юрий Михайлович – в 1991 г. референт помощника Президента СССР. В настоящее время член-корреспондент РАН.

¹ *Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция.* Наст. изд. С. 163. Далее: *Декабрь-91.*

В обращении «К читателю» в первом издании своего документального и крайне важного свидетельства М.С. Горбачев пишет: «В книге моя позиция показана в том виде, в каком она была заявлена в те декабрьские дни и недели, а не осовремененная и скорректированная с учетом событий уже этого года»². Такова существенно важная для понимания событий декабря 1991 года констатация. Лишь однажды, в послесловии, автор отошел от указанного принципа, но для завершающей части книги это оправданно.

М.С. Горбачев разделил свою книжку на две части – в первой он документально подтверждает свою позицию, во второй говорит о себе. Мы воспользуемся той же структурой.

Его позиция

«Именно ответственность за происходящее диктует мне позицию, которую я занимаю» – так написал в своей книге М.С. Горбачев³. Осенью 1991 года все происходящее, все реформы сконцентрировались в одной точке – каким будет будущий Союз: «Возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как самый главный приоритет»⁴. После ГКЧП, в сентябре 1991 года, благодаря неимоверным усилиям М.С. Горбачева, процесс подготовки Договора удалось реанимировать, но он стал быстро развиваться от признания единого союзного государства к государству конфедеративному. М.С. Горбачев вспоминает: «Вижу: на моих коллег в Государственном совете идет мощное давление разных течений, которые ставят под сомнение целесообразность сохранения государства. Я уверен, что если мы поддадимся этому, этим настроениям, если мы проигнорируем желание в народе в пользу союзного государства – а оно сейчас сильнее, чем на референдуме, – то нам всем не собраться с силами»⁵. Очень точный взгляд в будущее. «Уходя от одной крайности – унитарности, мы не должны прийти к хаосу или распаду Союза», – предупреждал Президент СССР⁶. А к этому шло... Еще в варианте проекта Со-

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 46.

юзного договора от 1 октября 1991 года говорится о едином союзном государстве. Но довольно быстро «пришли к мнению: это должно быть конфедеративное союзное государство»⁷. Калейдоскопически быстро менялось и содержание статей проекта Договора. В книге цитируется документальный комментарий, опубликованный газетой «Известия», об итогах заседания Госсовета: «Не будет своей конституции. Ее заменит сам договор о Союзе Суверенных Государств... будет также... правительство»⁸. Заметим, что на самом деле правительство уже преобразовалось в некую туманную «администрацию».

Именно о такой абсолютно нежесткой псевдогосударственной конструкции Союза отдельно вспомнил М.С. Горбачев: «Один из членов Госсовета сказал: мы что хотим создать – государство или, по словам Маяковского, “облако в штанах”? Я думаю, он правильно, уместно использовал этот образ. Если мы в этом облаке окажемся вместо союзного государства, обновленного, реформированного, с другой ролью союзных республик, с другими союзными органами, это будет, я скажу, трагедия. И я надеюсь, все это понимают»⁹. Метафора точна применительно к тексту Договора, стремительность изменения которого свидетельствовала не только об отсутствии единой позиции у всех участников переговоров, но и вообще об отсутствии четкой позиции у многих из них. Но обобщая ситуацию, метафора дает увидеть много больше и глубже, чем сухая юридическая формула. Так и «облако»...

Вспомним диалог Гамлета с Полонием у Шекспира:

«Гамлет. Вы видите вон то облако,
которое напоминает верблюда?

Полоний. Клянусь, это совершеннейший верблюд.

Гамлет. Мне кажется, что оно похоже на ласку.

Полоний. Да, у него спина, как у ласки.

Гамлет. Или как у кита?

Полоний. Да, оно очень похоже на кита».

Перевод А. Радловой

⁷ Декабрь-91. С. 33.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 40.

Эту сцену обычно трактуют как свидетельство безумия Гамлета или как его издевку над Полонием. «А между тем последовательность контуров верблюда, ласки и кита – совершенно логически последовательные фазы для облака, меняющего свою форму», – писал выдающийся кинорежиссер С.М. Эйзенштейн¹⁰. Замечательная метафора динамичного объекта, о котором М.С. Горбачев скупой написал: «Зафиксирована необходимость подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них могла бы самостоятельно определить форму своего участия в Союзе»¹¹. И придумал эту формулу именно М.С. Горбачев.

Естественно, что внутри такой «облачной ситуации» развитие приобретает турбулентный характер. Политическая ситуация (точнее, до ее глубокого анализа – плоская картина событий) есть отражение борьбы разных политических сил, проходящей под поверхностью этой картины, со всеми ее вихрями, промежуточными победами и поражениями, возникновением равновесий сил, их потерей и появлением новых балансов. («Меня испытывали и на разрыв, и на разлом. И партия мяла, и военно-промышленный комплекс, и друзья-коллеги по новому Союзу. Все»¹².) Именно эта динамика и объясняет факты политической жизни.

«Если бы я был рядовым политиком или просто юристом-государствоведом, то мог бы дать критический анализ тех методов и способов, к которым прибегли сейчас в решении проблемы Союза. Но в моем положении я должен поступить по-другому», – вспоминает М.С. Горбачев¹³. Но как именно? Юрист по образованию, но не «просто юрист-государствовед», а политик по профессии, он и анализирует ситуацию как политик, хотя и должен бы искать юридическое решение проблемы. Но последнее в период кризисов и революций невозможно. Право регулирует устоявшиеся отношения. Там, где отношения турбулизованы (а ожесточенная борьба за власть – это и есть политика, ее существо), право перестает срабатывать. И здесь хорошо видна разни-

¹⁰ Эйзенштейн С.М. Нравнодушная природа. Избранные произведения: В 6 т. Т. 3. М.: Искусство, 1964. С. 365–366.

¹¹ Декабрь-91. С. 32.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Там же. С. 98.

па между пониманием необходимых в такой ситуации шагов юристом (принять новый закон) и политиком (искать новые ходы: «политики должны иметь дело с реальностями, считаться с ними»¹⁴). В отличие от юриста политик сразу видит, насколько перестает соответствовать возникающая политическая ситуация установленным юридическим правилам. («Всякий политик может считаться политиком, если он видит реальности и воспринимает их»¹⁵.) Задача политика не только чувствовать происходящие изменения, но и предугадывать процессы, которые будут доминировать завтра в государстве, и отсюда делать выводы, от чего в существующей политической организации можно отказаться, а где возникают зародыши будущих устойчивых отношений, которыми впоследствии и должен заниматься юрист.

М.С. Горбачев, вроде бы сожалея, признавался, что политик в нем иногда начинал перевешивать: «Я – довольно увлекающаяся натура, и в политике тоже»¹⁶. Можно все же предположить, что политик, возможно, перевешивал недостаточно. Не исключено, что именно фундаментальная юридическая подготовка сбивала М.С. Горбачева с нужного темпа принятия политических решений в период быстрых политических изменений. Подтверждением тому его стремление к тому, чтобы каждый политический словесный выверт участников ново-огаревских переговоров попытаться юридически непротиворечивым образом встроить в конструкцию проекта Договора. Отказался от этих попыток он только в ноябре 1991 г.

Нам кажется в гордыне нашей, что мы сами ставим перед Историей задачу (пишем и принимаем план), а она ее решает с нашей помощью и посредством нашего плана. Но все гораздо сложнее. История турбулентна. Она сама избирает курс, и в ее вихрях возникает полифуркация¹⁷, в которой зарождаются ее возможные будущие пути, но осуществляется лишь один из них.

¹⁴ Декабрь-91. С. 91.

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 53.

¹⁷ «Полифуркация» – обобщение понятия «бифуркация» (раздвоение), предложенное членом-корреспондентом АН СССР (РАН) С.П. Курдюмовым, который исходил из того, что в сложных системах выход из состояния хаоса происходит не выбором одного из двух путей на развилке, а перебором гораздо большего, в принципе, неопределенного их числа.

Насколько Герой может направлять движение Истории, и в какой мере История несет вперед Героя (одновременно делая его Героем)? Ответ на этот важный вопрос помогает понять миссию Героя.

М.С. Горбачев, а именно он наш Герой, старался как мог. Но далеко не все получалось. Он не мог точно и быстро определить текущее состояние масс (массовых акторов) и в целом страны. Пока занимался этой задачей, возникало запаздывание, которое он пытался компенсировать ускорением... Многим это представлялось странным набором частных целей. Но Полоний говорил: «В этом безумии есть метод» (*"Though this be madness, yet there is method in't"*. Hamlet. Act 2. Scene 2. – Перевод Ю.Б.).

Была ли у Горбачева продуманная программа реформ, как у Лютера, вывесившего свои 95 тезисов на дверях церкви в Виттенберге, или он действовал интуитивно и так же ставил, и странно решал непохожие друг на друга задачи? Но какой может быть четкий план в турбулентности? («Мы в бурном потоке жизни, а пытаемся анализировать ее перспективы с позиции быстротечного сегодняшнего дня»¹⁸.) Капитан принял командование кораблем страны в штормящем океане. Причем не он направил его в бурю. Но он принял корабль и видел свою задачу в том, чтобы вывести его в спокойные воды. «Мои действия отражали... план», – несколько неопределенно заметил М.С. Горбачев¹⁹. Конечно, лишь отражали в какой-то мере, но не следовали плану, которого не могло и быть в такой ситуации в принципе. Именно на его действия, политический опыт и наитие и была вся надежда. Не существует волшебного рецепта безопасного плавания в шторм. В штормовых условиях выбор курса затруднен, иногда просто невозможно идти заданным курсом. При шторме надо маневрировать, учитывая порывы, характер, силу и меняющееся направление ветра, вовремя менять курс, учитывать размер, осадку, крен, дифферент, размер обдуваемой поверхности и нагрузки на корпус, а также ухудшение управляемости судна. «Меня часто упрекали и продолжают упрекать в медлительности, в нерешительности, в маневрировании, – пишет Горбачев. – Между прочим, все это было: и медлительность, и нерешитель-

¹⁸ Декабрь-91. С. 196.

¹⁹ Там же. С. 218.

ность, и уж особенно маневрирование. Но я знал, для чего я все это делал»²⁰. То были не медлительность или неуверенность. Действовала логика ведения корабля сквозь бушующую стихию (на котором, словом, кое-кто уже начинал спускать шлюпки). Конечно, ошибки были. Надо было по-штормовому закрепить судовое оборудование, протянуть штормовые леера для обеспечения безопасности людей, проверить надежность рулевого управления...

В сложных системах, тем более в таких, как большая страна, случаются режимы с биениями. Это явление возникает при наложении двух периодических колебаний, близких по частоте, что приводит к периодическому уменьшению и увеличению амплитуды суммарного результирующего сигнала. В нашей штормовой аналогии это очень опасная ситуация резонансной качки, т.е. совпадения периода качки с периодом собственных колебаний судна. Вывести судно из резонансного режима можно, но очень сложно. Горбачев в этом потерпел поражение.

Так в чем же была миссия Горбачева? («Пусть история сама вынесет свой приговор»²¹.) Казалось бы, ответ уже дан: вывести страну из штормовых условий. Удалось ли это ему? Нет. А что удалось? Отвечает сам М.С. Горбачев: «...Главные идеи перестройки на всех направлениях, включая политическую и экономическую реформы, обновление многонационального государства, – я “протасил”, хотя и не без ошибок»²². Но вынесен ли приговор Истории? Все-таки пока нет. Почему? Причина в самом Горбачеве, в его многогранной и противоречивой личности, в его качествах, несвойственных, как правило, лидерам государств. Ответ будет дан ниже.

Его попытка осмысления

«По мере обострения политической борьбы по вопросу – быть или не быть Союзу – нарастал и поток критики в мой адрес, в том числе за прошлое, – пишет М.С. Горбачев. – В своих высказываниях и выступлениях в те декабрьские дни я считал необходимым

²⁰ Декабрь-91.

²¹ Там же. С. 196.

²² Там же.

обосновывать и логику моих действий в ходе перестройки. Этому посвящена вторая часть книги...»²³ Подзаголовок этой части: «попытка осмысления». И надо подчеркнуть, подзаголовок имеет куда более важное значение, чем заголовок («Корни декабрьского переворота»). М.С. Горбачев мог, конечно, тогда, три десятка лет назад, нащупать некоторые «корни» (или думать, что понял их природу). Но на самом деле все эти годы специалисты во многих областях ищут и описывают глубинные и более частные, но сильно воздействовавшие на развитие ситуации причины распада Советского Союза, пишут книги, защищают диссертации... Однако ответы, полностью объясняющие не только результат, но и процесс распада, будут даны много позднее.

Во второй части автор действительно делает попытку осмысления, анализирует, а также рассказывает о себе (рефлексирует). И это умение – одно из самых важных его качеств. И мы здесь остановимся на его взгляде на себя, точнее, в себя (авторефлексии). «Что чувствует человек, оказавшийся волею судеб главой государства – и в великой стране! – что он чувствует в той ситуации, в какой я находился в декабре 91-го года?» – задается вопросом Михаил Сергеевич²⁴. Проанализируем некоторые его ответы, ярко демонстрирующие ряд качеств первого и последнего президента СССР (может быть, это позволит читателю несколько по-иному взглянуть на личность Горбачева), и начнем именно с навыка рефлексии.

Помимо природной способности к рефлексии, основанной на естественной эмпатии, человеку, государственному деятелю, принимающему на себя бремя рефлексии в масштабе страны, было бы неплохо знать о взглядах на рефлексию Дж. Локка, Г. Лейбница, Д. Юма, Г. Гегеля... Несомненно, Раиса Максимовна, супруга Горбачева, начиная со своей студенческой скамьи на философском факультете МГУ, и за три десятилетия восхождения Михаила Сергеевича к вершине власти познакомила его даже с более широкими философскими основаниями принятия решений.

Как управлять городом, регионом, страной? Есть разные виды управления. Простейший вид управления описан еще

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же. С. 197.

М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города»: губернатор Угрюм-Бурчеев давал команду, а что будет дальше, его не интересовало. («Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем... Беззвучным голосом выражал он свои требования, и неизбежность их выполнения подтверждал устремлением пристального взора»²⁵.) Понятно, что он быстро завершил свою руководящую карьеру (погорел, кстати, на повороте рек). Поэтому те, кто поумнее, вводят обратную связь, стараются понять, как ведет себя система после той или иной команды. Это самый распространенный способ управления – командный. Но внутренняя субъективная позиция М.С. Горбачева отвергала директивно-командную тактику: «Когда мне говорят: вот программы не было, этого или того не сделали, знаете, все это – от старых коммунистических подходов и стереотипов. Мол, давай модель, загоняй опять в коллективизацию или еще куда-нибудь. А я хочу, чтобы этот процесс сотворили люди, используя новые ценности, демократию, свободу и экономическую, и политическую, раскрепостившись интеллектуально»²⁶.

В кризисы, когда руководители оказываются в состоянии высокой неопределенности, они часто переходят к управлению, заключающемуся в повторении управленческих ходов, сделанных кем-то немного ранее. Самый наглядный пример – эпидемия деклараций о суверенитете, принятых одна за другой союзными и автономными республиками в СССР в 1988–1990 гг. Но есть и сложные, значительно более эффективные способы управления, к которым, правда, готов далеко не каждый руководитель. К ним относится рефлексивное управление.

Первое, что требуется для рефлексивного управления, – пройти дальше простого реагирования на акты поведения партнера или противника, постараться проникнуть в его внутренний мир и представить себе картину ситуации, сложившуюся в его голове. Эта способность была у М.С. Горбачева природной. («Я всегда стараюсь стать на позицию своего оппонента»²⁷.)

²⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 445, 442.

²⁶ Декабрь-91. С. 197.

²⁷ Там же. С. 196.

Но суть рефлексивного управления в другом: воздействовать на мотивы принятия оппонентом решения, формировать его намерения. И М.С. Горбачев, можно утверждать, это умение приобрел. Однако отличительной чертой стиля управления оказываются шаги, которые он делает, «считаясь с тем, что происходит в головах у людей»²⁸. Это означает, что он сознательно ограничивал себя в вариантах генерирования управляемых оснований для принятия решения, «считаясь, – повторим здесь цитату с акцентом на первое слово, – с тем, что происходит в головах у людей».

Но если уж разбирать индивидуальный стиль рефлексивного управления М.С. Горбачева, нельзя не упомянуть еще одну важную характеристику – многоракурсность формирования картины текущей ситуации.

Как правило, наблюдение производится политиком из одной точки, со своей позиции – изнутри, если он находится в ней, или извне, если смотрит на нее со стороны. Однако и сами понятия «изнутри» и «извне» можно рассмотреть как с внутренней, так и с внешней точек зрения. Таким образом, возникают четыре потенциальных позиции наблюдения I–IV (табл. 1). «Мы хорошо знали существующую систему. Знали ее изнутри», – пишет в своей книге М.С. Горбачев²⁹. В таблице 1 это позиция I – наиболее распространенная в реальной политике. «Внутри страны мы ничего не добьемся без коренного изменения отношений с внешним миром», – продолжает он³⁰. Это уже требует перехода к позиции IV. Но остаются и более сложные позиции, и некоторые политики пытаются встать на них, ради более полного понимания ситуации. Такой, например, оказывается позиция II – увидеть себя и ситуацию со стороны. «Не так просто судить о событиях, глядя на них со стороны или, наоборот, оказавшись сильно в них вовлеченным», – признается М.С. Горбачев³¹. А ведь есть еще и позиция III – взгляд из будущего, когда и сам политик, и ситуация, которую он создает или исправляет, оказались глубоко в Истории (в какой-то мере с такой позиции делается наша по-

²⁸ Там же. С. 196.

²⁹ Там же. С. 182.

³⁰ Там же. С. 218.

³¹ Там же. С. 215.

пытка взглянуть на декабрь 1991 г., на происходившие тогда события и на М.С. Горбачева в них с сегодняшней точки зрения, более чем три десятилетия спустя; когда-нибудь много позже историки должны будут проанализировать и по-настоящему описать то время; бесценным документом для них послужит книга «Декабрь-91. Моя позиция», для чего мы и обратились именно к ней).

Таблица 1

Многоракурсность наблюдения

Точка зрения Область наблюдения	Внутренняя	Внешняя
Изнутри	I	II
Извне	IV	III

Возникает принципиальный вопрос: способны ли совместиться эти точки зрения в принципе? Наличие у человека бинокулярного зрения доказывает, что ничего необычного для нас в этом нет. Существуют и более сложные случаи совмещения наблюдателем двух точек зрения. Рафаэль в «Афинской школе» использовал две точки зрения – пол и людей изобразил с высокой точки зрения, а потолок, карнизы и своды – с низкой. Платон и Аристотель изображены с низкой позиции. В то же время группа людей, окружающая классиков, написана с более высокой точки зрения. Если бы Рафаэль написал эту группу с той же точки зрения, что и архитектурный интерьер, то группа выглядела бы «почетным караулом», вдоль которого шествуют философы. Сейчас же они воспринимаются как сгрудившиеся вокруг внимательные слушатели спора великих. Точки зрения выбирались так, чтобы наиболее полно и правдиво передать как нижнюю, так и верхнюю части пространства. Можно сказать, что точка зрения художника (наблюдателя) была подвижной. У Паоло Веронезе в картине «Брак в Кане галилейской» даже семь точек зрения. Художественная аналогия подсказывает, что

возможна внутренне организованная совмещенная точка зрения.

Президент М.С. Горбачев оказался политиком, удивительно способным к рефлексивному управлению с многоракурсным наблюдением. Но он был всего лишь человеком, а не суперкомпьютером. Естественно, что на последовательное занятие нескольких позиций наблюдения, организацию совмещенной точки зрения и аккуратное подведение оппонента к формированию нужного решения требовалось время, которого катастрофически не хватало. И его постоянно корили за медлительность и ругали за запоздавшие решения.

Это похоже на проблему Гамлета. Авторы почти всех исследований этой трагедии Шекспира обычно задавались вопросом такого рода: «Почему Гамлет, который должен убить короля сейчас же после разговора с Тенью, никак не может этого сделать, и вся трагедия наполнена историей его бездействия»³². Часто Гамлета считают рефлексирующим (!) субъектом, но толкуют его поведение как безвольное, как пустое самокопание, вследствие которого он не может решительно воткнуть шпагу в Клавдия, выполнив завет Тени отца. Так и М.С. Горбачева обвиняли в том, что он медлит, потому что якобы не знает, что делать. Хотя о какой медлительности можно говорить, если он всего за шесть лет изменил мир!

Мне кажется, дело обстоит иначе: как раз тот, кто способен к рефлексии и авторефлексии, может действовать весьма эффективно, без PR-приемов «на публику», рефлексивно управляя акторами, вовлеченными в ситуацию, и может от прямолинейных хорошо видимых действий перейти к незаметному глазу рефлексивному управлению. Он действительно непонятно для других медлит, но благодаря рефлексии, позволяющей видеть мир глазами другого и предугадывать его намерения, Гамлет заранее понимает замысел короля, который хочет отправить его в Англию и замышляет просить там его казнить. В самом деле, еще *до* этого, в предыдущем акте, Гамлет уже знает о предстоящей поездке. Клавдий чувствует это загадочное для него знание:

³² *Выготский А.С. Психология искусства / Выготский А.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 209.*

«Король. Сказал ты так, как будто
Намеренья ты наши видел ясно.

Гамлет. Я вижусь с херувимом,
который их видит...»

Перевод А. Радловой

«Херувим» – внешний стимул, который человек «видит» как картину ситуации в результате рефлексии в своем сознании.

Пожалуй, только человек, способный к глубокому видению объекта регулирования, мог сконструировать в уме весьма непростую схему управления страной: «Статья В. Чалидзе, опубликованная в “Московских новостях” в 1989 году, натолкнула меня на мысль, что, реформируя наше государство, мы должны иметь в виду возможность дифференцированных связей в новом Союзе»³³. Это был бы сложный Союз, намного сложнее СССР, и управление им должно было стать много сложнее, поскольку обратные связи, необходимые для классического управления, оказались бы очень разными. Таким Союзом могли бы руководить только люди, способные к рефлексивному управлению. Были ли в СССР такие? Были, но очень немногие, причем к государственному руководству не допущенные, не прошедшие «фильтры» властного отбора. А наверху, так позаботилась История, оказался только один – М.С. Горбачев. По-видимому, он пришел слишком рано...

Люди, способные к авторефлексии, как правило, умеют не только находить, но и признавать свои ошибки. «Самыми серьезными ошибками считаю...» – начинает перечисление президент СССР³⁴. И, надо сказать, список этот честный. Признание ошибок буквально разбросано по всей книге: «Допускал иногда несвоевременные решения, упустил какие-то моменты, что-то

³³ Декабрь-91. С. 182. Еще одно соображение по поводу необходимой «медлительности»: в 1989 г. М.С. Горбачев прочитал о дифференцированных связях, но лишь 12 июня 1990 г. на заседании Совета Федерации СССР он заявил: «Нам нужна федерация с разной степенью свободы» (Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: АСТ, 2007. С. 159).

³⁴ Декабрь-91. С. 172.

неправильно оценив...»³⁵ Каждый ли из нас способен к такой откровенности? «Самой большой моей ошибкой было то, что я позволил втянуть себя в дискуссию и в политическую борьбу между различными течениями демократов, – пишет М.С. Горбачев. – Выясняли нюансы. В то время как перед нами была огромная страна, которая нуждалась в политических ответах. И надо было... встать выше политических страстей, отдельных привязанностей. Здесь и моя ошибка»³⁶.

Выше мы обсудили способность М.С. Горбачева к рефлексивному управлению. Это уже очень много для руководителя государства. Но проводимое человеком рефлексивное управление, уже по определению предполагающее проникновение в сознание другого человека, сильно зависит от культурного контекста, в который погружен управляющий. Особенность президента СССР состояла в том, что свой выбор альтернатив («Каждый в политике делает выбор»³⁷) он осуществлял не по сугубо рациональному критерию (максимизация выигрыша), а усложнял его этическим критерием («Нравственность и политика нераздельны... Я отвергаю аморальные средства в политике»³⁸). Это редчайшее для политиков самоограничение. Очень многие говорят, что политика – грязное дело. И кто-то соглашается с этим, но идет в политику, сначала на время, а потом и совсем забывая свои изначальные этические установки, а другие стараются держаться от политики подальше, чтобы сохранить свои этические принципы. Не исключено, что на формирование такого выбивающегося из стандарта типа политика в значительной мере повлиял выдающийся философ Мераб Мамардашвили, с которым Михаилу Горбачеву доводилось не раз встречаться в общежитии Московского университета: «Мераб – это величина не только в философии. Это был человек нравственный»³⁹.

Сужение спектра утилитарных решений из этических соображений невероятно усложняло задачу президента СССР и по-

³⁵ Там же. С. 196.

³⁶ Там же. С. 187.

³⁷ Там же. С. 93.

³⁸ Там же. С. 97.

³⁹ Там же. С. 164.

вышало вероятность неудачи. М.С. Горбачев ясно понимал это («Я признал, как трудно оказалось соединить политику с моралью»⁴⁰), но в мировой политике, хотя бы на время, успех был достигнут. («Я горд, что новое мышление, наша новая политическая мораль помогли потеснить ненависть из международных отношений»⁴¹.)

Говоря о своих этических принципах, М.С. Горбачев особо отмечает свой «внутренний протест против системы жестокости»⁴². Конечно, принцип ненасилия тоже уменьшал перечень инструментов, которыми позволял себе пользоваться М.С. Горбачев: «Не приемлю «силовых приемов» для достижения цели... Всякое насилие порождает ненависть, а ненависть всегда разрушительна...»⁴³ Его принцип ненасилия, кроме того, вошел в противоречие с прочно встроенными в отечественную политическую культуру принудительными мерами.

Но на этом перечень редко обсуждаемых качеств М.С. Горбачева не завершается. У него был потрясающий политический «вестибулярный аппарат», который в «политический шторм» помогал ему от «политической морской болезни». Он сам приводит в книге такой эпизод: «Корреспонденты “Комсомольской правды” во время нашей беседы напомнили одну карикатуру на меня: идет Горбачев по проволоке, и две корзины, справа и слева. В одной сидят левые, в другой правые. Одни говорят: “Чуть-чуть левее”, правые кричат: “Чуть-чуть правее”. Что ж, остроумно и, главное, точно отражает реальную ситуацию, в которой я находился...»⁴⁴ В то время, когда проходила беседа с журналистами, президенту СССР было не до смеха, но он, демонстрируя свое чувство юмора, легко посмеялся вместе со всеми. Сегодня, по прошествии времени, эта метафора канатоходца прочитывается куда более трагично. Напомним строки из песни Владимира Высоцкого «Натянутый канат» («Канатоходец»):

⁴⁰ Декабрь-91. С. 97

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 163.

⁴³ Там же. С. 97.

⁴⁴ Там же. С. 176.

Посмотрите – вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти,
Но должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути.

Как Генеральный секретарь ЦК КПСС. М.С. Горбачев мог царствовать лет двадцать, ничего не меняя в стране. Но почему-то он решил все менять, выбрал рискованный путь, по которому надо было пройти немало – целых четыре четверти пути. «Я сам принял решение отказаться от той власти, которая ко мне пришла по воле истории, и встать на путь реформирования общества»⁴⁵. Скольких нервов, натянутых как канат, стоили ему реформы! Он выбрал этот путь свободно, выбрал сам, прекрасно понимая все риски, но воспринимая его как свой долг.

И лучи его с шага сбивали,
И кололи, словно лавры.
Труба надрывалась – как две.
Крики «Браво!» его оглушали,
А литавры, а литавры – Как обухом по голове!

Канат – это путь реформатора. Прямой путь к цели. Но, медленно двигаясь к ней, реформатору, чтобы удержать равновесие, приходится отклоняться и вправо, и влево. И сам натянутый канат под его ногами уходит и влево, и вправо, иногда с большой частотой, помогая канатоходцу удерживать равновесие.

Посмотрите – вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти,
Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Уже три четверти пути.
Он смеялся над славой брэнной, –
Такого попробуй угробь!
Не по проволоке над ареной, –
Он по нервам – нам по нервам –

⁴⁵ Там же. С. 195.

Шел под барабанную дробь!
Посмотрите – вот он без страховки идет.
Чуть правее наклон – упадет, пропадет!
Чуть левее наклон – все равно не спасти,
Но замрите, ему остается пройти
Не больше четверти пути!

Но как же судьба беспощадна к смельчакам, которые выбирают для себя опасные четыре четверти пути. Приведем очень нетривиальную мысль поэта, дипломата и мыслителя Ф.И. Тютчева, высказанную в одном из писем в 1857 г.: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовигов пятнадцатых и Людовигов четырнадцатых. По всей вероятности, то же самое постигнет и нас в том страшном кризисе, который – немного раньше или немного позже, но неминуемо – мы должны пережить. С моей точки зрения, все будущее задуманной реформы сводится к одному вопросу: стоит ли власть, призванная ее осуществить, – ...выше классов в нравственном отношении?.. Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного credo, одним словом – во всей откровенности ее совести... И тем не менее... мы пройдем через эту фазу... мы обязаны через нее пройти, чтобы понести в пути все наказания, столь нами заслуженные»⁴⁶. Эти пророческие слова сказаны о предстоящих реформах императора Александра II, но, как оказалось, имеют более общий характер, что подтвердил и сам М.С. Горбачев: «Я не знаю счастливых реформаторов»⁴⁷. Конец пути неизбежен, и наступит раньше, чем рассчитывал сам М.С. Горбачев, по-

⁴⁶ Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М.: ГИХЛ, 1957. С. 433–435.

⁴⁷ Декабрь-91. С. 195.

следнюю четверть пути ему уже пройти не удалось. И случилось это в декабре 1991 г.:

Закричал дрессировщик – и звери
Клали лапы на носилки.
Но прост приговор и суров:
Был растерян он или уверен –
Но в опилки, но в опилки
Он пролил досаду и кровь!..

Так был ли оправдан риск? Горбачев вряд ли когда-либо сидел в кабинете и взвешивал шансы. Выбор рискованной цели был атрибутом его этической системы. Она была впечатана в его личность естественным образом. Да, М.С. Горбачеву не удалось завершить свои реформы. Но как многому он нас научил! Как много дал людям! «Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это – самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, и потому что еще не научились пользоваться свободой»⁴⁸. И Горбачев передает нам свою уверенность: «Придут другие, может быть, лучше будут делать»⁴⁹. И сегодня другой без страховки идет...⁵⁰

Упомянутое чувство политического баланса оказывается частным случаем другого свойства М.С. Горбачева – высокой адаптивности. «Я менялся вместе со страной», – признается он⁵¹. Адаптивность – важнейшее свойство политика, заключающееся в том, что он вырабатывает в себе новые функциональные возможности, необходимые для удержания управления меняющимся объектом (страной). «За эти годы я прожил несколько жизней», – продолжает М.С. Горбачев⁵². «Эти годы» – всего шесть лет, но каких лет! Можно попытаться пересчитать их. Первая жизнь: 1985–1987 гг. – попытки понять с позиции руководителя страны реальное состояние Советского Союза, выбороч-

⁴⁸ Там же. С. 140.

⁴⁹ Там же. С. 196.

⁵⁰ *Высоцкий В.* Натянутый канат / В сб.: Высоцкий В. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988. С. 152–153.

⁵¹ Декабрь-91. С. 195.

⁵² Там же. С. 174.

ный поиск инструментов реформирования. Вторая жизнь: 1988–1989 гг. – осознание главной угрозы: центробежные тенденции. Третья жизнь: 1990 г. – август 1991 г. – подготовка нового Союзного договора. Четвертая жизнь: август 1991 г. (форосский плен). Пятая жизнь: сентябрь–ноябрь 1991 г. – попытка спасти единое государство. Шестая жизнь: декабрь 1991 г., о котором, собственно, и написана книга «Декабрь-91. Моя позиция». Написана не только абсолютно честно, но и абсолютно свободно (28 ноября 1991 г., вскоре после того, как члены Госсовета отказались визировать проект Союзного договора в котором фигурировало уже даже не союзное, а некое конфедеративное государство и заговорили о *конфедерации государств*, М.С. Горбачев в интервью минской «Народной газете» откровенно признался: «У меня в последнее время появилось ощущение какой-то полной внутренней свободы»⁵³. И чуть позднее: «Я прошел через такой опыт, что чувствую себя совершенно свободным»⁵⁴).

Адаптивность без ограничений – всего лишь приспособляемость, которая вряд ли заслуживает позитивной оценки. Но обычно при всех переменах, которые претерпевает личность, в ней остается нечто неизменное, называемое физиками инвариантом, а философами – сущностью личности, ее умственно-го строения. Сущность – это все подлинное, настоящее, что есть в человеке. Свой инвариант сам М.С. Горбачев определяет так: «Вот мой ответ: люди в этой стране являются частью мировой цивилизации. Необходимо реформирование всех сфер жизни на базе глубоких демократических преобразований. Это было и остается моим выбором, и в этой части Горбачев не изменился»⁵⁵.

* * *

«Декабрь-91» – книга о драматическом завершении Союза. Но, что не менее важно, – это все более глубокое с каждым прочтением понимание исторической личности – Михаила Сергеевича Горбачева.

⁵³ Декабрь-91. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 196.

⁵⁵ Там же. С. 186.

Михаил ГОРБАЧЕВ

ДЕКАБРЬ-91
Моя позиция

Второе дополненное издание

К ЧИТАТЕЛЮ

За последние недели я прочитал много статей о декабрьских событиях 1991 года – рассудительных и обвинительных, аргументированных и бездоказательных, бесстрастных и гневных. В них много сказано правдивого. Но еще больше надуманного или придуманного. Но, конечно, меня больше всего интересовала позиция авторов. Я понимаю, что не так просто судить о событиях, глядя на них со стороны или, наоборот, оказавшись сильно в них вовлеченным. Но докапываться, добираться до сути надо.

Я хочу представить свою позицию в ходе декабрьских событий, так как для большей части граждан она осталась неизвестной. Мои аргументы многих не устраивали. Поэтому, вопреки правилам гласности, выступления или замалчивались, или укорачивались до неузнаваемости. Телевидение было более щедрым. Но его информация по своему характеру не сохраняет устойчивого и полного представления, тем более по вопросам сложным и спорным. Печать же, особенно массовая, больше предпочитала публиковать впечатления журналистов от встреч со мной, а не содержание того, что я говорил по существу решавшихся тогда вопросов.

Корни этих событий уходят и в нашу далекую историю, и в перестроечные годы. Но уже сегодня можно назвать одну из главных причин того, что произошло, – дезинтеграцию общества, набравшую огромную разрушительную силу после августовского путча. Сейчас можно слышать и читать о том, что гэкачеписты выступили, чтобы предотвратить распад страны, сохранить целостность государства. А кое-кто пытается представить путч как стремление обеспечить успех демократических реформ. Все это домыслы. Подоплека заговора очевидна – сохранить и возродить старые порядки, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, ликвидировать завоевания перестройки. Действия гэкачепистов сорвали подписание

Союзного договора, реализацию антикризисной программы, процесс реформирования КПСС.

В книге моя позиция показана в том виде, в каком она была заявлена в те декабрьские дни и недели, а не осовремененная и скорректированная с учетом событий уже этого года.

После раздумий я избрал именно такой способ представить свою оценку происшедшего в декабре. И поступаю так тем более потому, что многие, на ком лежит ответственность за принятые в те дни решения, сейчас очень уж стараются «прихорошиться», оправдать свои декабрьские позиции.

Могут сказать, что поезд ушел, после драки кулаками не машут, к чему теперь высказанные тогда мысли и тревоги. Не согласен. Процесс трансформации Союза в другие формы еще только разворачивается, впереди самые трудные и ответственные решения. И анализ декабрьских событий, позиций их участников многое может дать для понимания того, что больше всего нужно сейчас и в будущем народу, живущим совместно сотни лет.

Да и люди должны знать, кто и как относился к мнению своих граждан. Разве не показательно и не парадоксально, что избиратели в своей огромной массе (в ноябре и декабре прошлого года даже больше, чем в марте на референдуме) выступали за сохранение Союза, а избранные ими Верховные Советы и президенты пошли на принятие других решений?

И еще. По мере обострения политической борьбы по вопросу – быть или не быть Союзу – нарастал и поток критики в мой адрес, в том числе за прошлое. В своих высказываниях и выступлениях в те декабрьские дни я считал необходимым обосновывать и логику моих действий в ходе перестройки. Этому посвящена вторая часть книги.

Но и в том, и в другом случае материалом для книги послужили декабрьские выступления – как опубликованные у нас и за границей, так и не попавшие в печать. Обработка заключалась лишь в том, чтобы придать ему некоторую систематичность. С этой же целью в определенных местах даны необходимые комментарии.

М. Горбачев

ДЕКАБРЬСКИЙ ВЫБОР: НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИЛИ РАСПАД СТРАНЫ?

Августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, осложнил и подстегнул дезинтеграцию – уже не только государства, но и общества. Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как самый главный приоритет. Этим определялись все мои действия в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, созванной сразу после путча и принявшей решение о безотлагательном проведении внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Он открылся 2 сентября.

Оценивая атмосферу, сложившуюся накануне Съезда, и особенно дискуссию вокруг повестки дня, как я, так и руководители республик были весьма обеспокоены тем, как бы Съезд вновь, как это было на предыдущих, с самого начала не втянулся в бесплодные споры, – острота обстановки этому необычайно благоприятствовала. Но страна не должна была ни одного дня оставаться в состоянии политического разброда, неясности перспектив.

В ночных дебатах родились и идея, и сам текст Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик (его подписали 10 республик, а в разработке участвовала и Грузия, отсюда известная формула «10 (11) + 1»).

И тогда, и сейчас я считал и считаю, что на Съезд надо было выходить с общей позицией президента и руководителей респуб-

лик – общее заявление тогда было важнее самого блестящего доклада Президента СССР. В конце концов на этом и сошлись. Хотя по данному поводу было и немало спекуляций.

В Заявлении предлагалась программа неотложных действий по выводу страны из острой фазы политического кризиса. Зафиксирована необходимость подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе Суверенных Государств, в котором каждая из них могла бы самостоятельно определить форму своего участия в Союзе.

При всей драматичности собственного положения Съезд не мог не ощущать, в каком состоянии находится общество. Не всё на Съезде с точки зрения демократии проходило так уж чисто и гладко, но требовать этого было просто нереально. Именно там сформировались основные позиции: Союзный договор нужен, Экономический договор необходим. Были зафиксированы положения о единых вооруженных силах, о соблюдении международных обязательств, об общей скоординированной внешней политике.

После острой, бурной дискуссии Съезд принял пакет решений, определявших задачи *переходного периода*, включая конституционный Закон о государственных органах Союза в этот период. Для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, был образован Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик.

Практически сразу же началась разработка новой редакции проекта Союзного договора. 10 сентября состоялась встреча с Б.Н. Ельциным, на которой мы обсудили связанные с этим проблемы. 16 сентября вопрос о будущем Союза рассматривался на заседании Госсовета, причем восемь республик (РСФСР, Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан) заняли тогда позитивную позицию.

На том же заседании Госсовет рассмотрел проект Экономического договора, подготовленный комиссией Явлинского. Одновременно шло формирование, в соответствии с изменившимися условиями, союзных структур власти – назначены новые руководители, начата реорганизация Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Коми-

тета государственной безопасности, создан Межреспубликанский экономический комитет.

Большинство бывших союзных республик приняло участие в разработке Договора об экономическом сообществе. После того как 18 октября восемь суверенных государств подписали его, он был направлен на ратификацию в республиканские парламенты. Ускоренными темпами готовился пакет сопутствующих соглашений. Начал действовать Межреспубликанский экономический комитет. В республиках по согласованной Съездом народных депутатов схеме начал формироваться депутатский корпус нового Верховного Совета СССР. Первая его сессия, хотя и в неполном составе, открылась 21 октября.

К этому времени пересмотренный проект Союзного договора уже находился на рассмотрении членов Госсовета. Было решено обратиться к Верховному Совету Украины с призывом включиться в подготовку нового Договора.

Таким образом, в результате упорных усилий и совместной напряженной работы удалось восстановить ново-огаревский процесс, вернуть его на круги своя. Напряженно работали эксперты. Вышли на один проект, на другой, и 14 ноября в Ново-Огареве вновь собрался Госсовет. День был трудным и плодотворным. Развернулась острая дискуссия. Спор шел по центральному вопросу: что у нас будет – союзное государство или союз государств? Может показаться: спор чисто словесный, но за ним стоял вопрос о том, будет ли у нас одна страна, или мы разделимся на несколько государств, со всеми вытекающими последствиями для граждан, экономики, науки, Вооруженных Сил, внешней политики и т.д.

Четыре часа мы дискутировали о том, что же нужно этому миру народов, населяющих огромную страну? Другое, обновленное, реформированное союзное государство, но государство, или это должен быть Союз, но в какой-то иной, негосударственной форме, или Содружество – эти понятия были предметом детальной дискуссии. Она завершилась тем, что все мы пришли к мнению: это *должно быть конфедеративное союзное государство*. Тут же, в Ново-Огареве, на пресс-конференции все руководители республик вышли к телеобъективам и изложили свою позицию.

Иногда мне казалось, что мои партнеры склонны упрощать вопрос, толкуя мои аргументы в защиту союзного государства как попытку сохранить центр по каким-то ложным соображениям. Выступая последним на той пресс-конференции, я сказал: Договор о Союзе Суверенных Государств просто необходим как база для реформирования нашего унитарного многонационального государства. Необходим и для решения самых неотложных задач. Без согласования между республиками реформы не пойдут. Согласование нам необходимо, потому что мы так сложились и деваться нам некуда. Сейчас делиться, гадая, хорошо ли это получилось или нет, просто невозможно. Если разойдемся по национальным обособленным государствам, то даже в рамках Содружества процесс согласования и взаимодействия необычайно усложнится.

Вот документальный комментарий и репортаж газеты «Известия» об итогах заседания Госсовета 14 ноября.

«СОЮЗ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (ССГ)»

Событие, которое произошло в подмосковном Ново-Огареве 14 ноября, можно назвать обнадеживающим. Семь суверенных республик, участвовавших в заседании Госсовета, высказались за создание нового политического союза. Это своего рода сенсация. В последнее время мало кто верил в возобновление работы над Союзным договором – по крайней мере в ближайшем будущем. И все же сама жизнь расставляет все по местам. Многие республики пришли к выводу, что без политического союза продвигаться дальше невозможно.

Основное время члены Госсовета потратили на обмен мнениями по поводу статуса будущего Союза. Рассматривалось три варианта. Это – просто союз суверенных государств, не имеющий своего государственного образования. Или союз с централизованной государственной властью – федеративный, конфедеративный. И третий вариант – союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и без названия. Обсуждалось несколько компромиссных решений. В конце кон-

цов участники сошлись на том, что будет Союз Суверенных Государств – конфедеративное государство, выполняющее делегированные государствами-участниками договора функции.

Позиция России. Борис Ельцин: Трудно сказать, какое число государств войдет в союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет.

Казахстан. Нурсултан Назарбаев: Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а за союз, который реально сегодня существует, это союз суверенных государств – самостоятельных и равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения Казахстана. Каким будет этот союз в конечном счете – конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее.

Беларусь. Станислав Шушкевич: По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, союз будет.

Кыргызстан. Аскар Акаев: Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности – союз будет.

Туркменистан. Сахат Мурадов (Председатель Верховного Совета республики): На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств.

Таджикистан. Акбаршо Искандеров (заместитель Председателя Верховного Совета): Наша республика с самого начала была за союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет.

Итак, достигнута договоренность в главном: будет государство – субъект международного права. Однако у будущего ССГ (останется именно такое название) не будет своей конституции. Ее заменит сам договор о Союзе Суверенных Государств. Прорабатываются вопросы гражданства – оно также будет союзным. У Союза будет свой парламент – двухпалатный, а также прави-

тельство. Что же касается Межгосударственного экономического комитета (МЭК), то он будет действовать на переходный период в качестве правительственного органа. В правительство ССГ помимо премьер-министра войдут его заместители и министры союзных ведомств, которые сохраняются по условиям нового договора.

На Госсовете основательно обсуждался и вопрос о том, какой будет роль республик и каким станет новый центр. По мнению Михаила Горбачева, здесь ожидается “огромное перераспределение полномочий”. Республики категорически против того, чтобы под давлением тех или иных обстоятельств реанимировать старый центр. “Я разделяю такую позицию, – заявил Президент СССР, – но при одном условии: новое государство должно располагать эффективными властными функциями и полномочиями”.

У ССГ будет и свое высшее должностное лицо – Президент, предусматривается также и институт вице-президентства. Президент ССГ будет избираться гражданами республик, входящих в Союз.

Конечно, все эти вопросы пока рассматривались лишь при первом приближении. Работа над ними предстоит еще большая. Ведь нынешний проект Союзного договора и тот, который был готов к подписанию 20 августа, кардинально отличаются друг от друга. Но в принципиальном плане многие основополагающие пункты нового договора обсуждены и согласованы. Члены Госсовета соберутся еще раз для обсуждения остающихся проблем. Но точная дата заседания еще не определена.

Отвечая на вопрос корреспондента “Известий” о возможных сроках заключения договора об ССГ, М. Горбачев сказал:

– У нас у всех желание двигать этот процесс насколько возможно быстрее. И вместе с тем нельзя торопиться. После следующего заседания Госсовета пойдет основной процесс, который можно будет раскладывать по времени. Но главное – не потерять темп и не увязнуть в политических баталиях.

Проект договора предстоит рассмотреть и Верховным Советам республик. Если они его одобряют, то он вступит в силу сразу после подписания договора полномочными делегациями.

...Говорят, кто-то при обсуждении названия будущего Союза заметил: что-то не очень хорошо звучит “ССГ”. “Ничего, при-выкнем”, – улыбался Б. Ельцин».

**Последнее
заседание
Госсовета**

25 ноября Госсовет вновь собрался в Ново-Огареве. Об итогах этого заседания я тут же сообщил на пресс-конференции. Вот ее стенографическая запись.

«*М.С. Горбачев:* Первую часть повестки дня, которая связывалась с завершением подготовки Договора о Союзе Суверенных Государств, с тем чтобы его передать в Верховные Советы республик, Верховный Совет СССР и опубликовать, мы завершили. Возник вопрос о том, что мы раньше договаривались парафировать каждый лист. Договорились пойти по линии выражения коллективного мнения, коллективного парафирования решением Госсовета. Поэтому в результате довольно длительной работы, проработки всего комплекса вопросов, которые возникли уже в ходе работы над последним вариантом и за которые высказались руководители суверенных государств, пришли к тому, что приняли вот такое постановление: направить Верховным Советам Суверенных Государств и Верховному Совету СССР разработанный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Просить Верховные Советы рассмотреть данный проект, имея в виду подготовить его для подписания в текущем году, опубликовать проект в печати.

Я должен сказать, что опять все возвращалось на круги своя. Уж раз быть откровенным – наверно, такова сама эта материя. Тем не менее, хоть были дебаты острыми, серьезными, у всех присутствовало понимание, что дальше затягивать просто невозможно.

Страна и общество в таком состоянии, что этот процесс надо завершить, ибо не заработают ни реформы, ни экономический договор и ничто другое, если мы не развяжем главный узел – вопрос о государственности. Поэтому к тому, о чем мы договорились на прошлом Госсовете 14 ноября, существенных изменений, изменений коренного порядка не внесено. Они носили больше редакционный характер. Единственное из того, что, может быть,

выходило за эти рамки, – это исключение из проекта Договора предложения иметь Председателя Верховного Совета СССР. Вице-президент сохранен, двухпалатный Верховный Совет сохранен, как и должность Президента, избираемого гражданами в соответствии с законом, который будет принят. Госсовет восстановлен, и не только восстановлен: товарищи высказались за то, чтобы этот орган играл более эффективную роль, имел силу и влияние, которые он набирает сейчас. Более “облегченная” формула, которая содержалась в проекте, не удовлетворила товарищей. Они высказались за то, чтобы Госсовет был органом согласования внутренней и внешней политики на уровне государственном под руководством Президента, чтобы решения Госсовета носили обязательный характер, словом – чтобы действовал эффективно. Иначе говоря, функции Госсовета решили восстановить в том виде, в каком, по сути дела, они были определены и очерчены в принципиальном плане в Законе о государственных структурах и органах управления на переходный период. Это вот существенное, что было внесено в проект. И еще одно, тоже существенного порядка: участники заседания высказались за то, чтобы прокуратура существовала не как самостоятельный институт, а чтобы этот институт надзора за соблюдением законов был, по опыту зарубежных стран, при Верховном суде Союза. Еще дискуссия была относительно совместного ведения, т.е. полномочий союзных органов. Но здесь больших разногласий не было, уточняли суть того, что понимается под соглашением о внешней политике. У нас был разговор об этом еще на прошлом заседании Госсовета. Там вышли на такую запись: иметь Соглашение или Договор о координации внешней политики. Но новый министр внешних сношений товарищ Шеварднадзе поставил вопрос: а что координировать? Ведь чтобы координировать, нужна политика. Поэтому нашли формулу, которая предполагает согласование внешней политики и ее координацию, а также принципы координации.

Вот, пожалуй, наиболее существенное, о чем пришлось подискутировать.

Возвращались опять и к дискуссии по вопросу: конфедерация – это Союз или государство? Это самая значительная часть нашего заседания. Все же оставили формулу, которая была согласована на прошлом заседании Госсовета, а именно: Союз Суве-

ренных Государств – это конфедеративное демократическое государство. И эта концепция была проведена через все разделы проекта. Таким образом, очень трудная, очень ответственная работа на таком важном этапе, каким является рассмотрение на Госсовете, завершена. И я думаю, в течение двух дней мы внесем уточнения в текст и разошлем его.

Агентство “Интерфакс”: Еще десять дней назад все президенты сказали о том, что будет парафирование. Это международно признанная норма. Не считаете ли Вы, что отказ от этого, что называется, не от хорошей жизни и, если не служит затягиванию ново-огаревского процесса, то, по крайней мере, отражает настороженность политических руководителей республик?

М.С. Горбачев: Скажу так: руководители республик в какой-то мере сохранили себе пространство для маневра и политически правильно ссылаются на то, что процесс все-таки должен завершаться в Верховных Советах. Они не хотели действовать неуважительно в отношении Верховных Советов.

Но вообще-то, говоря на международном языке, такое постановление Госсовета, по существу, означает парафирование – согласованный проект направляется для рассмотрения в принимающий окончательные решения орган.

“Правда”: Сохраняется ли возможность подписания Договора в начале декабря?

М.С. Горбачев: Я думаю, в начале декабря нет. А к середине, к 20-м числам, вполне возможно. Но предстоит работа в комитетах, в Верховных Советах, потом дебаты и одобрение и формирование полномочных делегаций, которым будет поручено окончательно доработать текст – как мы решили – и подписать его. Во всяком случае, мы должны приложить все усилия, чтобы это было сделано побыстрее, потому что в таком состоянии общество нельзя больше держать. Я это еще раз ощутил, будучи в Иркутске, и даже в более или менее спокойной республике Кыргызстан. Там тоже главный вопрос – сохранится ли межнациональный мир? Люди в тяжелом состоянии, в большой тревоге.

Центральное ТВ: Михаил Сергеевич, никто из нас не знаком с текстом Союзного договора, который Вы сегодня обсуждали.

Могли бы Вы коротко сказать, какая роль отводится в нем Президенту Союза? Будет ли он всенародно избираться?

М.С. Горбачев: Президент – глава конфедеративного государства избирается гражданами в соответствии с законом на пять лет, не более двух сроков подряд, является главнокомандующим Вооруженными Силами, формирует правительство и все, что связано с исполнительной властью, возглавляет Государственный совет. Я, в общем, вы знаете, привержен этой формуле, отстаиваю ее. Вижу: на моих коллег в Государственном совете идет мощное давление разных течений, которые ставят под сомнение целесообразность сохранения государства. Я уверен, что если мы поддадимся этому, этим настроениям, если мы проигнорируем желание в народе в пользу союзного государства – а оно сейчас сильнее, чем на референдуме, – то нам всем не собраться с силами. Это трудно будет сделать – люди это должны знать, – даже если мы подпишем Договор и сохраним союзное государство: слишком многое уже упущено. Так сильно дезинтегрировано общество, так все нарушено... Один из членов Госсовета сказал: мы что хотим создать – государство или, по словам Маяковского, «облако в штанах»? Я думаю, он правильно, уместно использовал этот образ. Если мы в этом облаке окажемся вместо союзного государства, обновленного, реформированного, с другой ролью союзных республик, с другими союзными органами, это будет, я скажу, трагедия. И я надеюсь, все это понимают. Я не хочу сказать, что Горбачев больше всех чувствует свою ответственность перед людьми, а другие не чувствуют. Это было бы с моей стороны просто неуважительно к моим коллегам: они ведь каждый день ощущают настрой в своих республиках, давление всех течений, всех слоев общества. Я просто лишь хочу подчеркнуть: время пришло, когда хватит маневрировать. Пусть каждый скажет, чего он хочет, и люди пусть разберутся.

Программа “Маяк”: Судя по тому, что Вы сказали, видимо, сегодня возникла необходимость возвратиться к обсуждению тех положений Договора, которые считались уже ранее согласованными. Вот такой подход не затрудняет ли договорный процесс в целом?

М.С. Горбачев: Но я вам уже сказал, собственно что по каким-то вопросам, даже принципиальным пришлось вернуться назад.

Но в принципе мы вышли на согласование. Ничего из принципиального не выпало. Ничто не утрачено.

“Московские новости”: Михаил Сергеевич, сохраняется ли у Вас надежда, что к Договору присоединятся другие республики, не участвующие сегодня в Огаревских консультациях?

М.С. Горбачев: Уверен.

“Московские новости”: Какие?

М.С. Горбачев: Украина будет участвовать. Я не мыслю себе Союзного договора без Украины, убежден в этом – я знаю настроение народа Украины.

“Труд”: Будет ли отдельно обсуждаться еще вопрос о названии нашего нового государства, учитывая, что аббревиатура ССГ уже подвергается критике?

М.С. Горбачев: Я сегодня на заседании, ссылаясь на то, что в эти дни эта тема довольно широко обсуждается в прессе, сказал: давайте поговорим, как будем реагировать на выступления прессы по этой теме. Все товарищи высказались за то, чтобы сохранить название ССГ, как мы договорились на прошлом заседании Госсовета.

“Независимая газета”: В какой форме решается вопрос единых Вооруженных Сил Союза? В предыдущем проекте была оговорка, что эта статья дорабатывается.

М.С. Горбачев: Сейчас есть специальная статья Договора по Вооруженным Силам. Там сказано, что они едины, централизованно управляются, но что при этом будет договор, в котором будут оговорены новые возможности для республик. В частности, уж принято решение о том, чтобы гражданскую оборону, военкоматы, строительные части передать в ведение республик. Кроме того, особо прорабатывается, продумывается механизм участия республик в осуществлении, в выполнении функций центрального управления Вооруженными Силами. Так что имеется в виду, что Договор, который будет заключен, об обороне и коллективной безопасности все эти вопросы “просветит”, “пропишет”. Но это будут единые Вооруженные Силы».

Об этом последнем заседании Госсовета мне пришлось вновь довольно подробно рассказывать представителям прессы 12 декабря, уже после Минской встречи.

«В канун референдума на Украине ситуация быстро менялась. Я вновь и вновь ссылался на состоявшуюся 14 ноября 1991 года договоренность с семью республиками, приводил аргументы в пользу союзного конфедеративного государства. Дискуссия дошла до такого накала, что я сказал: хорошо – я уважаю вашу позицию, но согласиться не могу. И пошел к себе в кабинет, предоставив коллегам сделать выбор без меня.

Через какое-то время ко мне пришли Ельцин и Шушкевич. Принесли проект решения Госсовета относительно проекта Союзного договора, в принципе – в том виде, в каком он был согласован 14 числа. Там, как известно, речь шла о том, что Союз Суверенных Государств – это конфедеративное демократическое государство. Я внес свои замечания в проект решения, Ельцин и Шушкевич согласились, мы вернулись в зал заседания, продолжили обсуждение, редакционную работу над проектом решения Госсовета. Затем все расписались. В этом решении было сказано: “...направить разработанный Госсоветом Договор на одобрение парламентов”, имея в виду затем после этой процедуры окончательно подписать Договор.

Вот, собственно, такой путь был пройден...»

«Украинский феномен»

Таким образом, до «украинского феномена» сложилось понимание, что будет конфедеративное государство с едиными Вооруженными Силами, общим рынком, согласованной внешней политикой, общими валютой, банковским союзом, энергетикой, космической деятельностью, транспортом и связью, то есть всеми теми сферами, где Союз работает для всех.

Поэтому, когда в Минском заявлении говорится, что договорный процесс зашел в тупик, я спрашиваю: кто в тупике? Ведь восемь республик готовы были подписать Союзный договор, в парламентах начались обсуждения. У меня на столе было уже заключение одного из комитетов российского парламента, ко-

торый поддержал Договор и даже предложил, что в Союзе необходимо иметь Конституцию, чего в проекте не предусматривалось. В тупике Украина? Ну так давайте не будем все в этот тупик рваться, а вытащим Украину, найдем способы.

Б.Н. Ельцин постоянно меня спрашивал: как Вы можете обеспечить участие Украины в Союзном договоре? Мой ответ: если Россия и другие республики подпишут его, Украина найдет свое место. Если бы она не захотела быть полным членом, могла бы поначалу стать членом оборонительного союза. Об этом ведь Кравчук говорил, когда был кандидатом в президенты, во всяком случае, в отношении стратегических вооружений. Украина уже была участником Экономического договора. Подписали бы соглашение о научно-техническом сотрудничестве и другие. В общем, можно было бы представить себе дифференцированные связи между Украиной и Союзом. Это вопрос времени, поиска.

Поэтому, что касается тупика, о котором все время мне говорили, имея в виду позицию Украины, я подходил к этой проблеме с позиций здравого смысла. И всегда отвечал: вопрос в том, пойдем ли мы все вместе с Украиной в этот тупик, или будем вместе вытаскивать ее из него.

Должен, однако, признаться, что дискуссии и вообще то, что произошло на Госсовете 25 ноября, оставили у меня на душе тяжелый осадок. Мне показалось, что не зря Б.Н. Ельцин, отбросив нашу договоренность по главным вопросам нового Договора, вдруг публично вытащил на свет Божий тезисы из прошлого, опрокидывающие согласованные положения.

**Мое
обращение
к белорусам**

Обстановка становилась все более напряженной. 28 ноября я дал большое интервью белорусской «Народной газете». Оно, однако, кроме как в самой этой газете, нигде не публиковалось.

«Вопрос: Михаил Сергеевич, Вы остаетесь оптимистом и сохраняете внешнее спокойствие посреди, казалось бы, всеобщего упадка и развала Союза. Неудача с парафированием политического договора в Ново-Огареве сделала перспективу Союза, как нам кажется, может, еще более призрачной. Что

придает Вам силы и веру в то, что Союз Суверенных Государств все-таки состоится наперекор всему?

Ответ: В последние недели я на этот счет очень много высказывался. Но хочу подтвердить еще раз: если мы ошибемся в решении этого главного вопроса, разойдемся в выработке позиций, то мы нанесем колоссальный удар по всем преобразованиям, похороним то, что уже сделано и, вообще говоря, поставим в тяжелое положение народы всех республик. Я бы сказал так: сегодня главный приоритет в политике, в решениях, которые мы должны принять, заключается именно в вопросе о Союзе. Вы скажете: почему? Есть проблема рынка, неудержим спад производства... Все дезинтеграционные процессы будут проявляться с еще большей силой, если решение вопроса о Союзе будет откладываться.

Вопрос наиважнейший – государственность. Я очень сожалею, что мои коллеги по Госсовету очень чувствительны к давлению различных течений. У нас их сейчас хватает с избытком во всех республиках, а кое-где они завладели позициями. Я имею в виду те течения, которые исповедуют националистические концепции, питают сепаратистские устремления. Их корни связаны с историей, с реакцией на те или иные ее тяжелые периоды. Это все можно понять, но я против того, чтобы негативные выводы из анализа болезненных этапов нашей истории трансформировались в политику республик. Потому что мы состоялись как огромная общность, как самый сложный мир, говорящий на ста двадцати языках. У нас все переплелось. Меня больше всего волнуют люди и их судьбы. Ведь где бы мы ни оказывались – везде считали, что мы у себя дома. Служил кто-то, скажем, в Белоруссии и остался там жить, обзавелся семьей... И вот все, кто когда-то так или иначе сменил место жительства, в некоторых наших регионах оказались бы в чужом государстве. Это не простая проблема, и я ее ставлю на первое место. Семьдесят пять миллионов людей живут за пределами своей “малой Родины”. Так что же – все они становятся гражданами второго сорта? И пусть нас не убавкивают, что все будет гарантировано в двусторонних договорах, которые подписывают республики. Не верю, что это решит проблему. Должно быть сохранено государство, которое обеспечит правовую защиту каждому человеку.

Продолжая размышления, сошлюсь на Прибалтику. Мы с вами слышали заверения, нам обещали, что в этом смысле там все

будет гарантировано; а что происходит сейчас, как решается, например, вопрос о гражданстве? Вольно или невольно, но выходит, что некоторых граждан, проживающих в прибалтийских республиках, относят как бы ко второму сорту. Уже мировые организации по защите прав человека обратили внимание на это, вплоть до того, что ставится вопрос о непредоставлении кредитов соответствующим правительствам.

На фоне той катастрофы, которая у нас может произойти, блекнет даже трагедия Югославии, которая обернулась многочисленными смертями, разрушением многих ценностей, миллиардными потерями. Поэтому не нужно рвать материю, сформировавшуюся в веках. Не надо, повторяю, поддаваться давлению определенных сил, не дающих отчета в своих действиях. Я должен сказать, что Председатель Верховного Совета вашей республики Станислав Станиславович Шушкевич мне нравится. Самостоятельный, взвешенно мыслящий. Он прямой человек и открытый, большой интеллект. Что он знает – отстаивает, о том, чего не знает, – судить не берется. Он говорит: “Знаете, Михаил Сергеевич, у меня такая ситуация, что надо обсудить этот вопрос в Верховном Совете во избежание расхождений, для чего потребуется неделя-другая”. В свою очередь Борис Николаевич Ельцин сказал, что готов парафировать текст Договора, если к нему приложат те замечания, которые уже поступили из Верховного Совета России. И напрасно в прессе, нашей и западной, раздули кампанию о провале ново-огаревского процесса... Тут все ясно: кому-то хочется именно так все представить. А я все-таки уверен, что мои коллеги правильно понимают суть вещей. Кстати, под решением Госсовета все расписались, и я лично. Так что парафирование уже как бы произошло через общее решение.

Как бы там ни было, я уверен, Союз всем нужен. Замечу, что, как показывают социологические исследования, теперь, когда рвутся хозяйственные связи, когда многие люди остаются без работы и неуютно становится во многих семьях, за Союз выступает все больше людей. Люди – за Союз, и это главное, что питает мою уверенность».

Отвечая на вопрос о функционировании президентской власти в тот момент, я сказал: «Пока мы не заключили нового Дого-

вора, не определили систему новых союзных органов, состояние переходности сохраняется, и ему будет соответствовать переходная структура. Ключевой орган переходного периода – Госсовет. Главное, что меня занимает в настоящий момент, – это вопрос завершения ново-огаревского процесса и подписание политического договора. Тем самым мы создадим новое жизненное пространство. Идет процесс перераспределения полномочий. Теперь решение проблем сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности в руках республик. И это правильно – ведь речь идет о том, что находится на их территориях. Последнее, к сожалению, не все улавливают. По-прежнему пытаются кивать на Центр. Можно год-два говорить, но пора уже и отвечать. Права получили, а с этим всегда наступает и ответственность. Права и обязанности, права и ответственность – это всегда рядом.

Тот бюрократический Центр, который лишал кислорода в такой огромной стране даже республики, уже не говоря о регионах, он, всем известно, себя полностью и давно изжил. Хотя долгое время многое, конечно, было связано с функционированием этого Центра, с бездумным принятием решений и по вопросам размещения производительных сил, и по многим другим проблемам. Теперь это оборачивается и перекосами в экономике, и лишними перевозками, и тяжелыми экологическими последствиями.

Так что нам многое надо менять. Я убежденный сторонник перемен, но, уходя от одной крайности – унитарности, мы не должны прийти к хаосу или распаду Союза. Для нас это обернется непоправимой бедой».

«Союз нужен нам, чтобы обслуживать человеческое, научно-техническое, экономическое и иное пространство. Он нужен не только нам, он нужен Европе и всему миру. Это – одна из важнейших опор сегодняшнего миропорядка. Разрушение Союза вызывает за рубежом крайнюю тревогу. Там понимают, что это может привести к очень тяжелым последствиям не только для самого Союза, будут губительные последствия для Европы и для всего мира. Югославия у всех перед глазами. Тем более – зачем рушить Союз, который разворачивается к цивилизации? Зачем отказываться от демократического Союза, нацеленного в рамках нового мышления на сотрудничество со всеми? Надо быть совершенно безответственным человеком, чтобы желать распада такого Союза.

Даже те, кого мы считали потенциальными противниками, и они сегодня понимают, что мировое сообщество должно сделать все во имя сохранения Союза. Удивительные вещи происходят: в Мадриде король Хуан Карлос устроил прием, на котором встретились я, Буш и Гонсалес. Состоялся 4-часовой откровенный разговор. И, что поразительно, все они в один голос убеждали меня в том, что Союз нужен. Меня убеждали! На другой день я нанес визит Миттерану по его просьбе. Он – то же самое. В Риме встретились главы государств – членов НАТО, в итоговых документах сделали даже специальную запись.

Итак, Союз – объективная необходимость, вытекающая из современной расстановки сил в этом мире и из признания того, что сегодня наше огромное многонациональное государство играет большую конструктивную, созидательную роль в мире. И сохранение Союза не мешает новой роли республик в отстаивании своих национальных интересов. Согласованная внешняя политика при широкой свободе действий республик в вопросах экономики, решении социальных проблем – вот прогрессивная формула».

**Россия
и другие
республики**

«Вопрос: Последние недели руководством России, в частности Президентом России Борисом Николаевичем Ельциным, приняты указы о национализации того, что еще недавно являлось общесоюзной собственностью.

Это касается позиции России в отношении Гохрана, Гознака, имущества ликвидируемого Министерства юстиции СССР, а также монополии на внешнеэкономическую деятельность. Эти шаги были приняты в одностороннем порядке, без консультации с другими республиками. Не находите ли Вы в самих этих акциях сходства с действиями лидеров Грузии и Молдовы, объявивших о национализации военного имущества на территории республик? Не были ли продиктованы эти шаги одной логикой – логикой дальнейшего развала союзных структур?

Как руководитель Союза, Вы, Михаил Сергеевич, никоим образом не отреагировали на эти шаги руководства России. Не является ли такая позиция Президента вынужденным соглашательством с любыми шагами, которые предпринимает Россия?

Ответ: Острый вопрос. Ну ничего, жизнь наша такая и время такое, что надо задавать эти вопросы и не уходить от ответа. Особенно если они касаются принятия политических решений, причем на очень ответственном этапе развития общества. У меня в последнее время появилось ощущение какой-то полной внутренней свободы. Мы подошли к такой грани, когда должны говорить прямо и себе, и народу. У нас просто нет времени, чтобы в рутинных формах вести диалог и обсуждать насущные вопросы».

«Я бы разделил ответ на две составные. Прежде всего мы должны двигаться по пути реформ, убеждать не приходится. Жизнь просто требует движения. На днях я вернулся из Иркутска, и там звучали главным образом две темы. Первая – делайте что-нибудь, терпение у людей на исходе, и вторая – Союз. Я бы даже сказал, что судьба Союза больше всего беспокоит людей.

И с этой точки зрения решимость России, крупнейшей республики, пойти путем дальнейших реформ к рыночной экономике на основе согласительной концепции, я думаю, нам всем надо поддержать. Именно в таком русле шел разговор на заседании Госсовета, на его закрытой части. С Борисом Николаевичем мы разговаривали еще накануне, как только я вернулся из поездки в Иркутск и Кыргызстан. Он сказал, что готов информировать коллег о своих замыслах и работать в режиме полного взаимодействия».

Это – первая часть.

«Столь радикальные перемены сопряжены с большим риском. Мы должны, с одной стороны, дать людям полную информацию, чтобы они понимали, что это необходимо, что это надо выдержать, что за каким-то тяжелым периодом затем последует позитивный процесс. Но, с другой стороны, мы должны обезопасить людей от наихудших последствий. Это во многом зависит от последовательности шагов. Если мы просто отпустим цены, не решим этот вопрос, то это все равно что выполнить программу “500 дней”, но только с конца. Нужен прежде всего блок мер по созданию стимулов для производителя – и крестьянина, и кооператора, и предпринимателя... И особенно надо подумать о рабочих государственных предприятий, которые составляют основную массу населения. Представители рабочих коллективов мне прямо сказали: если оставите нас вне поля зрения на этом

этапе, то можете получить не августовский путч, а нечто более серьезное. Вы так легко с нами не разделаетесь, как с путчем. Такой вот крутой разговор вышел. Рабочие требуют: если вы примете решение и правовые акты, которые позволят нам через коммерциализацию, разгосударствление получить права, чтобы распоряжаться продуктами и получаемой прибылью, тогда мы делами будем заниматься. Иначе мы выйдем на площади и будем решать свою судьбу на свой лад.

Итак, первые необходимые шаги – это дать свободу производителю, хорошо стимулировать его труд, не сдерживать инициативу.

Второе. Следует срочно, не откладывая, принять ряд решений по социальной защите трудящихся. Скажем, производитель свои личные интересы сможет отстоять и в рыночных отношениях – если, конечно, будут решены проблемы заработка, доходов, социального обеспечения. А что делать тем, кто живет за счет бюджетных ассигнований – учителям, врачам, военнослужащим, пенсионерам, студентам? Они ведь тоже должны иметь ясность. И государство должно обеспечить им социальную защиту.

Теперь о стабилизации финансовой системы. Бюджет следует поджать, где только возможно. Необходимо также сократить военные расходы. И тогда, отпуская цены, мы не нарушим общей системы экономических реформ. Нельзя же проводить либерализацию цен сломя голову. И нельзя допустить, чтобы сейчас, когда рынок только-только формируется, его опять разнесли в пух и прах.

Россияне направили пакет со своими экономическими программами всем республикам, значит, они не намерены действовать в одиночку. Верно, в такой обстановке идеальных решений нет, и не надо за это цепляться. Не стоит раздувать кадило по поводу и без повода. Но есть вещи, которые должны быть согласованы с республиками. Их надо обсуждать, это дело принципа. Россия выступила с инициативой, и уже в понедельник И.С. Силаев должен начать работу вместе с главами правительств республик по разработке конкретного механизма реализации экономических реформ. Причем у нас на Госсовете была такая договоренность: премьеры будут работать столько, сколько нужно, ибо главное вопроса сегодня нет».

«Реформы надо проводить, но проводить согласованно, силами всех республик. Это касается цен, вернее, механизма выхода на свободные цены, налогов и многого другого. В каждой республике будут какие-то свои нюансы. Без них не обойтись, но должна также быть общая линия. Иначе сплошные перекосы и деформация».

«**Вопрос:** Неспроста задаю Вам этот вопрос: нашему Станиславу Станиславовичу Шушкевичу приходится очень трудно в парламенте. Выступает оппозиция и говорит: последние указы Президента России ставят Беларусь и другие республики на колени, а Вы все пытаетесь убедить нас в реальности равноправного Союза. И возразить как будто трудно... Поэтому хотелось бы, Михаил Сергеевич, спросить, чем объяснить отсутствие реакции непосредственно со стороны Президента СССР на решение российского руководства? На те указы, которые сделаны в нарушение существующего порядка, союзнических обязательств, наконец?»

«**Ответ:** Моя реакция была. Я сказал: приветствую общую направленность мер и основные составные этой программы. Но тогда же я отметил, что допущен серьезный просчет относительно того, что поспешили объявить о либерализации цен, не проработав механизма.

И самое главное. У меня была беседа с Борисом Николаевичем, и я попросил прояснить: либерализация цен будет проводиться вместе с республиками или силами одной России? Он ответил: "Вместе". Это важно. И на Госсовете я сказал: принимаю к сведению заявление Президента России о том, что все будет делаться вместе с республиками. И такая работа уже ведется, при этом и через Госсовет. Так что мимо моего внимания этот вопрос не прошел.

Я думаю, что перепалку по каждому указу начинать не следует. Хотя, с другой стороны, там, где возникают принципиальные вещи, их нельзя оставлять без внимания. Это только на пользу и россиянам, и всем остальным».

«Те, кто принимает решения, должны понимать: если мы идем к Союзу, если мы подписали Экономический договор, то надо же выдерживать общую линию.

Я думаю, что это отражает еще и другое: не все во власти Ельцина. И он испытывает огромное давление со стороны разных сил».

**Межнациональные
конфликты силой
не решить**

Отвечая на вопрос о Нагорном Карабахе, я сказал: опыт показал, что «ставка на силу ошибочна. В другой стране, в другое время мы живем. Если мы демократы, то и должны оставаться демократами, даже тогда, когда имеем дело с протестом в политической форме. И на последнем Госсовете, и на предыдущем мы, касаясь темы Нагорного Карабаха, высказывались за мирное урегулирование конфликта. Если начнем с того, чтобы оружием подавлять боевиков, то к чему это приведет? За спиной боевиков села, простые люди. Это будет кровавая трагедия. И гражданские люди погибнут, и солдаты. Подавить можно. Но вспомним Афганистан, что дала там сила? Вспомним Югославию, что там дало подавление? И давайте вспомним локальные события: когда мы просто охраняли порядок – это одно, когда мы начинали действовать силовыми методами – это приводило к драме в обществе. Это же и вы пережили в своей республике. Я ее очень хорошо знаю, многих белорусов знаю и преклоняюсь перед вашим народом. Но ведь и вас не обошла эта чаша.

– Не обошла...

– Вспомните историю с Куропатами. Я вмешивался тогда, пытался надумать ваших лидеров – “остановите это”. В общем, ставку на силу делать нельзя.

Все решать нужно конституционным путем. Есть законы, и их надо соблюдать.

И еще одно. Если есть проявления противостояния в острой форме со стороны тех же боевиков – найдутся же такие, которые никому не подчиняются, это уже вольные стрелки, им уже нравится то, что они делают, вошли в роль – в этом случае должны действовать правоохранительные органы в соответствии с законом. А в необходимых случаях – и силой. Но мы хотим все же путем политических и переговорных процессов выйти на такое согласие, которое приведет к миру в конфликтных зонах. На это направлено и такое решение – в местах, где сложилась особо острая обстановка, будут созданы полосы или участки, которые

станут контролироваться внутренними войсками. А кое-где там дислоцируются армейские части. Это делается для того, чтобы разделить враждующие стороны, лишить возможности боевиков действовать в зонах, где живут люди. Они же ведь жгут, стреляют...

Вопрос: Вы неоднократно принимали президентские указы по разоружению незаконно созданных формирований. Почему они не доводились до конца и почему союзные внутренние войска и армейские подразделения оказывались заложниками ситуации?

Ответ: Потому что так действуют местные власти. Я вам должен сказать – это неправда, что все абсолютно неуправляемо. В основном на 90 процентов все управляемо и отражает так или иначе соответствующую позицию».

Вновь об Украине

Белорусский корреспондент интересовался моим мнением о процессах на Украине. Я сказал: «Два года назад мне приходилось говорить о ситуации на Украине. Вы знаете мою точку зрения. Пока все идет более-менее спокойно, ситуация представляется нормальной. Лично я вижу Украину как компактную, целостную республику, где объединены интересные регионы, и они сотрудничают на основе разделения труда. Вообще, прекрасная республика... Но, посмотрите, как там эксплуатируют идею самостийности: уже, по-моему, далеко не только в целях избирательной кампании.

И, посмотрите, во что это выливается. Ведь хорошо известно, как Харьков оказался в составе Украины: большевики присоединили его, чтобы завоевать большинство в Раде... Вспомним Крым – это ведь тоже русская история. И если собираются отлучать Украину от Союза, то что делать проживающим там 12–15 миллионам русских людей, и вообще кому это нужно? Я – за самоопределение без разрушения Союза. Все это возможно, причем настолько возможно, что уже начинаем соображать: мы где-то забежали далеко вперед. Надо сохранять взаимодействие, разрывы дорого обходятся».

**«Белорусский
аспект»**

«Вопрос: Позвольте перейти теперь к «белорусскому блоку» вопросов. Вернемся к событиям конца марта этого года, к Вашему приезду в Белоруссию [26–28.02.1991 г.] . Почему Президент СССР и Генеральный сек-

ретарь ЦК КПСС пошел на поводу у местного партаппарата, устроившего вокруг этого визита очередной фарс? Ведь Вы знали, что собой представляют лидеры Компартии Белоруссии. И чем объяснить, что в ту поездку у Вас нашлось всего пять минут для выступления в парламенте суверенной республики?

Ответ: Если уж говорить о моей поездке в Белоруссию, то она прежде всего была связана с Чернобылем. Все остальное – это уже вторично. Перед лицом чернобыльской беды все были равны – и консерваторы, и демократы. Впечатление от той поездки получил сильнейшее. Едешь по деревне – прекрасные места, только, казалось, дома отдыха устраивать, – а все брошено, людей не осталось. Поэтому в той зоне никто свои взгляды не демонстрировал, речь шла о том, как помочь в беде.

В то время я как раз был вовлечен в очень сильное противоборство. Помните февральские речи некоторых наших товарищей, которые предлагали засучить рукава и идти в атаку прямо с площади. Другие же хотели выйти им наперерез. Тогда в Белоруссии я попытался, может быть, впервые, развить тему согласия, тему центризма. Но некоторые в моем выступлении увидели, что я отдаю предпочтение правым...

– Да, неоднозначная была реакция.

– Неоднозначная. Не думаю, что я в той речи ратовал за кого-либо. Просто я – довольно увлекающаяся натура, и в политике тоже. Главная мысль состояла в том, чтобы не дать крайностям столкнуться. Они порой сходятся, как они после путча сошлись в украинском парламенте, когда вместе с сепаратистами за самостоятельность голосовали и представители тех, кто был на стороне ГКЧП. Но если бы эти крайности сомкнулись, то не миновать беды. И потом я так скажу: каждый регион, каждая республика должны пройти свой путь. Должна была пройти его и Белоруссия. Я всегда стремился к тому, чтобы в этой республике политические процессы шли в общем, демократическом русле. И вот Белоруссия переминалась с ноги на ногу, а потом вдруг так “рванула”, что надо было уже с другой стороны советовать – взвешивать...

вайте свои действия, дорогие товарищи. И тем не менее я и сейчас уверен, что Белоруссия с ее ответственностью, с ее выдержкой, которая, вообще говоря, уже в крови этого народа, играет и еще сыграет очень важную, незаменимую роль в объединении нового Союза, сохранении нашей общности. Мне думается, что она могла бы сделать даже еще больше, чем сейчас. И не надо стесняться говорить прямо тем, кто сегодня ведет белорусский народ. Я уверен, что мы имеем в лице белорусов горячих сторонников, которые выстрадали нашу общность своей историей».

«С белорусами у меня всегда были прекрасные отношения... Я очень хочу, чтобы белорусский народ смог выбраться с наименьшими потерями из этой национальной беды из-за Чернобыля. Нас часто упрекают – и то, мол, мы проглядели, и это. Но мы с вами только сейчас познаем эту материю. Конечно же, ужасно получается, что народ находится, как говорят, в “эксперименте”. Но мы использовали весь мировой опыт, который есть у МАГАТЭ, у японцев, у тех стран, которые имеют ядерные реакторы. Уже израсходовали шестнадцать или даже восемнадцать миллиардов, а еще все впереди. Беду так просто не одолеть».

«Для меня главное сейчас – на этом ответственном этапе все свои силы положить на то, чтобы сохранить наше государство. Бестолковщина и хаос нас и так по горло засосали. Мы еще можем их одолеть, если решим вопрос о государстве».

**Между
референдумом
на Украине
и Минской
встречей**

Ситуация на Украине в связи с референдумом вызывала тревогу в мировом сообществе, особенно в Европе, в Соединенных Штатах.

30 ноября мне позвонил президент Джордж Буш. Этот звонок был еще одним подтверждением дружественного характера нашего, по существу, регулярного обмена мнениями, подтверждением значимости сложившихся отношений – не только в двустороннем, но и в широком международном плане.

Дж. Буш высоко оценил усилия, предпринятые в Москве по урегулированию конфликта между Азербайджаном и Арме-

нией. Поделился соображениями, которыми в Белом доме руководствуются при выработке позиции в связи с референдумом на Украине. Этому была посвящена большая часть 45-минутного разговора.

Отвечая на его вопрос, как я понимаю провозглашение независимости, я четко отделил ее от сепаратистских устремлений. Независимость, которую раньше провозгласили и другие республики, открывает еще большие возможности для свободного и абсолютно добровольного участия в формировании нового Союза, жизненно нужного для каждого и всех вместе. И решение граждан Украины о ее независимости я не склонен рассматривать как акт разрыва с Союзом. Подталкивать процессы в этом направлении означало бы вести дело к катастрофе и для Союза, и для самой Украины, и для России, для Европы и мира.

Дж. Буш посвятил меня в планы развития отношений с Украиной, как и с Россией, с другими суверенными республиками. Говорил о том, что линия США состоит в том, чтобы такие отношения не наносили ущерба собственным усилиям республик в решении вопросов, связанных с будущим, новым Союзом.

Однако после украинского референдума процесс создания нового Союза сошел со своей колеи. Конечно, позиция украинского руководства сыграла свою роль. И вскоре после Минских и Алма-Атинских соглашений замысел открылся полностью. Но существенно важно и то, что украинский феномен был использован руководством России, чтобы добить идею Союза. В окружении Президента России давно ходила концепция – «Союз без центра». Я же считал это ошибкой, и прежде всего с точки зрения интересов России, не говоря уже о других республиках. Без союзного центра России отводилась бы совсем другая роль.

Центр объективно в «мягком Союзе» был необходим. Он необходим и России, чтобы она могла осуществлять свою роль. Он необходим республикам как их центр, где поддерживается паритет, где можно вести обсуждения, согласования и т. д.

В первых числах декабря мне на стол положили результаты самого последнего опроса общественного мнения. Оказалось, что число людей, выступающих за Союз, стало еще больше, чем месяц назад.

Вот основа, на которую опиралась моя позиция.

**Апелляция
к законности**

3 декабря я направил обращение к парламентариям страны. В нем суммарно изложена моя концепция новой государственности страны. Перечитывая его сейчас, считаю, что в основном был прав, предупреждая об опасностях распада.

Привожу полностью этот документ:

«Уважаемые депутаты
Верховных Советов суверенных государств!

Обратиться к вам меня побудила нарастающая тревога за жизнь нашего Отечества. Среди многочисленных кризисов, которые оно переживает, самый опасный – это кризис государственности. Он тяжелейшим образом отражается на способности властей всех уровней выполнять свои обязанности перед гражданами, рвет экономику, тормозит и губит процесс реформ, деформирует нравы, противопоставляет друг другу народы, ведет к разрушению культуры.

В каждом из ваших суверенных государств появились демократически избранные законодательные и исполнительные органы. Они облечены ответственностью за политику, которая должна служить интересам людей. Но дела идут все хуже и хуже. И казалось бы, должно быть ясно, что среди главных причин этого – дезинтеграция, которая, нарушив историческую логику существования огромной и целостной страны, перешла пределы разумного и зашла настолько далеко, что приобрела разрушительный характер.

На ваше одобрение представлен проект Союзного договора. Ваше решение либо приблизит общество к выходу к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке. Что конкретно ждет в этом случае каждого из них и всех нас вместе, весь внешний мир – предсказать невозможно. Одно ясно – последствия будут тяжелыми.

В марте этого года подавляющее большинство граждан на всенародном референдуме высказались в пользу сохранения обнов-

ленного Союза. Последние месяцы, наполненные событиями бурными, тревожными и трагическими, еще больше укрепили убежденность людей в необходимости Союза. Об этом говорят все опросы общественного мнения.

Понимаю, что народные депутаты испытывают сейчас давление со стороны самых разнообразных сил, представляющих часто противоположные интересы и претензии. У каждого из них есть собственные взгляды.

Все это естественно для демократии. Но именно она требует *принимать решения в интересах большинства*, а не части общества, пусть даже очень активной, на перспективу, а не на текущий момент.

Право на отказ от Союза есть у каждого из вас. Но оно требует от народных избранников учитывать все последствия. Только Союз уберет от самой страшной из грозящих опасностей – от разрыва и потери многовековых уз, которыми история связала целые народы, семьи, людей на просторах одной шестой части земли. Распад такого многонационального сообщества принесет миллионам наших граждан несчастья, которые перевесят все возможные временные выгоды от отделения. Распад прозвучал бы приговором тем – а их десятки миллионов, – кто живет вне пределов своих национальных республик и у кого в поколениях выработалось чувство привязанности к своей огромной Родине.

Распад чреват национальными, межреспубликанскими столкновениями, даже войнами. А это была бы катастрофа для всего международного сообщества, гибель всех тех достижений, которыми мы обязаны политике нового мышления.

Размежевание сделает хрупкой перспективу соблюдения прав человека и прав национальных меньшинств. Это неотвратимо – какие бы вполне честные обязательства и постановления на этот счет сейчас ни принимались. Нарушение же этих прав вызовет серьезные осложнения республик с внешним миром, ибо это будет и нарушением международных договоров.

Разрыв нанес бы окончательный разрушительный удар по производительным силам, настолько тесно завязанным в общий комплекс, что даже нынешнее, пока еще относительное отдаление республик друг от друга резко осложнило экономическое

положение каждой из них и еще более ухудшило повседневную жизнь людей.

Он отбросит – и это надо хорошо видеть – все суверенные государства назад в смысле развития науки, технологии, культуры, которые по природе своей, а в наше время особенно, нуждаются в постоянном, органичном взаимодействии и взаимообогащении не только в бывших союзных рамках, но и в мировом масштабе. Престижу и потенциалу нашей науки и культуры в ее многонациональном синтезе будет нанесен непоправимый ущерб.

Без Союза неизбежна постепенная эрозия нашей общей безопасности и безопасности каждой из республик. Неизбежна утрата международного авторитета, который дорого оплачен всеми нашими народами и очень много значит для всех граждан.

И наконец, никто не имеет права забывать, что наше государство в последние годы стало одной из главных опор развития мира к новому мирному порядку. Именно так нас воспринимают. Это и ответственность, и признание нашей зрелости. Если такая опора рухнет, пойдет цепная реакция с трудно предсказуемыми для всего мира последствиями.

Обращая ваше внимание на эти угрозы и неизбежные утраты, я далек от преувеличений. Об этом же говорят и пишут как наши, так и зарубежные аналитики самых разных ориентации. Об этом свидетельствуют цифровые выкладки, расчеты, научно обоснованные прогнозы авторитетных исследовательских центров. И должен же нас в конце концов чему-то научить драматический, даже кровавый опыт тех разрывов, которые уже случились в ряде районов страны.

Я не раз публично, на государственных совещаниях и форумах, излагал свою концепцию нового Союза. И в этом обращении к вам хочу еще раз подчеркнуть: речь не о возрождении в новом обличье старого центра. Старого Союза нет, и возврат к нему невозможен. Это доказал и провал августовского путча. Речь идет о создании совершенно нового государственного и межгосударственного образования, суть которого недвусмысленно изложена в проекте представленного вам Договора.

Этот документ – продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз за-

нимались руководители суверенных государств-республик, вместе и раздельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

Две основополагающие идеи заложены в конфедеративную концепцию Договора, которая определяет характер новой, небывалой государственности.

Это идея *самоопределения, национально-государственного суверенитета, независимости.*

И это идея *союзничества, сотрудничества, взаимодействия и взаимопомощи.*

Моя позиция однозначна. Я – за новый Союз, Союз Суверенных Государств – конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно.

Поэтому я прошу вас, полномочных представителей своих народов, в ближайшие дни обсудить проект Договора о Союзе Суверенных Государств и одобрить его. Еще раз настойчиво повторяю: не справиться нам с возрождением общества, не выйти из кризиса и не соединиться с цивилизованным миром, хуже того – не избежать общей катастрофы, если мы не остановим процесс дезинтеграции.

Я прошу вас сказать «да» такой форме равноправного сотрудничества и взаимодействия, которая позволит всем нам *совместно* – а иначе не получится – пройти труднейшую и очень опасную полосу своей общей истории.

Государственный совет в своем обращении к парламентам выразил пожелание, чтобы Договор был подготовлен к подписанию в этом году. Полномочные делегации Верховных Советов смогут окончательно учесть замечания на последнем этапе работы над Договором, с тем чтобы наконец с подписанием этого документа страна облегченно вздохнула, обрела очень важную точку опоры и надежду на совместное движение вперед».

Однако обсуждение проекта Союзного договора в парламентах было сорвано в атмосфере прямо-таки панических настроений, насаждавшихся – в том числе прессой – после украинского

референдума. И конечно, в результате деструктивных действий руководителей некоторых республик.

После референдума на Украине, несмотря на знаменитое заявление Б.Н. Ельцина в Ново-Огареве: «Союзу быть!», российское руководство вернулось к своей прежней концепции, ссылаясь на то, что Россия никогда не соглашалась на Союз без Украины. Но это – отговорка.

О своем разговоре с Ельциным до его отъезда в Минск я подробно рассказал большой группе журналистов 12 декабря. С моей стороны Президенту России приводились старые и новые аргументы в пользу Союза. Как я убедился, Ельцин не склонен был обсуждать вопрос по существу, да ему, собственно, нечего было сказать. И потому твердил, задавая мне один и тот же вопрос: а вот Украина – вы гарантируете, что она будет в этом Договоре? Да, нажимал я на Ельцина, Украину можно вовлечь в договорный процесс, и главное тут в том, чтобы Российская Федерация первой обсудила и подписала Договор. И тогда Украина будет искать свое место. Никуда она не денется, если восемь республик подпишут.

Когда же я узнал, что в Минск поехали Бурбулис и Шахрай, мне все стало ясно. Бурбулис в свое время написал записку, она «гуляла» по столам у многих, хотя и под грифом «строго конфиденциально». В чем смысл этой записки? В том, мол, что Россия потеряла уже половину из того, что она выиграла после августовского путча, хитрый Горбачев плетет сети, реанимирует старый центр, и его будут поддерживать республики. Все это невыгодно России, и это надо остановить, прервать. План Явлинского – это, мол, сильный центр и т. п. Российский план состоит в другом: независимые республики и государства и некое образование для «бракоразводных» процессов. Не для того, чтобы сотрудничать, а для того, чтобы независимость превратилась в отделение. Словом, тайное становилось явным – достигнутые договоренности просто отбрасывались.

Российское руководство тяготил какой бы то ни было центр. Оно действовало по принципу: сейчас или никогда. Вот где корни того, что произошло в Минске, в Беловежской Пуще. И это самая крупная ошибка президента Ельцина.

Тревожные дни...

Первые дни декабря были наполнены тревогой. Не только журналисты, но и зарубежные государственные, общественные деятели искали контактов со мной. Они хотели знать, что происходит, и какая судьба ждет те грандиозные начинания, которые оказали огромное воздействие на всю мировую ситуацию. Больше того, они искали в моих оценках подтверждения надежды, что не пойдет все прахом. И наверное, правильно полагали, что от моего поведения в этот драматический момент многое зависело для сохранения элементов стабильности, мирного характера бурных процессов.

3 декабря мне позвонил канцлер Германии Гельмут Коль. Мы – друзья. И разговор, как всегда, был предельно откровенным. Характерны и вопросы, которые затрагивались. Скажи, спросил он, как у вас в действительности обстоят сейчас дела? Я ему ответил, что в ближайшие дни и недели предстоит решить кардинальнейшие вопросы, связанные с подписанием нового Союзного договора и практическим началом широкомасштабных экономических реформ. Я сказал:

– Наиболее приоритетным для меня является вопрос о будущем устройстве государства. Если сейчас упустить время, то создастся огромная опасность дезинтеграции не только экономики, но и в целом всего общества. Пока еще удастся удержаться в пределах разумного. Но если допустить дальнейшую затяжку еще хотя бы на один или два месяца, то под вопросом может оказаться очень многое из того, что связано с процессом реформ.

Я убедил Б.Н. Ельцина сделать на Госсовете сообщение о подробностях его экономической реформы, и теперь на этой базе развернута работа под руководством Силаева. Сейчас, когда мы говорим с тобой, у Силаева собрались руководители правительств суверенных республик. В ходе обсуждения, которое у них идет, хочу добиться, чтобы некоторые опасные элементы программы Ельцина были либо сняты, либо компенсированы соответствующими социальными и стабилизирующими мерами.

Главная мысль при этом состоит в том, чтобы не свести все реформы только к повышению цен. Необходимо, чтобы в них были заложены конструктивные элементы и для производителей,

то есть для крестьян и рабочих, и для создания и функционирования системы налогообложения, и для проведения подстраховывающих стабилизационных мер. И самое важное – всем республикам действовать сообща.

Моя недавняя поездка по Сибири и в Кыргызстан показала, что люди сейчас ждут, чтобы были начаты наконец решительные действия по проведению реформ, но с обязательным параллельным принятием программы мер, защищающих как производителей, так и потребителей.

Поездка также показала, что наряду с вопросами перехода к рынку в центре внимания стоит и другой главный вопрос – создание обновленного Союза. Мнений и суждений на этот счет огромное количество. Нужно сказать, что за Союз и на Украине, и в других суверенных республиках сейчас выступает даже больше людей, чем это было на общесоюзном референдуме.

Новый проект Союзного договора сейчас находится в парламентах суверенных республик и в Верховном Совете СССР. Я направил сегодня специальное обращение ко всем парламентам с призывом без затяжек рассмотреть проект Договора.

Говорил я сегодня и с Кравчуком. Он уверял меня, что можно рассчитывать на сотрудничество.

Вот комплекс приоритетных дел, связанных с Союзным договором. Но, разумеется, еще полно дел и с Арменией, и с Азербайджаном, и с военной реформой.

Что касается снабжения продовольственными товарами, то наиболее сложное положение сейчас, пожалуй, в Москве, Ленинграде, Челябинске, Свердловске. В других городах положение вроде бы ничего. Спасибо за помощь, которую оказывают немцы. Она по-прежнему весьма необходима. Главное сейчас – не допустить, чтобы народ вышел на улицу.

– А как ты оцениваешь положение на Украине? – спросил Коль.

– Там состоявшийся референдум хотят представить как голосование за отделение от Союза. Независимость и суверенитет автоматически приравнивают к отделению. А ведь это не так. Другие республики также суверенны и независимы, однако это отнюдь не ставит их за пределы Союза. Наоборот, они участвуют в процессе создания нового, конфедеративного государства.

А вот на Украине весьма активны силы, которые хотят спровоцировать полное отделение от Союза. И Кравчук оказался в ходе предвыборной кампании в их крепких объятиях. Удается ли ему вырваться?

В связи с положением на Украине я вспоминаю то, о чем мы с тобой говорили в мае под Киевом [встреча состоялась 5.07.1991 г.]. Если дело дойдет до такого вот грубого отделения от Союза, до ухода Украины, то тогда мы можем столкнуться там с очень опасными событиями.

Приоритетная сейчас забота – это будущее нашей государственности. Опасность дезинтеграции нарастает. И ее необходимо остановить. Сейчас максимум усилий направляем на то, чтобы удерживать процесс формирования нового Союза. Затяжка с этим несет неисчислимые беды, в том числе и для экономического состояния всех республик.

Я собираюсь направить Кравчуку и Верховному Совету Украины приветствие в связи с избранием президента. Там будет и предложение конструктивно сотрудничать, обсудить вместе с руководителями других суверенных государств дальнейшие действия по реформированию Союза. Нельзя допустить, чтобы независимость Украины была использована сепаратистскими силами для отделения. У меня был в этой связи разговор с Джорджем Бушем. Я призвал его трезво оценить обстановку и действовать в интересах стабильности и предотвращения такого поворота событий, последствия которых могут быть чрезвычайно тяжелыми, в том числе и для внешнего мира.

Я ценю твою позицию. Тем более что нам всем вместе и с Украиной, и с Германией предстоит делать одно общеевропейское дело по укреплению сотрудничества и стабильности на континенте.

– Согласен, Михаил, – резюмировал Коль. – Посмотрим, как будут развиваться события в ближайшие дни. Я хотел бы вновь поговорить с тобой на следующей неделе.

4 декабря мне позвонил Президент Польши Лех Валенса. Был очень дружеский, откровенный разговор. Поводом было беспокойство за целостность нашей страны.

Вот с чего он начал: «Приветствую Вас, господин Президент, и все народы вашей страны. Сразу хотел бы заявить, что полностью поддерживаю Вашу концепцию реформирования совет-

ских республик, солидарен с нею. Республики, входящие в состав вашего государства, долгие годы развивали тесные кооперационные связи, которые сейчас рвутся. Я являюсь сторонником эволюционного, а не революционного пути реализации демократических реформ. Свобода – да, демократия – да; путь, ведущий к разрыву связей, – нет. Именно поэтому я с беспокойством слежу за развитием ситуации в некоторых странах молодой демократии. Если это необходимо, сказал Президент Польши, я готов обратиться к народам вашей страны с призывом следовать по эволюционному пути осуществления перемен».

Как известно, на другой день он дал интервью на эту тему нашему тележурналисту.

5 декабря я имел беседу с премьер-министром Венгрии Иозефом Анталлом. Мы говорили о двусторонних отношениях, в том числе и об их прошлом, с 1956 года. «Участие советских войск в событиях 1956 года было однозначно вмешательством во внутренние дела Венгрии, – сказал я. – Оно было продиктовано царившей тогда атмосферой “холодной войны”, жестким противостоянием. Мы договорились соответствующим образом дать публичную оценку этому вмешательству. Договорились также о порядке решения вопросов, связанных с судьбой интернированных венгерских граждан, о захоронениях военнопленных. Условились образовать совместную рабочую группу по всем этим вопросам. У нас не было сомнений в том, что демократические преобразования будут способствовать новому характеру и развитию связей между нашими странами».

Как и в других беседах и контактах с прессой, разговор концентрировался на главной теме – на судьбе Союза.

«Очень важно для нас, – сказал я Анталлу, – пережить вхождение в рынок. Вы давно идете по этой дорожке и выходили на нее в другой ситуации. Это процесс объективный. Однако, если ничего не делать, будет еще хуже.

Сама жизнь заставляет республики искать точки соприкосновения. Ими могут стать налоговая политика, банковская деятельность, социальные программы. Заинтересованность в таком сотрудничестве проявилась в ходе последней встречи глав правительств под председательством И.С. Силаева. Там был достигнут хороший прогресс...

Сейчас российское руководство решительно встало на путь реформ, это подталкивает остальные республики. Реформирование экономики – вопрос решенный. Проблема в том, как это сделать. Здесь очень много споров. В итоге, я думаю, мы найдем взвешенный подход.

В эпицентре всей политики – вопрос о государственности. Дезинтеграция государства дошла до опасного предела, когда испугались даже те, кто в свое время занимался расшатыванием Союза. Население – за Союз. Опросы показывают, что даже активнее, чем в марте. Вопрос о государственности – это центральный вопрос. Не решив его, мы не решим и остальные проблемы, в том числе экономические. Таков текущий аспект.

Глобальный же аспект состоит в том, что есть реалии, через которые нельзя переступить. У нас границы всегда были административные. Широко практиковалась их перекройка, передача областей и регионов. Но все это было в одном государстве, где границы зачастую устанавливались на уровне районных органов. А пошел процесс суверенизации, начали вспоминать историю.

Все у нас общее – и оборона, и всеохватывающая система транспорта, энергетики и т.д. Очень важно расселение людей: сейчас, когда республики расходятся, множество людей оказываются чужими там, где жили они, их отцы и деды.

Пока политики спорят, со всех сторон раздаются требования сохранить общие структуры. На днях меня атаковали республиканские министры просвещения. Требовали сохранить общегосударственный Комитет по народному образованию. Словом, все очень сложно. Надо совместить два пласта – не насиловать, не ломать общество, а реформировать Союз.

Сейчас один из главных вопросов – последствия референдума на Украине. 8 республик были готовы подписать новый Союзный договор. Я не мыслю, что Украина не будет в нем участвовать. Но пока сближение точек зрения идет очень сложно. В самом деле, если суверенизация проходит в рамках Союза, все республики сохраняются в существующих рамках. В случае выхода какой-либо республики неизбежны переговоры по всему комплексу вопросов, с этим связанных. Я вижу свою личную задачу в том, чтобы удержать процесс в цивилизованных рамках. Не дай Бог повторения у нас югославского варианта. Последствия будут несопоставимы.

Вообще в области межнациональных отношений следует быть очень осторожными. Сейчас для нас самое важное – не допустить, чтобы процесс реформирования Союза перешел в его распад, который стал бы общей трагедией, в том числе и для мирового сообщества.

История нашей страны складывалась на протяжении десяти столетий. Взаимопереплетение народов в нашу эпоху должно обеспечиваться иным государственным образованием, преемника которому, возможно, еще не было в истории. Оно должно гарантировать безопасность, защиту гражданских прав, функционирование общих коммуникаций – словом, все то, что мы закладываем в новую концепцию конфедеративного государства. Если это не будет реализовано, все пространство рвется на куски. Мы усложним себе жизнь. Пока, например, Украина в Союзе, нет вопроса и о Крыме».

Интересна была реакция на эти мои рассуждения венгерского собеседника. Он между прочим сказал: «Мы уважаем право народов на самоопределение, однако реализация этого права подразумевает и эффективное обеспечение прав национальных меньшинств. В том, что рушится империя, – трагедии нет. Могу привести в пример Австро-Венгрию. Трагедия появляется там, где границы искусственно разделяют людей. После Первой мировой войны Венгрия потеряла две трети своей исторической национальной территории и около половины населения.

С учетом всего этого, господин Президент, важно удержать процесс суверенизации в цивилизованных рамках, не допустить ливанизации страны. В современных условиях это может привести к еще более трагичным последствиям. Пример Югославии – перед глазами. Наши западные партнеры активно ищут пути преодоления югославского кризиса. Участия в этой деятельности мы ожидаем и от вашей страны».

Я заверил венгерского премьера, что «используя все возможности, буду добиваться реализации идеи конфедеративного государства, объединяющего суверенные, независимые государства. В обществе есть именно такой настрой. Уверен, что общество меня поддержит, здравый смысл подсказывает, что нельзя нам делиться».

Вывод из этой беседы был тот же, что и в других случаях: Союз нужен нам самим, этого требует внутренняя логика наше-

го исторического развития. Но он в то же время – одна из стратегических опор развития всего мира. Тут действительное совпадение интересов.

Но здесь и центральная точка, в которой я разошелся со своими коллегами из республик

При их подходе страна разделяется. *Специальный посланец британского премьер-министра Джона Мейджора Д. Эплард*, с которым я встречался в этот же день, в ответ на мои доводы напомнил: с Британской империей такое было... Ничего – переболели. И спросил: «Почему же Вы, г-н Горбачев, не консерватор, не следуете здесь своему новому мышлению?» Но у нас единое государство было всегда. Оно расширялось как бы концентрическими кругами и постоянно функционировало как единый организм. Шло расселение людей, где перемешивались нации, племена, завязывались родственные связи, происходило сплошное освоение огромного пространства и т.д. Были, конечно, захваты, завоевания, «включения» другого порядка, но не они определяли характер страны. Сложилась историческая реальность, целый огромный мир, уникальная человеческая общность.

Эта страна создавалась в течение тысячи лет, и в ней все настолько сплетено, взаимосвязано – историей, культурой, общими традициями, человеческими, кровными связями, совместной жизнью, разделением труда, кооперацией в промышленности, в науке... Я убежден, что в этих условиях право на самоопределение должно осуществляться не через раздел, не через отделение, а через глубокое перераспределение полномочий, глубокую реформу Союза, через переход от унитарного государства, которое у нас существовало, хотя и называлось федерацией, к настоящему Союзу. В результате будут сохранены естественные связи, жизненность которых оправдана и вековой историей, и современными потребностями.

Есть, конечно, немало людей, которые считают, что независимость равнозначна отделению, выходу. Но в наших условиях независимость республики дает ей свободу для принятия добровольного решения, для выбора – быть в Союзе, участвовать в создании нового Союза или отделиться. Поэтому сама по себе независимость – это основа для свободного выбора, основа для добровольного решения.

Но вот такую страну разделяют. Я не представляю себе, как будут все это кроить. Нет такого «закройщика», который сможет это сделать. Нельзя закладывать под будущее столько бомб. Все это – потенциальные Карабахи.

На эти вещи надо смотреть с точки зрения большой перспективы: мины, не всегда заметные сейчас, потом будут взрываться. И это будет происходить каждый раз, когда будет ухудшаться состояние экономики, возникать социальная напряженность.

Миру повезло в середине 80-х годов: когда остро встал вопрос о недопустимости дальнейшей глобальной конфронтации – иначе взорвемся, – сложилась когорта политиков, которая это осознала и действовала ответственно.

Теперь в нашей стране как никогда тяжелая ситуация. И если действовать неумело, реагируя лишь на момент и не учитывая перспективу, ситуация будет осложняться и далее. Наши «новые политики» этого не понимают. Чем это объясняется? Часть из них совсем недавно вышла из предвыборных кампаний, только-только сошла с трибун. И пока только осваивается на поприще реальной государственной политики.

Темы, которые мы подробно обсуждали с англичанином Эплярдом, в один из этих дней были предметом и *большого интервью французской телекомпании Антенн-сет*. Вела беседу *Анн Сенклер*. Если вы пройдете страну по меридианам и параллелям, сказал я французской корреспондентке, вы обнаружите, что сегодня гораздо больше людей высказываются за сохранение Союза, чем во время референдума в прошлом году. Вот мое поле деятельности, вот что для меня важно.

...Народ Украины проголосовал за независимость, но он проголосовал и за Союз во время мартовского референдума. И итоги этого референдума по-прежнему в силе. Говорить сегодня о том, что результаты его в пользу отделения, – это политическое трюкачество. Придет время, и, возможно, потребуется, чтобы народ высказался по этому поводу. Сегодня мы стоим на пороге очень важных событий. Это еще только самое начало, хотя многие и говорят, что все уже решено.

Не раз затрагивались в интервью внешние обстоятельства, в которых развертывались у нас процессы, – позитивные и негативные моменты, которые не мешало бы учитывать нашим политикам.

Для меня очень интересно наблюдать, говорил я, как партнеры, мои друзья, Ваш президент господин Миттеран, канцлер Коль ведут дискуссию перед заседанием в Голландии в связи с новым этапом в развитии Европейского Сообщества. О чем они говорят? Вчера господин Коль сказал, что без политического союза невозможно перейти к новому этапу. И речь уже идет о координации не только внутренней, но и внешней политики. Я сопоставил этот процесс современной интеграции с попытками у нас разъединить страну – такую страну, где все давно экономически, политически и во всех других отношениях перемешалось... Внутри страны у нас нет границ. Вы это знали? Даже при Советской власти по разным причинам принимались решения об изменении контуров некоторых республик, о передаче целых регионов из одной республики в другую. И никто в этом не видел проблемы, считалось совершенно нормальным, потому что это происходило внутри одной страны.

Или возьмите оборону. Это интересует всех: и вас, и нас. Вооруженные Силы размещены на огромном пространстве. Они дислоцированы в соответствии с определенной концепцией, исходя из того, что страна представляет собой единое целое. Затронув какую-то часть Вооруженных Сил, вы окажетесь в положении, при котором все надо будет переделывать. Формировалось оборонное пространство, стратегическое пространство. Вы знаете, что это такое? Это не только ракеты. Это системы контроля, наблюдения, управления, расположенные на территориях всех республик...

Анн Сенклэр спросила, не считаю ли я Югославию «лабораторией» того, что может произойти в Советском Союзе?

Я считал и считаю, что уроки югославского конфликта заслуживают серьезного изучения, осмысления. Во внутреннем плане для нас, политиков, самый главный урок – не следует опаздывать в политике. Думаю, мы допустили опоздание с процессом реформирования государства.

Не менее важный урок не только для внутренней политики, но и для внешней – нельзя делать ставку на силу. Силой ничего нельзя решить. Это еще раз подтверждает трагедия Югославии. Посмотрите, во что все вылилось: города разрушены, экономика разрушена, убытки в миллиарды долларов, а самое страшное –

сколько жизней уже принесено в жертву, сколько раненых. Сколько горя!

Итак, ставка – только на политический диалог, на демократические методы, на взаимопонимание, на сотрудничество и на компромиссы. Вот то, в чем я давно убежден. И поставил во главу угла своей внутренней и внешней политики.

В отношении Югославии, я вижу, кое-кто подсуетился, встал на сторону сепаратистов. Поспешив с признанием, подтолкнул процесс распада...»

Беседа с французской журналисткой проходила буквально за день до совещания глав государств Европейского Сообщества в Маастрихте в Голландии, где были приняты принципиального значения решения. Она спросила: в то время когда у вас в стране нарастает национализм и вы ищите пути, как ему противостоять, Европа пытается объединиться. Есть ли у вас впечатление, что мы в Европе, во всей Европе, отдаляемся друг от друга все больше и больше?

Я приветствовал процесс интеграции, указав, что «прочность ЕС, его динамика – это позитивный фактор, и он обогащает хельсинкский процесс. Беседы мои с Президентом Франции и канцлером Германии еще больше убедили меня в мысли, что, если такой процесс будет идти только в одной части Европы и не будет идти в другой, хельсинкский процесс в целом пострадает.

В связи с этим я отметил конструктивную роль и широту взглядов Президента Франции. Мы говорим об общеевропейском доме, он говорит о конфедерации. Это правильный путь встречного поиска.

Как известно, не всегда идеи Президента Франции воспринимались с пониманием. Но жизнь показывает, что это – политик, который смотрит далеко вперед.

Интервью для Украины

В начале декабря я имел большой разговор с представителем украинского телевидения [ТВ-информ, Зиновий Кулик]. Никто в печати этой беседы не опубликовал, хотя по московскому и киевскому телевидению она передавалась. Согласился я на интервью при

условии: корреспондент задает любые вопросы, но ответы должны быть полностью переданы по телевидению.

Для меня эта беседа, сказал я вначале, имеет большое значение. Я так считаю – это будет беседа перед народом Украины.

И конечно, сразу же пошел разговор о референдуме в республике. Я откровенно сказал, что не согласен с теми, кто голосование за независимость хочет представить одновременно и как голосование за разрыв с Союзом, за выход из Союза. Суверенитет, закрепленный голосованием на референдуме за независимость, дает возможность украинскому государству, народу Украины уверенно, ощущая себя полноправным хозяином на своей земле, участвовать во всем, решать все свои проблемы независимо.

У меня нет сомнений в том, что народ Украины за сотрудничество со всеми суверенными республиками, за новый Союз, за новые отношения. Не за разрушение, а за созидание нового. Я получаю на этот счет очень много информации. Месяц назад был опрос в Киеве, в Москве, в Ленинграде, в Красноярске, в Алма-Ате, в Новосибирске, кажется. Данные известны. Сейчас почти в тех же местах провели новый опрос. И вот: в Москве 80 процентов высказались за сохранение Союза, естественно, обновленного, нового. В Киеве – 64 процента опрошенных, в Алма-Ате – 72.

Я не очень-то уж переоцениваю значение этих опросов. Но ведь есть другие данные, другая информация, живая, человеческая. Вот такой факт, простой, думаю, понятный всем, кто нас слушает. Вернулся из отпуска водитель моей машины. У него случилась беда. Умер в Луганске дядька. Поехал на похороны и пробыл в Луганске какое-то время. Говорит, там не мыслят себе отделения от Союза. Жили, говорят, и будем жить вместе... Вообще вопроса даже не возникает. Он спрашивает: ну вот ваши руховцы кричат – самостийная Украина! Отвечают: руховцы два раза к нам приезжали, мы им кое-что сказали, больше не появлялись. Ну, а вот у вас будет референдум, за что будете голосовать? Проголосуем за независимость, но жили и будем жить в общем государстве.

Я думаю, не нужно ни политикам, ни журналистам, исповедующим какую бы то ни было точку зрения, навязывать народу мысль, что, проголосовав за независимость, народ пошел на разрыв всего и вся, с чем его связывали столетия совместной жизни с другими народами.

Речь идет не о разрыве связей, стал утверждать собеседник. Но, коль нужна ясность, очень хотелось бы услышать, как совместить независимость, ибо она или есть, или ее нет, и создание нового Союза. Поскольку мы все время говорим об этой диалектической связи, наверное, нужно разъяснить, как же будет реализована независимость в условиях Союза.

Я в свою очередь начал задавать ему вопросы.

– Как Вы считаете, Германия независима?

– Да.

– Франция независима?

– Ну, относительно.

– Но независима, да?

– Но весь мир интегрирован.

– Но независима?

– Независима.

– Суверенное государство?

– Суверенное.

– А Вы обратили внимание, какая у европейцев дискуссия идет перед встречей в Голландии? ЕС – это ведь не только экономическое сообщество. Там и парламент есть, и другие институты, политические, которые обслуживают все сообщество. А теперь эти суверенные государства хотят подкрепить свою общность единым валютным союзом и политическим союзом. И канцлер Коль, и президент Миттеран, выступая в эти дни, подчеркивают: если будет только экономический союз, но не будет политического, схема не заработает. Идут на это сознательно, являясь суверенными. Делятся частью своего суверенитета, потому что видят в этом выгоду для себя, для своих стран. И никакую независимость от этого не теряют.

– На их уровне это понятно...

– Почему Украина или Россия, или Белоруссия, или Казахстан, или Кыргызстан потеряют свой суверенитет, если сами, независимо делают выбор? Почему не участвовать в создании, в строительстве нового Союза, такого Союза, который отвечал бы их интересам, причем нынешнему этапу развития Украины и других республик, нынешней их роли, их возможностям? Вместе определить круг вопросов, по которым надо сотрудничать на едином рынке. Иначе разрыв связей, иначе, ну Вы

видите, к чему он уже привел... Сотрудничать в делах обороны, а не тянуть каждому бремя вооружений. Ну и так далее.

Вы знаете, что в Эстонии разваливается труппа в театре оперы и балета: там работали люди многих национальностей. Теперь они разъехались. Кончился театр. Разваливаются научные центры, которые сотрудничали или с Москвой, или с Киевом. Вот поэтому ученые настаивают на том, чтобы были сохранены общие структуры, органичное взаимодействие. Это же человеческая жизнь, как ее можно рвать на куски? Так сложилась наша жизнь, а ее хотят насиловать. Тот, кого демократия выплеснула на поверхность, не должен выступать в роли оракула, который все знает наперед и которому ничего не стоит перечеркнуть то, что создавалось десять веков.

Никакой опасности нет для независимости и суверенности государств в новом союзе. Особенно в таком, каким мы его задумали. Ведь в нем остается только то, что необходимо в интересах самих республик. Это и не мифический, и не тот бюрократический центр, который держал все и на всех давил. Это новый союзный центр, если вообще стоит называть его центром. Это межгосударственное, межреспубликанское образование. И формироваться он будет соответственно, на основе паритета республик.

Удивительно: самостоятельные, независимые государства Европы видят свой интерес во все большей интеграции, а мы в этой трудной ситуации, когда надо менять экономику, когда идем к рынку и когда нужны новые структуры, когда конверсию надо проводить и такая нагрузка ложится на народ, на рабочий класс, на всех, мы в это время разделяемся, расходимся. Уже очевидны огромные тяготы от этих разрывов. Останавливаются шахты, домны, потому что не поступает кокс и многое другое. И все это потому, что нет согласованной политики, не функционируют государственные институты, которые должны обеспечивать сейчас работу экономики, создававшейся для одной страны. В такое время затевать раздел, я считаю, безумие.

Пусть, пусть нас слушают. Я скажу вам все, чтобы на Украине знали, что в моем лице они имеют человека, который любит этот край, эту республику. Украинцы должны знать мое мнение. У меня никаких здесь нет политических расчетов. Я убежден: если мы сейчас допустим ошибку в вопросе о Союзе и заменим его чем-то

непонятным, если мы ошибемся сейчас, то схлопочем на многие годы тяжелейшую ситуацию, не говоря уже о том, что может произойти в ближайшие месяцы и годы. Поэтому я должен говорить предельно откровенно.

Разговор у нас с украинским журналистом шел бурный, даже полемичный. На его замечание, что роль центра в экономике могут заменить двусторонние соглашения между суверенными государствами, я возразил:

– А Вы скажите, не приходит ли Вам в голову, что те, которые очень большую ставку делают на двусторонние связи, – это как раз люди, очень приверженные старой структуре? Не рыночным отношениям, не экономическим, а хотят по-прежнему командовать и распределять. Вы не задумывались над этим?

Перераспределение полномочий привело к тому, что вся экономика сейчас в руках республик. Правильно?

– Почти вся.

– Ну да, правильно: почти вся... За исключением того, что нужно всем республикам. Что теперь? Двусторонние соглашения. Украина, например, заключает соглашение с Беларусью или с Казахстаном. Подписали. Что за этим? Поставить столько-то и туда-то сахара, оттуда – угля коксующегося, оттуда – лист, руду и так далее. Договорились. Что после этого? Как выполнять?

– В соответствии с договоренностью.

– Как выполнить? Вот мы с вами руководители предприятий...

– Да. Ищем транспортные связи, ищем ресурсы, которые должны...

– Подождите, подождите. Не то. Объемы и квоты по соглашению начинают реализовываться... Как? Дают заказ: вы должны поставить стальной лист туда-то...

– Понятно.

– Государственный заказ?

– Государственный заказ.

– Но надо государственный заказ дать Вам еще и на Россию, чтобы туда тоже что-то поставить, и в остальные 12 или 15 республик – тоже.

– В соответствии с договоренностью...

– Вот так как раз «на основе двусторонней договоренности» и реализуется командно-административный метод управления экономикой.

Двусторонние связи – это трансформация бюрократического центра, бюрократизма в управлении экономикой на уровень республик. Главное здесь, чтобы сидели паны во всех двенадцати республиках и делали то, что делал старый центр. А руководители предприятий уже говорят, что это худший вариант. Центр старый ведь все-таки был далеко. А эти удавку держат каждый день на горле. Поставили барьеры, заборы: это отдавать, это не отдавать, это посылать, это не отправлять. И разорвали рынок, где производители должны быть главным действующим лицом, на двенадцать внутренних рынков.

Основа для экономики – единый рынок с общими правилами. И со свободой производителей. А роль государства – налоговая политика, стимулирование через налог в той или иной области. Сейчас очень важно поддержать крестьян, да вообще всех тех, кто направляет капиталы в сельское хозяйство. Это и надо сделать через налоги. Тогда капиталы пойдут.

Вот это и есть экономическое управление. А все остальное – это тиражированный старый центр.

Мы находимся в русле собственной истории, шли своими путями. Европа – одним, мы – другим. Европа подошла к такому рубежу, когда поняла, что нужно объединиться. Это одна ситуация. И совершенно другая ситуация у нас. Мы десять веков плохо ли, хорошо ли, удачно или неудачно создавали вот такую реальность. Русские, украинцы, вообще славяне кровно участвовали в формировании этого мира, сложного, огромного. Сыграли в этом решающую роль. И расселились на огромной территории.

Десятки миллионов людей живут за пределами своих республик. Но они чувствуют, что живут в своей стране. Они ее граждане, имеют политические права, одинаковое социальное, трудовое законодательство. У них нет никаких ущемлений по этой части. Это же колоссальная реальность.

Дальше. Границ внутри государства нет. У нас административные границы. Никому в голову не приходило какие-то пограничные столбы забивать. Больше того, 70 процентов границ между республиками обозначены решениями райисполкомов, сельсоветов. Вот таковы мы.

Почему так было? А нам они не нужны были. И я сейчас подойду к самому острому вопросу, который нельзя ни в коем

случае сбрасывать. Почему они нам не нужны были? Да потому, что мы считали это некоей условностью – только для хозяйственной деятельности. Вы помните, Липецкой области не было. Вдруг она появилась. Не было других областей, они появились. Крым в 54-м году оказался на Украине. Что это, плохо или хорошо? Я считаю, так, как сейчас сформировалась Украина, это очень полнокровная, интересная республика.

Все это было нормально, потому что было в одной стране. И вопросов не возникало.

Ну а теперь? Теперь давайте подумаем. Начали разделяться. И завтра четырнадцать или около того миллионов русскоязычного населения на Украине уже живут в другом государстве.

Вооруженные Силы тоже будем делить... Вот это уникальное, что есть только в Америке и у нас, оборонное пространство будем тоже рвать. А на нем задействованы стратегические силы, силы наблюдения и слежения за всей глобальной военной ситуацией. Это же безумие – завтра сформировать 15 или 12 армий.

И собственность армейскую тоже делить? Начинаем ее рвать, перевозить, чтобы создать 15 армий. Армия посмотрит, посмотрит на этих политиков и скажет: черт-те в чьих руках страна оказалась! Десять веков поколения создавали государство, после нас придут еще сколько поколений, а тут хотят перекромсать весь этот огромный мир, переломать через колено судьбы миллионов людей...

...Ну что мы, глупее всех? В Испании, в Мадриде, Буш, король Хуан Карлос, Гонсалес три часа убеждали в необходимости сохранить Союз. Это поразительно. До чего же мы дожили...

Валенса, Президент Польши, призывал по нашему телевидению поддержать Горбачева в его стремлении сохранить Союз, не делить страну.

Надо Союз сохранить, иначе развал. И все погибнем в этом развале.

– Мрачный прогноз.

– Мрачный. Но пришло время это сказать! Я не вижу сейчас другого пути, кроме реформирования через суверенизацию, через глубокое перераспределение полномочий. Союз должен быть новым – со скоординированной экономической, социальной, оборонной, внешней политикой, потому что это в интересах всех. Что значит скоординированность? Это значит – договарив-

шись о главных подходах, о главных направлениях, все республики будут осуществлять свою деятельность самостоятельно, исходя из своих интересов.

Корреспондент задал мне вопрос: а что делать, если, например, Ельцин введет либерализацию цен, как защитить жизненный уровень населения своей республики?

Вот на этом пункте, сказал я ему в ответ, попрошу вас остановиться, потому что тут собака зарыта. Смотрел я, как газеты и телевидение киевские подавали этот вопрос перед референдумом, перед голосованием, чтобы народ, так сказать, сориентировать: вот, мол, цены в Москве и вот цены в Киеве.

Уровень жизни на Украине будет зависеть от того, как вы будете вести дела с Россией и с другими республиками, какое будет сотрудничество.

Целую неделю совместно работали премьеры суверенных республик, согласовывали цены, налоги, долги, согласовывали меры по стимулированию производителей и так далее. Неделю сидели. Договорились. Это и есть защита интересов населения. И «защита» России от Украины, и Украины от России... А попытки друг друга «наказать» – нет! Все очень зависим друг от друга. Так сложилась страна. Это не то что Британская империя: откололись, отошли. Да и то был болезненнейший процесс, и до сих пор последствия сказываются.

– Ну, Михаил Сергеевич, ничто ж не вечно под луной...

– Не в этом дело. Защититься можно, конечно, где-то в чем-то... окуклившись, изолировавшись. Но даже в ближней перспективе это аукнется. Потому что это ошибочная политика.

И кстати, я заметил: воюют республики за свой престиж, за свой суверенитет, а как они подминают самоуправление – местное, региональное? Например, Донецкая область – это ж целое государство: 5,5 млн человек, миллионы тонн угля и стали. А как с ним обращаются?

Поехал я в Иркутск, говорят, что республики, порушив центр и забрав все, считают процесс законченным. Как законченным? Главное ведь – регион, там предприятия, там коллективы, там вся реальная жизнь. Они готовы нести ответственность. Но надо дать им права распоряжаться частью товаров, прибылей и ресурсов.

Корреспондент напомнил мне, что на Украине политические силы делятся на федералистов и соборников...

– Вот тут хотел бы сказать, чтобы все слышали меня. Хочу, чтобы меня на Украине поняли – и украинцы, и русские, и все, кто там живет. Я очень хочу, чтобы Украина, какая она есть сейчас, такой и сохранилась. Очень хочу. Но убежден: если она пойдет по пути разрыва, то развернутся такие движения...

Меня ситуация в Югославии заставила очень глубоко задуматься. И поэтому я не могу не сказать нашим людям и говорю всему народу Украины: меня очень волнует то, что мы можем, не разобравшись, в атмосфере эйфории напутать, наломать дров, а потом несколько поколений будут разбираться.

Возьмите Прибалтику. Вы знаете, что Комиссия по защите прав человека при ООН уже заинтересовалась тем, что там происходит с правами национальных меньшинств?!

– На Украине этого нет.

– Будет. Уверяю вас, будет, если Украина уйдет. Смотрите, что происходит в Молдавии... Я не могу представить, чтобы украинцы и русские вдруг разошлись на этом самом ответственном и самом многообещающем этапе, когда действительно есть и новая Российская Федерация, Российское государство, и есть Украинское государство, и они вдруг начали бы рвать все и, значит, – весь Союз!..

И давайте мы, россияне, украинцы, славяне, не будем снимать с себя ответственности за то, что происходит в Союзе. Мы отвечаем и за сегодняшний день, и за то, что завтра будет. Поэтому я надеюсь, что меня слышат украинцы, и не только слышат ушами, но и сердцем, поймут, что я хочу донести до них свою глубокую тревогу. И еще. Нередко слышу: вот, мол, власть от Горбачева уходит, а он цепляется за нее. Скажу на это: если бы Горбачев так держался за власть и для него было бы невыносимым делиться властью, он бы просто этого не начинал в 1985 году. Ему десятка лет хватило бы... побыть у власти, ничего не меняя. Но я начал процесс перемен и не откажусь от своего выбора.

Не мне это нужно, не мне. Но я несу, может быть, и самую большую ответственность, потому что начал и продолжаю стимулировать процесс преобразований, но не хочу допустить распада. И когда говорят, что это надо мне, чтобы остаться президентом, чтобы командовать... Все это чепуха, домыслы, дешевка, которую подбрасывают людям, сбивают их с толку. Нет, речь идет о судьбе народной...

Мы не должны, двинувшись от унитарного государства, где подавлялись народы, их самостоятельность, их государственность, впасть в другую крайность – в распад, с тяжелейшими последствиями. Мы у черты. За этой чертой начинается анархия, хаос.

Не могу не сказать это людям, и пусть это они слышат, знают. Даже в новом Союзе понадобятся огромные усилия, чтобы преодолеть последствия начавшейся дезинтеграции, которая захватила не только государство, экономику, но и общество. Это очень все серьезно.

И когда я сказал в обращении к парламентариям: «Отечество в опасности», я имел в виду именно эти опасности.

– То есть, говоря о том, что Отечество в опасности, мы можем сегодня заверить, что танков не будет?

– Танки уже находятся на Украине. Если не пойдете оттуда наступать... Вы же понимаете, я веду политический разговор, но не надо забывать и о Карабахе. Трудно предсказать, что будет, если процесс будет развиваться остро, нестабильно. Могут быть спровоцированы какие-то силы и в армии. Мы должны особенно заботиться в это трудное время об армии. Она переживает труднейший период. Ни на минуту не забывать – это человек с ружьем, человек с оружием. Не забывать этого. Кое-кто разыгрывает армейскую карту или просто подстрекает. Ну чем можно объяснить поведение властей в Прибалтике, когда они требуют: немедленно уходите, оккупанты?!

– Михаил Сергеевич, Вы очень часто повторяете, что не мыслите себе Союза без Украины. Я бы хотел спросить, ну, скажем, 70 лет Союз существует без Польши и Финляндии. Вот сейчас – без Прибалтики. Почему же все-таки он не может существовать без Украины?

– Так мы сформировались. Производительные силы развивались на основе очень глубокой специализации... Украина теснейшим образом связана со всем комплексом страны. И Россия тоже. Когда с некоторых российских трибун слышишь лихие заявления: мол, Россия все одна сможет, потряхнет всех и пойдет одна вперед – это, я вам скажу, блеф. От незнания реальностей, в лучшем случае. Энергетика общая, трубопроводы, коммуникации общие, все это строилось под одну страну. Тюмень для всех осваивали, и все в этом участвовали. Точно так же металлургию

на Украине развивали для всех. Такое создалось распределение труда и размещение производительных сил, что оно теперь диктует условия.

Как же можно рвать это все? Нет, необходимо сотрудничество.

А человеческий вопрос: сколько украинцев за пределами Украины? Сколько русских на Украине? Я спрашиваю: кому это нужно? Кто-то увлекся сейчас, возомнил, что он великий политик... Нет, будут еще более умные политики, не будем преувеличивать свою роль на этой земле. Не надо играть легко, размахисто такими вещами, как государство, народ, Союз, оборона, безопасность, мир. На Западе все хотят, чтобы Союз сохранился, «третий мир» этого хочет. Одни мы... – у нас что, «крыша поехала»? Нет, я думаю, пройдет это. Я говорю с такой убежденностью, потому что чувствую и знаю настроения людей.

Речь зашла о моих родственных корнях и вышла на большую тему. Мои корни по линии матери – в Черниговской губернии, а по линии отца – в Воронежской.

Я люблю литературу украинскую, украинский язык – очень красивый, певучий.

– Вот, Михаил Сергеевич, почему народ и проголосовал за суверенитет – это боязнь потерять свой язык, свою культуру, свою песню.

– Знаете, когда из Беларуси ко мне обратились с письмом 25 выдающихся деятелей культуры, заявляя, что гибнет белорусский язык, я встал горой на защиту. Стоял за то, чтобы этот вопрос нашел отражение в решениях государственных органов. В одной беседе сказал однажды, что народ – это Божье явление, творение, и никто не вправе лишить его языка, его облика, черт...

Но как раз все эти вопросы можно решать в рамках нового Союза. При нынешней суверенизации все становится на свои места – как должно быть. Но и не должно обернуться тем, что уже начинается на Украине, – сражением против русского языка. И вы не качайте головой, поскольку мы выяснили и мои корни, и я имею право так говорить. Имею моральное, человеческое право рассуждать так и вот с этими словами, добрыми, от сердца, от души, обратиться ко всей Украине, ко всем народам Украины, ко всему народу – все обдумать. Убежден, нам надо быть

вместе, как всегда были десять веков. Я думаю, послушают люди нас и что-то, надеюсь, все-таки западет им в душу.

Исхожу из того, что кроме лихих политиков есть еще нормальный народ, здравомыслящие люди. И эта сегодняшняя наша беседа им будет понятна. Очень надеюсь, что Украина сыграет свою незаменимую роль в строительстве нового Союза.

Контакты с Ельциным

В течение недели перед Минской встречей мы почти ежедневно общались с Ельциным: или говорили по телефону, или встречались у меня. Говорили о многом, но главным оставался вопрос о сохранении Союза. На мой вопрос, почему вдруг Верховный Совет РСФСР отложил обсуждение проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, он ответил рассуждениями насчет того, что его не поддержат депутаты. Я же сослался на то, что его и мои эксперты вместе работают в комиссиях Верховного Совета в обстановке большого согласия. И откуда взято, будто депутаты против?

Ельцин стал говорить, что сейчас первоочередная задача – это обсуждение документов, связанных с реформами. И опять настойчиво ставил передо мной тот же вопрос: подпишет ли Договор Украина? Союз без Украины немыслим. Я неизменно подчеркивал, что также не мыслю Союза без Украины. А на вопрос Ельцина, что же в этом случае делать, отвечал: предпринять все, чтобы Российская Федерация первой одобрила Договор на Верховном Совете.

Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому я перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора, сказал, что может встать вопрос о Союзе славянских республик. Я заявил, что, на мой взгляд, это неприемлемо. И разговор мы должны продолжить в Москве на встрече президентов с участием руководителей Украины.

Тогда я подумал, что сепаратистская позиция руководства Украины – это «подарок» для Ельцина: в России не поддержат президента, выступающего против Союза. Недовольство россиян

центром вовсе не означает отказ от Союза. Особая же позиция руководства Украины – спасательный круг для тех в Российской Федерации, кто против сохранения Союза.

Итак, в Минске, в Бресте состоялась встреча трех президентов – России, Украины, Беларуси. И приняты были решения – вопреки тому, о чем мы договаривались на Госсовете СССР.

**«Беловежская
Пуца».
Надежды
не теряю**

Каково было мое отношение к Минскому соглашению? Какую позицию я занял? Свое официальное отношение я выразил в Заявлении Президента СССР. Оно было опубликовано 10 декабря:

«8 декабря 1991 года в Минске руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Для меня, как Президента страны, главным критерием оценки этого документа является то, насколько он отвечает интересам безопасности граждан, задачам преодоления нынешнего кризиса, сохранения государственности и продолжения демократических преобразований.

Это соглашение имеет позитивные моменты.

Участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время не проявляло активности в договорном процессе.

В документе подчеркивается необходимость создания единого экономического пространства, функционирующего на согласованных принципах, при единой валюте и финансово-банковской системе. Выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах. Предлагается определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области.

Однако это документ такого значения, он настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

В любом случае для меня очевидно следующее. Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР.

Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР.

В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

М. Горбачев».

11 декабря я дал интервью главному редактору «Независимой газеты» Виталию Третьякову. Мы говорили с ним о происходящем в широком плане. Я к этому еще вернусь. А здесь хочу привести из нашего разговора лишь то, что относится непосредственно к моей реакции на совещание в Минске и Беловежской Пуще.

– Не кажется ли Вам сегодня, – спросил Третьяков, – что Ваша политика, нацеленная на подписание Союзного договора, и включенный в нее ново-огаревский процесс оказались ошибочными?

– Нет, я убежден, что Союзный договор как база для реформирования унитарного многонационального государства просто необходим...

Я хочу, чтобы никто не подозревал у меня каких-то коварных замыслов. Уже, видимо, пришло время сказать, что я не собираюсь претендовать на лидерство в каких-то новых структурах, выдвигать свою кандидатуру – для меня это вопрос неактуальный. А пресса запускает этот вопрос: вот, мол, гонит Горбачев под себя эти структуры. Это самое примитивное толкование. Нет, меня интересуют именно реальности, мир, каким он предстает вокруг, его переплетенность – человеческая, экономическая, стратегическая... Это затрагивает всех, все республики и даже Прибалтику. И там придется еще договариваться, ибо если разрушается часть структуры, то разрушается она вся. Это все реальности. Эрозия будет происходить большая, и мы схлопочем очень плохую ситуацию. Поэтому я бьюсь за то, что нам нужно союзное государство, «мягкий Союз». «Мягкий» в том смысле, что суверенные государства сами договариваются и сами формируют тот Центр, который им нужен. Но обязательно Союз. [...] Поэтому я считаю, что правильным был тот договорный процесс, который, собственно, был уже завершен к августу, и мы должны были подписать Союзный договор...

Я убежден, что нам нужен Союз... Сейчас получили соглашение, которое подписано тремя славянскими республиками. И уже, можно сказать, раскололи страну, заложили много бомб, запутали весь процесс.

– Вы за единое экономическое, политическое, правовое пространство – собственно, в этом суть Союза?.. – спросил Третьяков.

– Да, чтобы обеспечивалось более эффективное взаимодействие. Но они соединились на соглашении, которое имеет в виду, что произойдет процесс разъединения, и будет Содружество... Процесс согласования, взаимодействия будет очень осложнен. Именно поэтому я и возражаю... Эта моя позиция появилась не с ходу и не вчера. Я ее уже полтора года отстаиваю, когда я пришел к выводу, что мы не можем в этой стране разделиться. Так тут все перемешалось и связалось. Говорят, что Горбачев подстрекает людей своими рассуждениями. Нет, я лишь обращаю внимание на факты и последствия, чтобы все это было осмыслено при принятии окончательного решения. Вот моя мысль, и пусть люди решают. Им надо дать возможность принять решение...

Я независимость не рассматриваю как вызов Союзу, а тем более выход из Союза. Только как реализацию своего суверенитета...

Считаю, что в плане направленности, видения перспектив у нас принципиальных расхождений с Ельциным нет. В методах, способах решения этих задач – есть. Серьезное расхождение – о концепции Союза. А это теперь скажется на всем.

**Армия
в переходный
период**

Что касается армии, сказал я, «я употреблю свою роль главнокомандующего, чтобы прежде всего позаботиться об армии, постараться сделать все, чтобы не расшатывать ее, хотя это трудно в реформируемой стране. Тем не менее важно, чтобы этот важнейший государственный институт выполнял свою функцию строго по предназначению. Я не думаю, что тот политик, который встанет на путь использования вооруженных сил для достижения своих политических целей, заслуживает поддержки, он должен быть отвергнут, он должен быть проклят. Армия должна использоваться по прямому своему назначению. Та политика, которая рассчитывает пустить в ход танки, не достигнет своей цели. Это тупик...

Нас ждут труднейшие месяцы в нашей истории»...

«Вы обратили внимание на то, что я сказал в своем заявлении после Минской встречи? Оно вполне обдуманное. Считаю неправомерными некоторые положения, которые, как по Маяковскому, “решили Америку закрыть”».

«А дальше я сказал, что есть позитивные моменты, которые перекликаются с Союзным договором – об общем рынке, о сотрудничестве в сфере образования, науки и культуры и так далее... Много совпадений. Если это соглашение о Содружестве выдается за окончательный вариант, то для меня это неприемлемо. А если это как вклад, как то, что вместе с Союзным договором следует обсудить, синтезировать и выйти на какое-то общее понимание, тогда другое дело. Посмотрите: там совершенно не ясны механизмы. Ясно только, что все разрушается. А что же будет действовать? Там больше вопросов, чем ответов».

«Сегодня мы будем беседовать об этом с Борисом Николаевичем. Процесс действительно усложнился. В азиатских республиках, в автономиях размышляют, что же произошло. Для меня это очень существенно. Я думаю, что и для руководителей трех республик это не безразлично.

Я буду уважать выбор, который сделают представительные органы или сам народ. Вопрос в том, чтобы этот выбор происходил конституционно. Я категорический противник, чтобы сейчас при выяснении этого вопроса произошло противостояние. Я думаю, что в политике надо использовать позитивные моменты Минского соглашения, для того, чтобы процесс был продолжен».

12 декабря у меня состоялась большая встреча со многими редакторами, обозревателями, корреспондентами наших газет, на которой я поделился своими оценками происходящего в эти дни. Участники встречи потом публиковали свои «впечатления», особенно выделяя личностные моменты – с оттенком сенсационности. Но то, что я им сказал, нигде полностью опубликовано не было. Поэтому позволю себе здесь изложить сказанное тогда.

– Поговорим откровенно!..

Сразу скажу, что я согласен далеко не со всем, что публикуется. Есть и такие издания, которые напоминают, пусть с другим знаком, средства массовой информации времен монополии компартии.

Сегодня события приобрели такое развитие, что, думаю, разговор должен сосредоточиться на том, что находится в центре всеобщего внимания.

И вот главный вопрос: что будет с нашей реформой, как выйти из кризиса, какая должна быть политика, какие предпринять шаги.

Может быть, сейчас молодым легче. Но нам – людям сформировавшимся, начавшим процесс реформ уже в зрелом возрасте – не просто ломать себя... И все же, я думаю, главную подготовительную работу при всех ошибках, просчетах или запоздалости решений, а иногда, наоборот, забегании вперед, сделали. Общество уже нельзя вернуть на круги своя. Его не загонишь туда никакой силой.

**Возможен ли
военный
переворот?**

Пресса не должна поддаваться на провокации. У нас время очень сложное. Люди устали. Обстановка накалена. Мы же хотим, чтобы удалось продолжить начатые реформы.

В этом мы все, я думаю, заинтересованы. К чему я это говорю.

Вчера у меня был главный редактор «Независимой газеты» и говорил, что Москва полна слухами о военном перевороте. Некоторые газеты со ссылкой на иностранные источники сообщили: в Кремле группа «Альфа», появились грузовики с бетоном. Но все это выдумки.

Власть имущие сегодня не заинтересованы в перевороте. Это же демократы. При всех критических замечаниях в мой адрес с их стороны в число демократов я включаю и себя.

Повторяю, демократы на военный переворот не пойдут, это полностью дискредитировало бы их, окончательно. Если они к этому придут – какие они демократы?

Армия должна заниматься своими делами, реформироваться, совершенствоваться, но при этом должна сохранять выдержку, не поддаваться панике даже в трудных ситуациях. Пусть политический процесс развивается в конституционных рамках, и в конце концов пусть народ делает выбор – или непосредственно, или через свои представительные органы. За ним слово. И его выбору надо подчиняться. Приучить себя к этому.

А реакционные силы... При всех их попытках собраться после путча, мобилизоваться, поиграть на трудностях, на том, что беспокоит наш народ, им не удастся использовать армию. В этом глубоко убежден. Словом, военный переворот я исключаю.

...Задача сейчас состоит в том, чтобы быстрее формировать настоящий политический плюрализм. Без этого демократия жить не может. Очень важно, чтобы эти процессы шли побыстрее. Сейчас это главное. И это состояние, когда люди выбились из политической колеи, тоже содержит определенную опасность, ибо не действуют механизмы, на которые демократия должна опираться.

Теперь о главном – о государстве.

Процесс действительно приобрел совершенно другое течение, чем до встречи в Беловежской Пуще. Возникает вопрос: обеспечит ли Содружество необходимое взаимодействие для решения вопросов в экономике, финансах, политике, социальной сфере? Боюсь, что это будет очень трудно сделать.

Какова моя позиция? Необходимо вынести проблему на Верховные Советы, чтобы все решалось конституционно, в рамках законодательных органов. Только что узнал, что на Украине в со-

глашение уже внесли изменения – по вопросу о гражданстве. В соглашении, принятом в Минске, было записано, что граждане могут свободно передвигаться. Но украинцы это изъяли, внесли другую формулу.

Мое отношение к Минскому соглашению как Президента страны таково: буду уважать выбор представительных органов. Но это не значит, что я не имею своей оценки, своей точки зрения. Отказ от Союза осложнит реформы, поставит под угрозу все.

Вчера мне звонил товарищ Назарбаев. Он и руководители среднеазиатских республик будут встречаться в Ашхабаде, совещаться. У них есть свое отношение к минским решениям, свои соображения. Я буду внимательнейшим образом следить за этим процессом. Никакого давления оказывать не хочу, но свою точку зрения до общественности доводил и доводить буду, потому что убежден: совершается большая ошибка.

Если будет поставлен крест на союзном государстве, подниму вопрос о своем уходе. Вот моя позиция, полностью открытая. Время такое, что надо все говорить начистоту.

Участники встречи попросили меня прокомментировать состоявшееся в этот день выступление Ельцина в российском парламенте – по итогам Минска.

Я с ним в тот момент еще не был знаком. Но мне сказали: Ельцин, мол, сообщил, что Союз развален и нечего обвинять российское руководство в том, что оно его разваливает... Кравчук на эту тему – мне уже было известно – высказался более определенно: по его словам, центр начал разваливать Союз еще с 1985 года. (Очень интересно эти заявления двух президентов сопоставить с тем, что они говорят сейчас. По Ельцину – этот процесс начался в Киеве еще год назад, а по Кравчуку – сделано историческое дело.) Поразмышляйте об этом.

А что касается Соглашения, подписанного в Беловежской Пуще, продолжал я, то его, конечно, будут обсуждать, может быть, как-то обогащать, какие-то вопросы поставят под сомнение.

В общем-то, никто больше меня не заинтересован, чтобы наше дело не потерпело поражения. Для меня тут персональной окраски нет. Вы знаете, что Горбачев способен делать компромиссные ходы. Но есть вещи, через которые переступить нельзя.

Думаю, что это Соглашение будет трансформироваться. Особенно в том, что касается создания механизмов функционирования Содружества. Таких механизмов пока нет. Из вчерашней встречи с президентом Ельциным я понял, что и он не знает, какие же органы будут созданы.

При обсуждении в республиках возник, в частности, такой вопрос. В Европейском Сообществе действуют Европарламент и Парламентская ассамблея, а в создаваемом Содружестве – ничего подобного нет. Когда исполнительная власть подминает демократию и прибирает все к рукам, то это так же неприемлемо, как и в случае, когда представительные органы своими действиями сковывают исполнительную власть, парализуют ее деятельность. Нужна продуманная система демократических институтов, обеспечивающих взаимодействие членов Содружества.

В ответ на вопрос, не занял ли я выжидательную позицию, давая процессу развиваться как получится, сказал: я не выжидаю, выступаю практически каждый день с изложением своей точки зрения. Встретился с белорусскими и украинскими журналистами, дал развернутые интервью разным телекомпаниям. Выступил перед руководящими кадрами Вооруженных Сил. Сделал заявление в связи с Минским соглашением. Обратился напрямую ко всем парламентариям. Пусть общество сделает свой выбор сознательно. Уже говорил и хочу повторить: совершается большая ошибка, разрушается государство.

Я буду уважать то, что в конце концов примут парламенты, и для меня тут проблемы нет. Но мой долг – показать логику развития событий и возможные опасности, к которым может привести реализация этой концепции. Мне хочется ошибиться, но неразбериха может возникнуть... Если сейчас начать выяснять, где чьи границы, кому где жить, чья армия, это сорвет весь процесс реформ, похоронит его... Мы получим хаос, из которого демократическими путями уже не выберешься... Вчера я сказал Ельцину: «Вы понимаете, к чему Вы подталкиваете?»

Моя позиция состоит в том, что я сделаю все, чтобы выбор народа шел в конституционных рамках. Это, по-моему, самый ответственный подход. Формула содружества, ко многому не обязывающая, позволяет многим решиться войти в него. Однако можно ли так обращаться с нашим государством, начинать его

кроить? Где эти ножницы? Не стану перечислять все проблемы общества. Упомяну лишь некоторые из них: десятки миллионов, проживающие за территориями своих национальных образований; оборона – она опирается даже и на прибалтийские определенные коммуникации и объекты, в том числе стратегического назначения. Эти связи нельзя разрывать. Наука – в Академии наук пошла дезинтеграция, гибнут целые центры. Воспрепятствовать всему этому можно только на основе сотрудничества.

Ну и самое главное. Уровень кооперации у нас почти в полтора-два раза выше, чем в Европейском Сообществе. Это существовало и существует в Союзе, а что будет в Содружестве – мне трудно предсказать. Но дело в принципе – зачем все разрушать, вместо того чтобы дать простор рыночным отношениям.

Один корреспондент спросил: вот ведь в чем Ваш парадокс, Михаил Сергеевич: чем больше Вы брали власти, тем больше ее отдавали, чем выше пост, тем меньше власти. Вы ведь сами эту власть отдали. Не логичный ли это итог?

Логично, но только в смысле направления. Ведь любой процесс всегда разворачивается поэтапно, в нем есть и пределы. Наши люди еще не понимают, что лишаются страны. Страны ведь не будет. Вы еще тоже этого не осознаете. Появятся новые государственные границы. Их установят, а у нас их не было.

Были административные деления. Теперь же будут государственные границы. В общем, множество проблем.

Избежим ли мы судьбы Югославии? Ельцин мне вчера говорил: не пугайте, ради Бога, Югославией. Я ответил: давайте делать все, чтобы этого не случилось.

Если исходить из Соглашения, о котором речь, то нет же страны, а нет страны, нет и президента?

В вашем вопросе содержится намек, что мое стремление сохранить Союз нелогично и оно – не что иное, как попытка с моей стороны сохранить власть.

Но на Госсове я сказал следующее: если вам, друзья, тяжело под этим президентом ходить, вам нужен другой, то я готов уйти. Вы подписывайте проект нового Союзного договора, а я тут же подпишу заявление о том, что не собираюсь участвовать в выборной кампании по избранию президента. Я стою за сохранение страны.

Спросили, не собираюсь ли я создать свою партию в поддержку Союза? Нет. Но приветствую создание партий. Демократии без партий не может быть.

От Минска к Алма-Ате

Итак, моя позиция, как свидетельствуют приведенные высказывания тех дней, была такова: политики должны иметь дело с реальностями, считаться с ними. И вот возникла эта реальность, объявлено о создании Содружества Независимых Государств. Правда, с самого начала этого процесса случилось так, что вся страна и ее народы получили неожиданный сюрприз: решение о создании Содружества было принято за спиной Президента СССР, президентов других суверенных государств, за спиной собственных Верховных Советов. Страна сразу же оказалась в труднейшем положении.

Мне в воскресенье [8 декабря] позвонил Шушкевич и говорит: мы здесь вышли на соглашение, и я хочу Вам его зачитать. Какое соглашение? – спрашиваю его. Да, вот... знаете, это соглашение уже поддерживают... мы тут говорили с Бушем. Я ему говорю: Вы разговариваете с Президентом Соединенных Штатов Америки, а Президент страны ничего не знает. Это позор... Меня этот факт поразила: Шушкевич ставит меня в известность, а Борис Николаевич переговаривается с Бушем. Попросил пригласить к телефону Ельцина. Разговор был нервным. Я настаивал на встрече Президента СССР и руководителей четырех республик (Ельцин, Кравчук, Шушкевич, Назарбаев). Но «пушисты» уже сговорились, уполномочив на встречу со мной Ельцина.

В общем-то, то, что произошло в те дни, считаю ненормальным. Однако перешагнул и через это. Есть реальности, с которыми я должен был считаться. Важно, чтобы процесс шел, не теряя политического характера.

Когда, вернувшись из Минска, Б.Н. Ельцин пришел ко мне, я сказал ему: вы встретились в лесу и «закрыли» Советский Союз. В обществе даже возникло суждение, что речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик. Президент США узнаёт обо всем раньше, чем Президент СССР.

Я остаюсь приверженным моей позиции, но буду уважать выбор, который сделают люди республики. Если мы за демократию и реформы, то должны действовать по демократическим правилам. Ведь вы же не с большой дороги!

Но, повторяю, возник реальный процесс. И если республики заняли позицию, то я должен принять это как реальность и содействовать процессу. Таков был мой вывод для самого себя. Но нужно добиваться, чтобы он шел в законных рамках.

Акция в Минске поставила азиатские республики перед свершившимся фактом. И в общем-то была оскорбительной для их суверенитета и национального достоинства. Что касается Украины, вернее, ее политиков, дело ясное: такое поведение вписывалось в поставленную цель – развалить Союз. Азиатские республики от Украины далеко, и она вроде не очень заинтересована в тесном сотрудничестве с ними. Украинских политиков, конечно, интересует Россия, вернее, ее ресурсы. Поэтому они вынуждены делать вид, что они за Содружество, – вроде бы в угоду России, которая органично привязана к азиатским регионам бывшего Союза. Поэтому Кравчук и поехал в Алма-Ату. Но почему российское руководство не хотело видеть очевидные замыслы украинских политиков?

Эффект первичного отталкивания, неравноправного поведения, намеков на «вторичность» азиатских государств в определении характера Содружества не пройдут даром. Была допущена большая, может, даже исторического значения ошибка. Ибо не всё мы знаем о содержании встречи в Ашхабаде. Только сегодня, по тому, как развиваются события в СНГ, как действуют среднеазиатские республики, видно, что тогда в Ашхабаде состоялась договоренность, которая теперь реализуется.

Однако руководители и парламент Казахстана и государств Средней Азии проявили здравый смысл, политический реализм, заняли, я бы сказал, более цивилизованную позицию, чем их европейские коллеги, показали большую способность к «реаль-политик».

Ашхабадская, а затем Алма-Атинская встречи несколько сбалансировали грубый перекос, допущенный в Минске. Содружество взамен Советского Союза получило большую легитимность. Однако логику дезинтеграции принятые там документы не ломали. Многие существенные для жизнеспособности Содруже-

ства вопросы оставлены в виде декларации о намерениях, да и то по-разному толкуемых. Последовавшее поведение Украины и другие события – тому свидетельство.

На встрече с прессой 12 декабря мне, в частности, задали и такой вопрос: не примешивается ли к моей оценке сделанного в Минске и Беловежской Пуше горечь поражения?

Нет! Я об этом сказал и Ельцину – мы с ним всегда говорили откровенно.

Я не разделяю позицию создателей СНГ, но обсуждаю с ними все интересующие их вопросы. После Минска встречался с Ельциным, Назарбаевым, Муталибовым, Набиевым, беседовал с Кравчуком, Шушкевичем, Акаевым. Вчера снова звонил мне Назарбаев. Сказал, что азиатские республики собираются обсудить свою совместную линию в Ашхабаде.

Знаете, в конце концов, каждый в политике делает выбор.

В свое время я был инициатором референдума, первого в истории нашего Отечества. Народ проголосовал тогда за Союз. Выйдя в ноябре на Союз Суверенных Государств – как конфедеративное государство, мы уже тогда отступали от того, что понималось под обновленным Союзом, за что голосовали на референдуме. Но все же мы могли говорить о единой стране, едином Отечестве.

И, по чести говоря, надо было и новое образование – Союз Независимых Государств – представить на суд народа. Пусть народ решит – согласен разделить страну или нет.

Именно ответственность за происходящее диктует мне позицию, которую я занимаю.

Журналисты напомнили мне, что не так давно, анализируя экономическую ситуацию в распадающейся стране, я предостерегал, что в праведном возмущении народ может выйти на улицу. Да, это так. И сейчас такое развитие событий не исключаю. И это стало бы демократическим выступлением народа. Другое дело, что кто-то захочет сыграть на этом. Это могут сделать люди крайних убеждений и политические спекулянты. Угроза прихода к власти сил, программы которых основаны на идеях национал-патриотизма, возросла.

Поэтому надо сделать все, чтобы избежать использования реакционными силами недовольства народа. А сделать это можно

только через продолжение реформ. Весь вопрос, как их проводить.

Во-первых, по пути реформ надо идти вместе – всем республикам. И я стремился убедить Ельцина, весь Госсовет в необходимости скорейшего поиска решений, создания общих структур. Команда Силаева подготовила пакет предложений по ценам, социальной защите, налоговой политике, подошла к решению вопроса о банковском союзе. Есть все необходимое, чтобы реформы заработали. Иногда говорят, что Россия пойдет на реформы первой, а остальные, мол, подтянутся. Но так не будет, потому что мы составляем единое целое, скрепленное неразрывными связями.

Во-вторых, надо развязать инициативу производителя, фермера, предпринимателя, торговца, работников госпредприятий. Поставить в рамки монополиста. Последнее особенно важно, так как сегодня они играют решающую роль. При такой последовательности будет логичной и либерализация цен. А если все свести к высвобождению цен, как это было у Рыжкова, а потом Павлова, то на товарном рынке все будет сметено.

Цены надо отпускать в любом случае, но нужна последовательность шагов... И если не принять компенсирующих мер, то народ выйдет на улицы. Тогда уже ни российское, ни украинское руководство, никто ничего не сможет сделать. Мы должны все сделать, чтобы этого не произошло. Надо всем вместе выжить в нынешней ситуации. Я не могу не повторить, что считаю ошибкой то, что страну начали кроить, рвать, делить.

Так вижу ситуацию. Что мешает нам распоряжаться своим суверенитетом, делиться своей независимостью, входя в Союз, беря на себя обязательства? Не следует абсолютизировать суверенитет. Его никто не подавляет. Мы заложили в реформированный Союз новые принципы. Сами республики, а не центр, решают, какие полномочия остаются за ними. Речь идет о совершенно новом государстве.

Мировое сообщество, страны «большой семерки» сочувствовали идее сохранения Союза. После срыва парафирования Запад был очень обеспокоен. И поэтому Беловежскую инициативу и выход на Содружество они восприняли с надеждой, рассматривая ее как шаг, направленный на поддержку и сохранение общности народов.

А если говорить совсем уж откровенно, у многих из них то, что произошло, вызвало много недоуменных вопросов. И один из моих авторитетных западных собеседников задал мне тогда вопрос: какие же у вас партнеры по руководству страной, если они не видят очевидных опасностей принимаемых ими решений, запросто отбрасывают согласованные до этого позиции?

13 декабря в очередном телефонном разговоре, по просьбе президента Буша, я поделился своими оценками на этот счет. Минское соглашение трех президентов – это лишь эскиз, экспромт. Осталось много нераскрытых вопросов. И среди них главный – нет механизма взаимодействия.

Мой подход состоит в том, чтобы придать законный, правовой характер процессу преобразования государства. Я обратился к народным депутатам. Должна быть выражена воля народов, воля республик.

Однако обсуждение проекта Союзного договора в парламентах по существу сорвано. Попраны были договоренности между мной и руководителями республик.

В Минске было сделано весьма вольное заявление, что Советского Союза уже нет. Но тогда, значит, нет и законов, регулирующих общественный порядок, оборону, границы, международные связи и т.д. и т.п. Сделано это было тремя президентами под очень сомнительным историческим предлогом: они – Россия, Беларусь, Украина – были в 1922 году инициаторами образования СССР, поэтому-де они имеют право его и распустить. Это – дилетантский подход, попытка выдать нахрапистость за политическую культуру. И уж тем более нельзя это выдавать за проявление исторической ответственности.

И это вместо того, чтобы с участием всех республик разработать все необходимые документы, обсудить их в парламентах, в общем представительном законодательном органе, который и примет решение о том, что Советский Союз прекращает свое существование, а Содружество начинает свою жизнь.

Таков был откровенный разговор с Джорджем Бушем.

14 декабря позвонил мне Франсуа Миттеран. Вот его слова: «Вы, конечно, понимаете, что я внимательно слежу за событиями у Вас в стране. Вероятно, Вы помните, что во время Вашего

последнего визита (в начале ноября на юге Франции) я выразил пожелание, чтобы все республики оставались едиными и объединенными. Я сказал тогда и хочу повторить сейчас, что это крайне необходимо не только для вашей страны, но и для всей Европы, для сохранения равновесия как на Востоке, так и на Севере Европы. События, происходящие в вашей стране, глубоко нас интересуют и одновременно не могут не беспокоить. Как и прежде, я считаю, что Вы были и остаетесь гарантом стабильности и постоянства в этой стране. Хочу, чтобы Вы знали, что сейчас, когда возникли столь серьезные трудности, Франция пристально и с чувством понимания и симпатии следит за каждым Вашим действием, за каждым Вашим шагом».

Затем были разговоры по телефону с руководителями других стран (или их представителями) – еще раз с *Колем, Мейджором, Андреотти, Бейкером, Малруни, другими*. Об этом я еще скажу. Они не скрывали своей обеспокоенности нарастанием у нас процессов дезинтеграции. Тревожила их не только проблема ядерной безопасности, а экономические и политические последствия происходящего у нас, грозящего нестабильностью в Европе и в мире, который терял одну из важнейших опор начавшегося мирного реформирования международных отношений.

Политика и мораль

В самый разгар декабрьских событий в Москве проходила *Международная конференция «Анатомия ненависти»*, организованная Гуманитарным фондом известного борца за права человека, нобелевского лауреата Эли Визеля и журналом «Огонек». Мое обращение к ним несло на себе печать момента, и потому я привожу его здесь:

«Приветствую всех вас, собравшихся здесь по столь актуальному сейчас для нашей страны поводу. Приветствую основателя и руководителя Фонда, известного во всем мире нобелевского лауреата господина Эли Визеля.

Конференция посвящена одной из ключевых в наше время этических и вместе с тем политических проблем – как преодолеть ненависть между людьми, народами, государствами. Она столетиями терзала человечество и в XX веке не раз становилась

государственной политикой, порождала жесточайшие войны. Ею пропитаны все преступления против прав и свобод, против жизни человека. Ненависть как идеологическая и психологическая составляющая “холодной войны” поставила под вопрос само выживание человеческого рода.

Собственно говоря, осознание связи одного с другим легло в основу нового мышления, в котором нравственность и политика нераздельны, ибо оно предназначено служить единству мира на общечеловеческих ценностях.

Я отвергаю аморальные средства в политике. Не приемлю “силовых приемов” для достижения цели, даже если вижу, что кто-то по ошибке или преднамеренно не приближает нас к ней, а отдаляет. Всякое насилие порождает ненависть, а ненависть всегда разрушительна. И самую благую идею оно может превратить в зло для человека и общества.

Я горд, что новое мышление, наша новая политическая мораль помогли потеснить ненависть из международных отношений, сделать доверие и соблюдение прав человека важнейшими компонентами мировой политики.

Моя страна переживает нелегкие, драматические дни выбора своей судьбы. Надеюсь, что в этот мучительный процесс не проникнет ненависть. Верю в конечное торжество справедливости и мира на моей Родине и на всей Земле.

Добрые всем вам пожелания».

В беседе 17 декабря с Эли Визелем, другими участниками конференции я признал, как трудно оказалось соединить политику с моралью. Если вернуться к тому, как мы формировали новое мышление, обращаясь к общечеловеческим ценностям, вобравшим в себя интересы, идеи и опыт столетий, то выбор тогда был сделан правильный. Я написал тогда книгу, думаю, несовершенную – «Перестройка и новое мышление». Но обо всем я сказал искренне. И люди, видимо, поняли, к чему призывает автор. Речь в книге о том, как изменить политику в стране и вне ее.

Сейчас наступило самое трудное время для политики нового мышления. Оно подвергается серьезнейшему испытанию. Здесь присутствуют те, кто помнит: еще несколько лет назад я говорил, что перестройка и новое мышление – настолько глубокий и драматичный процесс, что надо быть готовыми к острейшим про-

блемам, испытаниям, к возможным явлениям нестабильности. И если не удержаться, то можно погубить все то, что так нужно нашей цивилизации.

И особенно здесь, в этой стране, мы столкнулись с труднейшей задачей. Ведь здесь был создан мощнейший в мире тоталитарный режим. Демонтировать его – поистине гераклов труд. И самое главное состояло в том, чтобы сделать правильный выбор.

Мы сделали выбор. В политике – плюрализм, свободные выборы, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, движение к правовому государству. В экономике – экономическая свобода, признание всех форм собственности, рынка, где обеспечивались бы соревновательность, возможность каждому реализовать свой потенциал.

В стране, где люди говорят на 120 языках, невозможно двинуться вперед, если не будет реформирована государственность.

И наконец, наше общество было одним из самых милитаризованных. Масштабы и цена этого огромны. Мы встали на путь разоружения, строительства новых международных отношений.

Хорошо, что идет новое поколение политиков. Нам было тяжело начинать – мы все-таки были еще в плену старых догм, стереотипов мышления. Новому поколению будет легче. И я приветствую проведение такой важной конференции. Ведь жизнь продолжается, и мы, и новые поколения должны учиться понимать науку жизни, а значит, преодолевать ненависть, подозрения, учитывать взгляды и интересы друг друга.

У нас все последние 6–7 лет – драматические. Главное, чтобы драма не вылилась в трагедию.

Вопрос о том, что происходит у нас сейчас, – это главный вопрос и для всего мира.

Если бы я был рядовым политиком или просто юристом-государствоведом, то мог бы дать критический анализ тех методов и способов, к которым прибегли сейчас в решении проблемы Союза. Но в моем положении я должен поступить по-другому.

Если Верховные Советы – органы представительной власти – считают необходимым создание Содружества Независимых Государств, я буду уважать их выбор.

Более того, я хочу использовать мои возможности и мою роль для того, чтобы обогатить начавшийся процесс, содействовать

его успеху. Почему? Потому что есть вещи более важные, чем политический процесс сам по себе, чем формы, которые он принимает.

Страна перегружена такими проблемами, что втягиваться сейчас в политическую борьбу – это был бы пир во время чумы.

Очень важно, чтобы солидарность наших зарубежных партнеров оставалась эффективной. Может быть, начавшийся процесс позволит остановить дезинтеграцию, возобновить сотрудничество между республиками. Но остаются проблемы экономики, где нарушены все связи, идет падение производства. И если после либерализации цен по-прежнему не будет товаров, продовольствия, то это чрезвычайно опасно.

Здесь присутствует А. Михник. Он может подтвердить, что, хотя в Польше ситуация носит менее драматический характер, даже там люди испытывают большое недовольство. И в результате силы, которые еще недавно полностью отвергались обществом, получили на недавних выборах значительную поддержку. Это сигнал. Так же как и то, что Президент Румынии вынужден был отказаться от свободных цен, вновь ввести регулируемые цены.

Так что главная наша проблема сейчас – в экономике. А тот демократический капитал, который накоплен в процессе реформ, идеологическое раскрепощение, интеллектуальная свобода – это будет проявляться и позволит нам в будущем идти вперед более уверенно.

Уверен, что теперь уже невозможно отбросить страну в прошлое. Мы слишком многое в последние годы узнали. Но если нестабильность будет продолжаться, более того, нарастать, то это может привести к диктатуре. Думаю, нельзя исключать, что могут быть применены авторитарные методы. Но в рамках закона и только в той мере, в которой это необходимо: чтобы была возможность остановить дезинтеграцию, продолжить демократические перемены.

В контексте беседы о ситуации в стране Э. Визель сказал, что в ходе встречи с евреями в Москве и Киеве ему показалось, что они очень напуганы. Их беспокоит деятельность таких организаций, как «Память». Он сам видел антисемитские издания, карикатуры.

На это я ему сказал, что сегодня все общество охвачено беспокойством. Суть в этом. Что касается особой опасности для еврейского населения, то, думаю, теперь она меньше, чем два-три года назад. Правда, кое-кто продолжает подбрасывать идеи «жидомасонского заговора» и т.д. Но это не находит поддержки, наоборот, наталкивается на негативную реакцию общества.

Годовщина трагедии в Бабьем Яре послужила для меня поводом выступить с заявлением, в котором высказано мое личное отношение к антисемитизму и любым другим подобным проявлениям.

Хорошо, что у нас восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Наши люди отмечают и ценят также то, что многие евреи – видные представители финансовых кругов – активно участвуют в оказании помощи стране, осуществлении больших проектов.

**Встреча
с Дж. Бейкером
[16 декабря
1991 г.]**

Я высоко оценил решение президента Буша направить в Союз в преддверии Алма-Атинской встречи государственного секретаря США Джима Бейкера.

Прежде всего я счел нужным в нашей беседе с ним указать, что когда говорят, дескать, процесс, реформировавший Союз, зашел в тупик, то это не так. Дело в другом, и Соединенные Штаты должны знать это.

«25 ноября на заседании Государственного совета все мы приняли и подписали решение о направлении проекта Договора о Союзе Суверенных Государств в Верховные Советы. Это было поддержано мною и всеми руководителями республик, которые там присутствовали. Я лично говорил с руководителями шести республик. Говорил с Назарбаевым: 10 декабря в Казахстане проект должен был быть одобрен. Мои эксперты работали с экспертами Ельцина перед рассмотрением проекта в Верховном Совете России. И у меня имеется заключение – положительное заключение – по результатам этого рассмотрения.

Не хочу сейчас вдаваться в причины того, что произошло. Это наша забота, ответственность, которая пусть лежит на нас. Может быть, были просчеты и даже серьезные ошибки с моей сто-

роны. Но сейчас не в этом дело. Сейчас мы имеем дело с реальностями, которые важны и для нас, и для вас, американцев.

Я остаюсь приверженным своей позиции, но вижу свою роль в том, чтобы использовать мои политические возможности для предотвращения еще большей дезинтеграции в процессе создания Содружества Независимых Государств. А такая угроза есть.

Как опытный человек, Вы понимаете, что соглашение, заключенное в Минске, можно легко было принять, но на его основе невозможно жить. Это лишь схема, схожая по своим общим положениям с нашим совместным с президентом Рейганом заявлением в Женеве: ядерная война недопустима, в ней не может быть победителя.

Необходимо, чтобы процесс обрел выраженные формы и черты, чтобы были выработаны принципы, а главное – механизмы, обеспечивающие жизнеспособность Содружества. Общество находится в состоянии неопределенности, нестабильности. А времени очень мало, и действовать надо быстро.

Я и мои давние коллеги, которые присутствуют здесь на этой беседе с Вами, хотим своим участием помочь становлению Содружества, выработке процедур, обеспечивающих преемственность. В этом ключе я буду действовать, учитывая мою конституционную ответственность за страну, за происходящие в ней процессы, не впадая в эмоции, действовать в духе максимальной ответственности.

Я желаю успеха руководителям республик, хотя не верю, что у них получится. Тем не менее хочу, чтобы у них получилось, ибо если будет иначе, то под угрозой окажется и все, что мы сделали, и будущее».

Бейкер подчеркнул прежде всего, что администрация делает все возможное, чтобы не втягиваться в наши внутренние дела. Отметил заинтересованность США в том, чтобы трансформация у нас происходила упорядоченным и конституционным путем, ибо если этот процесс не увенчается успехом, то дезинтеграция еще более усилится со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для советского народа и для внешнего мира.

«Мы разделяем, – сказал он, – Вашу точку зрения, что Брестское соглашение является лишь оболочкой. Более того, уже имели место противоречивые заявления, расходящиеся даже с положениями подписанного соглашения».

Дж. Бейкер выразил сомнение в том, что Содружество сможет создать общую оборону. Из бесед здесь, сказал он мне, я понял, что будет 10 полностью независимых суверенных государств. И каждое будет иметь свою собственную внешнюю политику. В таком случае возникает вопрос: как может идти речь о совместной обороне, если будет 10 отдельных внешних политик? И кто будет давать указания главнокомандующему совместными вооруженными силами, от кого он будет получать директивы?

«Да, Вы правы, Джим, я предвидел такой оборот дела, – сказал я. – Мои пророчества начали сбываться очень быстро.

Поэтому мне приходится вмешиваться, несколько раз говорил с Кравчуком и Ельциным. И считаю важным действовать так, чтобы помочь тем, кто не хочет обострения ситуации...

Если Украина уже поставила под сомнение положение об открытых границах, свободе передвижения, выборе места жительства и работы, а вместо этого говорит лишь о контактах на основе соглашений, если вместо координации внешней политики говорится *о консультациях в области внешней политики*, если далеко не полная формула по вопросам обороны также подвергается изменению, то ясно, что минская концепция потребует еще большой доработки. Если 12 декабря, в тот день, когда Ельцин выступал в Верховном Совете, Верховный Совет Украины принимает решение о введении купонов, то есть вторых денег, которые будут обращаться наравне с рублем, если Кравчук объявил себя главнокомандующим, то меня это не может не беспокоить...

В последние два дня Назарбаев дважды мне звонил, и он очень встревожен. В Ашхабаде более зрело оценили то, что может произойти. Может так случиться, что Россия топнет ногой, скажет, надоела вся эта суета. Такой настрой есть. Топнуть-то можно, но что дальше? Ситуация может обостриться, и решения уже будут приниматься по-другому. Уже есть признаки авторитарных подходов...

Но боюсь, что дело может обернуться не просто авторитаризмом. Положение очень трудное. И если республики не договорятся, то распад может еще более усугубиться, и произойдет худшее. Я имею в виду диктатуру. А люди так замордованы, что общество может и поддержать ее.

Вот почему я хотел бы, чтобы соглашение о Содружестве состоялось, чтобы оно не сорвалось. Я хотел сказать Вам об этом потому, что мы сейчас все об этом думаем».

На вопрос Бейкера, как им, американцам, сейчас поступать, я счел необходимым сказать, что сейчас для Содружества главное – дополнительная продовольственная помощь. Есть опасность, что ситуация достигнет критической массы и просто взорвется, и это сметет все правительства.

Бейкер спросил, что имеется в виду под переходным периодом, о котором ему говорил Ельцин.

Необходимо, ответил я, «полноценное соглашение о Содружестве – чтобы канализировать процесс во всех областях в правильном направлении; должно быть все-таки ясно, что с этого пространства будет исходить в мир».

«Потребуется, – повторил я ему то же, что говорил и своим коллегам, – по крайней мере заключительное заседание Верховного Совета СССР».

И еще один момент: «необходимо соглашение относительно внешней политики. Международное сообщество должно знать, с кем оно имеет дело, – то ли это десять государств и внешних политик, то ли политическое образование, имеющее согласованную внешнюю политику и выступающее в качестве преемника Советского Союза, в частности в Совете Безопасности ООН, а также по важнейшим договорам, заключенным СССР».

Я не исключаю и даже уверен, что Верховный Совет поддержит соглашение о Содружестве Независимых Государств. Ведь жизнь требует, чтобы мы не теряли времени. Но он может и не взять на себя ответственность «закрыть» СССР и выскажется за референдум или плебисцит, несмотря на всю политическую усталость народа.

Меня сейчас критикуют, дескать, Горбачев хочет подорвать идущий процесс и потому требует созыва Съезда народных депутатов и т.д. Но я понимаю ответственность момента, понимаю, какой вопрос мы решаем: единое государство прекращает существование, была одна страна, пусть и с противоречиями, а теперь она начинает делиться на разные государства. Это очень серьезно, это может решать только народ».

«Меня вот что волнует: попав в ловушку с договорным процессом, мы теряем время, а в ближайшие месяцы может про-

изойти такое, что сметет всех. Ибо идет обвал экономики. Поэтому так важно закончить дискуссии, положить конец этой политической шизофрении...

Ельцин мне постоянно говорит: не пугайте людей. Конечно, мое положение очень деликатное, но я не могу не предупредить...

Я уверен, что Ельцин, как мы с ним договаривались, поднимал в разговоре с Вами вопрос о необходимости, помимо продовольственной помощи и товарной интервенции, предоставить 5–10 млрд долларов для перехода на конвертируемость рубля. Такая сумма – мелочь по сравнению с тем, что произойдет, если все взорвется. Самую большую цену заплатим мы. Но и другие – тоже». Бейкер сказал, что Ельцин такого вопроса не поднимал.

«Вот еще о чем хочу сказать. Сейчас у людей нет ощущения того, что Содружество означает расчленение страны. Люди все же думают, что у нас останется одна страна, что сохранятся все потоки – экономические, культурные, человеческие. Н. Назарбаев говорит мне: ведь мы вместе, все вместе будем выкарабкиваться. Но для того, чтобы это ощущение сохранилось, надо очень тщательно обдумать принципы и механизмы, которые будут способствовать сохранению существующих связей и формированию новых в процессе реформ, движения к рынку. Это очень важно. Ибо если люди почувствуют, что Содружество не только не спасает нас от развала, более того – ведет к еще большей дезинтеграции, мы получим опасную реакцию общества.

Моя позиция – остановить дезинтеграцию, не допустить развала, иначе все наши прогрессивные реформы рухнут, и это дискредитирует курс перемен».

«После Минска мы встретились с Ельциным, присутствовал Назарбаев. Я задавал вопросы, выслушивал его ответы. Это были мучительные минуты. Один из вопросов: у независимых государств будут свои войска? Ельцин сказал: “Да. Исключая стратегические войска”. Значит, после того, как в Алма-Ате подпишете соглашение, на Украине появится своя армия в количестве 470 тысяч? Больше на 100 тысяч человек, чем у объединенной Германии?

Украинцы могут сказать, что им такая армия не нужна. Но дело в том, что сухопутные войска – это часть Вооруженных Сил СССР, и они в соответствии с определенным замыслом размеща-

ются вдоль границы. России придется думать о своих сухопутных силах, о том, какими они будут и где будут дислоцироваться. Вот и подумайте: как делить войска, какие войсковые части и куда перевозить?

Сегодня в Киевском военном округе 80 процентов офицеров и генералов – русские. Мне это подтвердил командующий округом. Украинские власти захотят очистить армию от такого количества русских. Но это же будет безумие!»

«Руководители республик соберутся 21 декабря в Алма-Ате. Но возникает вопрос: что они будут подписывать? Я считаю, что нужно подписать документ, в котором признается необходимость создания Содружества на основе определенных принципов и в то же время необходимость создания механизмов обеспечения перехода».

«Я напомнил Ельцину, что он первым признал Балтийские государства, подписал с ними договоры, в которых есть положения о защите гражданских прав национальных меньшинств. А результат? Сейчас там принимаются законы о гражданстве, согласно которым возникает категория граждан второго сорта. И кто это? Русские. Вот что делают “демократы”.

Когда мы говорили с прибалтами, то отмечали, что у нас есть на их территории объекты стратегической обороны, космической связи, раннего предупреждения. Они утверждали: об этом договоримся. А что происходит сейчас? Сейчас кричат: “Русские, прочь отсюда!” А ведь заявляли, что будет процесс, который требует времени. Значит – нужна реальная политика?!»

Обо всем этом я спрашивал Ельцина, но ответов не получил. Позже, выступая перед прессой, он жаловался, что со стороны Горбачева подвергался прокурорскому допросу. Говорят, что Президент страны утратил чувство реальности. Но я ставил и ставлю эти вопросы, потому что в эти дни принимаются, может быть, самые главные решения и потому что все они важны для граждан всех республик.

Словом, я попытался представить госсекретарю США реальный процесс, происходящий в стране после Минской встречи, преследуя, естественно, определенную цель – способствовать формированию правильного понимания новой ситуации в стране у американской администрации.

**Настаиваю
на своем**

В этот же день, 13 декабря [опубликовано 16 декабря], я дал *интервью журналу «Тайм»*. И на этот раз в центре – тема государственности.

Обращаю внимание собеседников: мы двигались по пути реализации идеи нового Союза, пока референдум на Украине не создал новую ситуацию. Украина не в ущерб суверенитету и на его основе сможет найти собственное место в новом Союзе. Руководители республики подписали соглашение об экономическом сотрудничестве. Кравчук неоднократно заявлял, что ядерное оружие должно находиться под жестким контролем и единым командованием. Конечно, все республики, на территории которых размещено ядерное оружие, должны принимать определенное участие в осуществлении этого контроля, но никто не ставил под сомнение, что командование должно быть единым. Это два очень важных момента, и они позволяют нам заключить некий политический союз.

Меня все время беспокоила позиция Украины по отношению к Союзу. Прежде всего потому, что российское руководство использовало бы это как предлог для того, чтобы предложить другую концепцию реформирования СССР. Украинские руководители решили отделиться, и это огромная ошибка. Решение об отделении неубедительное и необоснованное. Они думают, что это путь к процветанию, а на самом деле обрекают народ республики на многие годы трудных поисков и испытаний.

Самое важное – чтобы мы не потеряли контроль над ситуацией. Именно поэтому нужна была встреча с руководителями Вооруженных Сил. Я сказал там, что в этот переходный период армия может быть уверенной, что вопросы создания нового оборонительного союза, контроля над стратегическими силами, формирования национальных армий будут решаться в конституционных рамках. Вооруженные Силы должны быть уверены, что о них позаботятся, что они не могут быть и не станут объектом политических манипуляций.

Вас волнует вопрос о контроле над «ядерной кнопкой». Пока могу гарантировать, что все будет нормально. Сегодня я беседовал с Ельциным, и он сказал мне: «Михаил Сергеевич, что касается меня, то с моей стороны не будет предпринято никаких действий, которые приведут к неразберихе в Вооруженных Силах».

Однако более насущной проблемой является следующая: Кравчук провозгласил себя главнокомандующим Вооруженными Силами, размещенными на территории Украины. Однако он не упоминал стратегические силы. Я связался с ним по своей секретной телефонной линии и сказал: «Вы знаете, что вы делаете? Вы подрываете весь процесс». Кравчук ответил мне: «Я заверяю вас, что в отношении стратегических сил ничего не изменится». Я посоветовал ему: «Вы должны публично объявить, что до подписания нового оборонительного союза никаких поспешных решений в отношении Вооруженных Сил приниматься не будет и что армия останется под единым командованием и под контролем Президента страны. Не вносите неразбериху в эти вопросы! На нас смотрит весь мир. Не пугайте людей!»

Мы с Кравчуком договорились, что все будет решаться на взаимной основе и поэтапно. Я только что направил к нему министра обороны Евгения Шапошникова для разработки процедур этого перехода.

Сейчас я задаю много вопросов своим коллегам.

У меня их было несколько и к Ельцину, когда он посетил меня в понедельник. «Мне неясно, какое содружество вы создаете, – сказал я. – Но и с политической, и с юридической точек зрения – это просто концепция, набросок, влекущий за собой самые разные сомнения и вопросы».

Тем не менее я попытался с самого начала ясно дать понять своим товарищам, что Минское соглашение имеет ряд позитивных аспектов. Но и указал на негативные стороны.

О позиции Вашингтона в этой ситуации я сказал следующее: «Президент Буш и госсекретарь Бейкер считают процесс, происходящий в нашей стране, нашим внутренним делом. Однако в последнее время, особенно накануне референдума на Украине, США предприняли шаги, которые, я считаю, не были достаточно хорошо продуманы. Некоторые здесь расценивают их как попытку стимулировать сепаратизм на Украине». Я сказал это президенту, когда мы разговаривали по телефону.

Хочу, чтобы все наши партнеры занимали сбалансированную позицию в отношениях с нами, особенно сейчас. Бейкер слишком поспешил, заявив: «Советского Союза больше не существует». Я не думаю, что это лояльно... В наших общих интересах, чтобы этот процесс завершился успешно, без каких-либо неожиданнос-

тей. Мы ведем дела друг с другом как партнеры, а не как гладиаторы, вышедшие на арену.

Вчера я направил послание парламентам России и Беларуси, проинформировав их, что они совершили ошибку, решив отозвать своих депутатов из Верховного Совета СССР. При этом было указано, что продолжать поступать подобным образом – это значит составить мнение, что вы делаете дела втайне и действуете в обход конституционных органов страны. Если это произойдет, остальной мир призадумается, с какими людьми он имеет дело. Кто будет уважать вас, если вы не уважаете собственную конституцию?

Мы ведем переговоры уже много дней. Взаимодействуя со своими коллегами, попытаюсь довести до их сведения свою позицию и помочь им прийти к соглашениям. Но я не хочу быть почетным гостем на банкете. Я вижу свою роль не в этом.

Отношения

с Б.Н. Ельциным

Во время беседы с Дж. Бейкером меня спросили, каковы мои отношения с Ельциным. В последнее время они складывались нормально. Мы разошлись в подходах к тому, каким быть Союзу. Я – за реформирование, но сохранение Союза как государства. Против того, чтобы его разрезать, как пирог, и съесть в виде закуски. Кто имеет право резать страну на куски? Процесс может выйти из-под контроля, и это похоронит все планы обновления общества.

Посмотрите, как вел себя Ельцин. Мы вместе руководили подготовкой Союзного договора и совместно с другими республиками направили проект на обсуждение в Верховные Советы. А в Минске Ельцин предлагает совсем другое. Он даже мне не позвонил. И в то же время он беседовал с Джорджем Бушем, хотя не было никакой необходимости вовлекать президента США в это. Это не только вопрос морали. Я не могу оправдать такой стиль поведения.

В беседе с Ельциным накануне Алма-Атинской встречи меня интересовало, как продвигается дело, какие документы готовятся. Мы беседовали около двух часов. Я задавал немало острых вопросов. По-доброму предупреждал Ельцина, что в обществе может сложиться мнение, что страну ломают через колено,

действуют, пренебрегая мнением законодательных органов, общественности, прессы. Хотите выглядеть решительными? Но сейчас не тот случай. Ведь речь идет... о мире огромном, о тысячелетней истории. Причем в момент, когда страна разворачивается лицом к другим государствам. Поэтому надо быть очень ответственными, помнить, что мы в ответе и перед будущими поколениями.

В обществе нет ощущения... люди еще не ощущают, что жили в одной стране, а теперь будут жить в десяти или в двенадцати государствах. Они были гражданами своих республик, но у них было и общее гражданство, союзное, которое открывало многие возможности, и теперь все это поставлено под вопрос.

Обратив внимание Ельцина на то, как отнесся украинский Верховный Совет к Минскому соглашению, какие коррективы внес, я напомнил, что еще в 85-м году договаривался с Рейганом о том, чтобы налаживать человеческие контакты, обмены между молодежью. И все это приобрело небывалые масштабы. А тут в собственной стране мы не сможем запросто ездить друг к другу. Самое страшное, если на человеческом уровне разорвем общество, сделаем наших людей иностранными гражданами по отношению друг к другу.

В конце беседы, ответив на вопрос о Ельцине, сказал: до тех пор пока он будет следовать курсом демократических преобразований и реформ, может рассчитывать на мою поддержку. Но если начнет меняться этот курс, тогда потребуется осмысление. Президент Ельцин заявил о своей приверженности курсу демократических преобразований.

**Хватит
переминаться
с ноги на ногу**

Журналисты из «Тайм» просили дать оценку значения помощи Запада для проведения реформ и высказать мои пожелания на этот счет. Вы должны содействовать реформам в Содружестве, и прежде всего в России, ответил я. Она нуждается в срочной помощи в виде твердой валюты для снабжения рынка потребительскими товарами и ускорения перехода к конвертируемости рубля. Она хочет двигаться к этому быстрее, но не может это сделать без стабилизационного фонда в несколько милли-

ардов долларов. Если вы оказали помощь Польше и Венгрии, то ее, безусловно, заслуживает и Россия. Перестаньте колебаться, или всем придется в конце концов заплатить более высокую цену.

Сейчас в обращении огромная масса денег, дисбаланс между предложением и спросом. Те, кто имеет деньги, могут позволить себе покупать дорогую колбасу. Те, у кого их нет, должны стоять в очереди за товарами, продаваемыми по контролируемым государством ценам. И необходимо установить на определенные товары фиксированные цены, которые были бы доступны менее состоятельным людям.

На очередной вопрос об опасности еще одного переворота я сказал: после своего поражения в августе реакционеры собирают силы и надеются использовать трудности страны. Кто воспользуется ситуацией? Это будут пытаться сделать консервативные элементы. Но они не смогут поднять армию на путч.

Если ситуация на рынке ухудшится еще больше, если предприятия будут закрываться, то это приведет к дальнейшему спаду и может заставить людей выйти на улицы с политическими требованиями. И тогда всякого рода авантюристы попытаются воспользоваться этой ситуацией в собственных целях. Вот откуда может исходить самая большая угроза. Поэтому важнейшей задачей является предотвращение этого. Делать это надо через реформы. И вашу помощь надо направить в районы, где напряженность наиболее велика: в Москву, Ленинград, на Урал.

В нынешнее переломное время очень многое зависит от политиков.

Жизнь вывела на первый план новых людей. Они еще только вступают в мир большой политики. Тут есть определенная опасность. Многие из них остаются популистами. Очень легко смотрят на вещи, действуют поспешно, шарахаются из одной крайности в другую, меняют позиции, нарушают договоренности. Все это недопустимо в государственной политике. И это не раздражение закоренелого политика. Общеизвестна способность Горбачева быть гибким, идти на компромиссы. Но есть граница, которую я не перейду.

**Накануне
Алма-Атинской
встречи**

Решив направить ее участникам свое обращение и готовя его, я каждый день по разным случаям стремился донести свои взгляды и аргументы до нашей, а также и международной общественности. Ибо то, что происходит у нас, затрагивает все мировое сообщество.

18 декабря я встретился с главным редактором «Комсомольской правды» Владиславом Фрониним и обозревателем газеты Дмитрием Муратовым. Разговор был, что называется, с размахом. Многие из него я приведу во второй части книги, а здесь – о главном вопросе, который меня занимал в те дни.

Понимаете, через всех нас идет горячий поток событий, обжигает все больше... Мы еще не вполне осознаем, ни вместе, ни по отдельности, что мы были одна страна, а теперь разделены. Ну жил человек, плохо ему стало, потерял точку опоры, плюнул на все, решил жить по-новому, уехать... на другой конец страны. А это теперь будет зависеть не от твоего решения, а от чьего-то разрешения... Скоро начнется тяжкий процесс – превращение границ административных в государственные. Это очень опасные пределы. Очень опасные повороты событий.

Я не скажу, что это государственный переворот... Союз трансформировался в Содружество... Союз имел свои структуры, а Содружество будет иметь свои механизмы функционирования. Тут ничего неестественного, сверхъестественного нет. Раз на смену одной системе приходит другая, то она имеет свои особенности, свои законы развития и существования. Тут все объяснимо. Но вот как переходить к этому? Откровенно скажу, я все время осаживаю моих коллег, чтобы они не выпрыгивали за пределы Конституции, за пределы правового подхода. Это очень важно. Ибо у людей появилось даже ощущение, что произошел своеобразный переворот, только без танков. И я Борису Николаевичу (17 декабря) порекомендовал: если вы настоящие демократы, если вы за реформы, если вы идете к правовому государству, то вы должны все делать, исходя из демократических ценностей и на основе демократических правил.

Сейчас вырисовывается облик Содружества, идет подготовительная работа к новым структурам. Я не хочу затруднить про-

песс, раз уж такой выбор республик, буду до конца последовательным. Это всех нас дело. Кстати, и тех поколений, которые были до нас.

Собеседники мне говорят: происходит масса событий, меняется жизнь, и меняется, как нам кажется, Ваша точка зрения. Ваша позиция уже стала лояльнее, мягче...

– Нет, не совсем точно, – ответил им. – Но как политик, а всякий политик может считаться политиком, если он видит реальности и воспринимает их, я буду *уважать* этот процесс. При этом моя позиция не изменилась. Я – за конфедеративное государство. Но буду использовать свои возможности, как-то помогать, чтобы из этого процесса что-то родилось живое, а не выкидыш какой-то очередной. Нужно, чтобы появилось жизнеспособное образование.

– Вы сами ощущаете себя оппозиционным политиком или нет? – спросили меня.

– Нет. Хотя в концепцию Содружества не верю. Но, раз на это пошли республики, я не могу, не считаю возможным в нынешней сложнейшей ситуации противостоять до такой степени, чтобы расколоть общество.

Знаете, я все-таки не раздваиваюсь. Есть интересы, которым я подчиняюсь и как политик, и как человек. Если создание Содружества поможет согласию людей, надо смирить свою гордыню.

Я не хочу никого запугивать. Но об опасностях я должен сказать? Именно об опасностях. Я думаю, что самые большие опасности связаны с двумя моментами. С расчленением страны. С выяснением вопросов гражданства.

– Последний вопрос «Комсомолки»: Вы уже говорили со многими политиками мира. Как Вы их ориентировали?

– Однозначно: надо помочь реформам. Через Содружество – так через Содружество. Лишь бы содействовать демократии и реформам... Я чувствовал – они по-прежнему к нам с уважением и интересом относятся. Это плоды нашей политики.

В тот же день, 18 декабря, у меня была большая беседа в рамках проекта передачи под названием «Уход», организованной *нашим телевидением и американской телекомпанией Эй-би-си*. Участвовали оба Яковлевых – Александр Николаевич и Егор Владимирович, Андрей Грачев и менеджер компании

Ричард Каплан. Он начал с того, что поинтересовался, чем наполнен мой рабочий день. Я сказал: завершаю работу над письмом коллегам, которые соберутся в Алма-Ате. Хочу высказать ряд пожеланий и соображений, исходя из позиции, которую сейчас занял, а именно: если соглашение о Содружестве – реальность и процесс выходит уже на алма-атинскую стадию, то задача всех, и в том числе моя как Президента, насколько возможно помочь формулированию такого соглашения, которое будет содействовать жизнеспособности нового образования – Содружества Независимых Государств.

Для меня как политика и Президента нет выше приоритета, чем условия жизни и сама жизнь людей. И если сегодня они связывают надежды с Содружеством, считают, что соглашение о Содружестве будет укреплять согласие, взаимодействие, то надо помочь, чтобы эти ожидания, насколько возможно, оправдались.

Ведь процесс пошел. Верховные Советы высказываются «за». Надо с этим считаться, таковы законы политики.

Что еще было в этот день? Беседа с редактором «Комсомольской правды» и телевидением. Потом попросились ко мне народные депутаты. Хотят прийти вместе с руководителем инициативной группы по проведению Съезда народных депутатов. Собрали необходимое количество подписей и говорят: направляем их Вам, Президенту. Я тоже за то, чтобы провести заключительную сессию Верховного Совета, которому Съезд народных депутатов в начале сентября передал все свои конституционные права. Нельзя сбрасывать со счетов, что был референдум, проведенный по решению Съезда. Это нравственный вопрос. Но и юридический, вопрос ответственности. Это проявление уважения к законности. Я должен напомнить обществу о его возможностях и правах. Это мой долг. И когда беседовал с Президентом Ельциным, тоже советовал ему воспользоваться этой возможностью, получить юридический, правовой акт, где было бы зафиксировано все, что сделано по формированию Содружества.

Вы спрашиваете: а не примириться ли с тем, что происходит, может быть, потом все вернется к тому, что нужно общее государство? Руководители республик высказывают примерно такие же соображения – мол, через этап дифференциации, дезинтеграции суверенные государства потом добровольно придут к новому общему государству... Но пока дорога «может привести и в ад».

Год этот самый трудный... Все надо сделать, чтобы не оказаться в ситуации, когда людям останется единственное – выступить и заявить о своем недовольстве. Это может произойти. И это будет откат. Вот почему я пекусь об успехе Содружества.

Эту мысль я довожу и до своих партнеров на Западе. Они сейчас должны быть очень внимательными. Когда искали выход из Персидского кризиса, мобилизовали все – и политическую волю, и ресурсы. А кризис нашей страны гораздо опаснее для всех. И чтобы его преодолеть, от всего мира требуется сопричастность, сотрудничество.

Итак, год трудный, год больших перемен, принятия важнейших решений. И поэтому особенно нужна согласованная политика всех республик. Потому и отстаивал я идею Союза. Но не получилось. Теперь хочу, чтобы максимально жизнеспособным было Содружество. Если не заработают механизмы взаимодействия, то процесс станет еще более болезненным. Уверен: те, кто соберется в Алма-Ате двадцать первого декабря, представляют все это себе не хуже меня.

А что касается отношений с внешним миром – не будем полемизировать, что упустили мы, что – наши партнеры. Важно – на что мы рассчитываем сейчас. Я за то, чтобы сейчас наши партнеры – и Соединенные Штаты, и европейцы – преодолели колебания и пошли решительно на оказание реальной поддержки.

Пока что много встреч, заседаний, совещаний, открытых, закрытых, все всё вроде понимают, сочувствуют. Но дело идет медленно. Мы надеемся, что наши партнеры поняли наконец срочность помощи. И в первую очередь надо поддержать Россию, которая выполняет роль локомотива реформ. Это обернется общим выигрышем.

А останусь ли я Президентом? Это будет зависеть от процесса формирования Содружества. Как только он войдет в решающую фазу и появятся документы, которые будут означать, что Советский Союз завершает свою историю и мы стоим перед началом новой эпохи, тогда я приму окончательное решение.

Когда это будет – после 21-го, после Алма-Атинской встречи? Возможно. После Нового года? Возможно. Но я должен быть твердо уверен, что процесс завершился.

Я не могу себя вести так, будто вот вдруг меня обидело что-то. Это несерьезно для Президента, тем более когда вся страна в поиске. И ее судьбу, ее выбор мы должны ставить выше всего.

Впрочем, одни хотят, чтобы я вообще не уходил, другие, наоборот, хотели бы, чтобы я давно ушел. Это все проявление демократии, которая возникла, скажу, не без моего участия.

**Письмо
участникам
встречи
в Алма-Ате**

18 декабря я разослал письмо всем участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств. Опубликовано оно было 20 декабря [датировано 19 декабря].

«Уважаемые товарищи!

Перед встречей, которая определит, каковы будут отношения между новыми суверенными государствами и какое место они вместе и раздельно займут в мировом сообществе, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями.

Полагаю, у меня есть на это право – и моральное, и политическое.

Ратификация соглашения о создании Содружества Независимых Государств Верховными Советами РСФСР, Украины, Беларуси и готовность Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана войти в состав учредителей Содружества коренным образом изменили ситуацию. Государственная форма жизни многочисленных народов великой страны начинает свою новую историю. На ее территории образуются несколько независимых государств. На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс ее разъединения, расчленения. И он также не будет легким. Тут не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что общество еще не осознало, что это – поворот колоссального масштаба, затрагивающий основы жизни народов и граждан.

С самого начала перестройки мы шаг за шагом шли к тому, чтобы все республики обрели подлинную независимость. Но я все время настаивал на том, что нельзя допустить распада страны. Таково было и есть мое понимание воли народов, выражен-

ной на референдуме как их стремление к независимости при сохранении целостности исторического союза. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе Суверенных Государств», которая первоначально встретила вашу поддержку.

Пишу вам не для того, чтобы возвращаться к дискуссии на эту тему. Сейчас реальностью становится идея Содружества Независимых Государств. И важно, жизненно важно, чтобы этот сложный процесс не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь для всех очевидно, что переход будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня.

Со всей серьезностью я отнесся к тому, что содержится в документах, принятых в Бресте и Ашхабаде, в ратификационных постановлениях Верховных Советов трех республик. Обдумывая свои соображения, я учитывал и общественную реакцию внутри и вне страны, вопросы, которые остались открытыми.

Смысл соображений в том, чтобы очертить минимум положений, без которых Содружество в современных условиях, как мне представляется, не сможет стать жизнеспособным.

Среди них, оговорюсь сразу, есть вещи очевидные, которые все вы признаете. Но я тоже не могу их не зафиксировать в своем послании.

Первое. Должно быть четко зафиксировано понимание содружества как многонационального образования при абсолютном равенстве не только самих государств, но и живущих в них национальностей, всех религий, традиций, обычаев, геополитического местонахождения.

Наиболее подходящим названием поэтому для содружества мне представляется: «Содружество европейских и азиатских государств» (СЕАГ).

Второе. Мало просто официально признать Декларацию прав человека и демократических свобод. При уникальной расселенности людей на огромных пространствах, где на протяжении веков перемешивались и пересекались судьбы миллионов семей, где десятки миллионов смешанных браков, проблема открытости границ и гражданства должна быть проработана особенно тщательно.

Уверен, что у всех, кто не заражен национализмом и сепаратизмом, а это сотни миллионов, неизбежно возникнет чувство утраты «большой Родины». А когда практически начнется процесс государственного, административного и прочего размежевания, определения условий гражданства, это затронет очень многих самым непосредственным образом – в быту, на производстве, в человеческих связях.

Поэтому, возможно, на какой-то довольно длительный период придется согласиться с нормой – «гражданин Содружества» наряду с гражданством в соответствующем государстве.

Боюсь, что, если это все не будет обдумано, решено и надежно гарантировано, концепция Содружества будет отвергнута на народном уровне.

Третье. Для стабильности Содружества решающее значение имеет создание социально ориентированной рыночной экономики, беспрепятственное развитие и защита всех форм собственности. Я разделяю мнение тех, кто считает необходимым подтвердить решимость участников Содружества соблюдать Договор об экономическом сообществе и завершить работу над комплексом приложений, предусматривающих необходимые условия создания общего «евразийского рынка». В том числе – согласованные меры по таким важным вопросам, как валютно-финансовая и банковская система, методика ценообразования и налогообложения, таможенные сборы, бюджетные ассигнования на оборону и другие общие цели.

Я убежден: потребуются соответствующие структуры экономического взаимодействия в рамках Содружества.

Убежден и в другом: все это станет возможным, заработает на благо людей и народов только в условиях действительных гарантий экономических прав и свобод личности, их безусловной защиты в законе и на практике.

Четвертое. С полной ответственностью и знанием дела относительно целостной системы военно-стратегической безопасности страны могу сказать, что малейшие попытки дезинтегрировать эту систему чреваты бедой международного масштаба.

С точки зрения утверждения реального суверенитета членов Содружества, делить эту сложнейшую и крайне дорогостоящую систему нет никакой необходимости. Договаривающиеся стороны могли бы *определить безотлагательно* структуры единого конт-

роля и главнокомандования стратегическими силами, включая все основные военно-технические и научно-оборонные компоненты. Коллективное командование – это абсурд. Коллективным может быть контроль за состоянием и содержанием Вооруженных Сил, за проведением согласованной военной политики.

Совместного решения требует и проблема реформирования и сокращения армии. Это теперь – крупнейшая *социальная* проблема. Одновременно это проблема политической безопасности на территории всей страны, которой пока принадлежат испокон века единые Вооруженные Силы.

Пятое. Самостоятельная, суверенная деятельность каждого члена Содружества на мировой арене правомерна. Но если есть Содружество, а это политическое образование, то должно быть и его политическое представительство в мировом сообществе. По типу, скажем, Европейского сообщества, которое является *субъектом международного права*. Отказывать в таком статусе Содружеству нельзя еще и потому, что от СССР оно унаследует статус ядерной сверхдержавы. От такого наследства так просто не избавиться. Иначе произойдет срыв международного доверия, будет нарушен Договор о нераспространении ядерного оружия, который все суверенные члены Содружества вроде бы обязались подтвердить.

Я не представляю себе, как можно сохранить общую стратегическую оборону без минимума общей внешней политики.

Самое разумное было бы иметь структуру по делам внешних сношений, приспособив ее к нуждам и принципам Содружества, включая и вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН.

Подписи Союза стоят под важнейшими документами эпохи – декларациями и договорами. Остаются действующими 15 000 внешнеэкономических соглашений. Просто это все перечеркнуть – значило бы с первых шагов нанести ущерб международному престижу Содружества и его реальным интересам.

Так же, как все члены Содружества, очевидно, подтвердят свою приверженность принципам современной демократии (свободные выборы, разделение властей, политический, идейный, религиозный плюрализм, правовое государство, гражданское общество, права человека), они должны воспринять и внешнеполитический курс, построенный на новом мышлении. Он получил признание во всем цивилизованном мире.

Шестое. Будет нанесен невосполнимый урон духовному развитию всех народов, если уже сейчас члены Содружества не договорятся о координации (и о ее органах) в области науки и культуры, языка межнационального общения, охраны памятников, об источниках содержания музеев, мирового класса театров, библиотек, архивов, крупнейших институтов, лабораторий, обсерваторий и т.п.

Седьмое. О процедуре правопреемства. Начинать новую эпоху в истории страны надо с достоинством, с соблюдением норм легитимности. Одной из причин исторических несчастий наших народов являются как раз грубые разрывы, разрушительные перевороты, захватные методы в ходе общественного развития.

И есть предпосылки, есть и опыт, чтобы действовать в рамках демократических правил.

Поэтому я предложил бы после ратификации документа о Содружестве и обмена ратификационными грамотами провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы свое постановление о прекращении существования Советского Союза и передаче всех его законных прав и обязательств Содружеству европейских и азиатских государств.

Таковы мои самые общие соображения. Они продиктованы ответственностью за конечный успех великого дела, начатого в 1985 году».

**Продолжаю
отстаивать
свои взгляды**

В тот же день, когда было опубликовано это обращение, то есть **20 декабря**, у меня был большой разговор, что называется, «о жизни» с моим старым приятелем, когда-то однокашником, писателем Игорем Беляевым.

О многом говорили, и прежде всего для того момента о самом главном – о судьбе Союза. Нам нужно на переломе истории, сказал я, пройти его без крови, без того, чтобы опять – «красные», «белые», «синие», «черные». Чтобы было согласие... Надо думать о высших интересах страны. Тут не место политическим амбициям. В этом смысле все мы сейчас в одинаковом положении.

Общество беременно взрывом. И если, не дай Бог, мы окажемся в состоянии сумасшествия, политической паранойи и вновь

начнем выяснять отношения, когда людям уже неважно, то получим очень тяжелые последствия. Говорю не для того, чтобы напугать, а чтобы предупредить такое развитие событий. Надо умерить свою гордость, оставить претензии и – раз мы уже подошли к реформам вплотную – объединиться ради дела.

Мое письмо участникам встречи в Алма-Ате. Примут ли без предвзятости?

В письме я не ставил вопросы в полемическом плане. Я рассуждал. Мои рассуждения во многом перекликаются с тем, что они сейчас обсуждают. Есть вещи поважнее наших личных настроений, симпатий и антипатий.

Беляев так же, как до него американский собеседник, попросил рассказать, как прошел у меня день, чем я занимался.

У меня сейчас две срочные заботы, сказал я. Пришло очень тревожное письмо от Лужкова. В Москве тяжелейшая ситуация с мясопродуктами. 350 магазинов не торгуют. Есть ряд согласованных решений, что-то удалось сделать, чем-то помогли, но не получается то, что намечали. Нет поставок прежде всего из самой России – Краснодар, Воронеж, Курск, Белгород. Я попросил срочно назвать республики и области, у которых особенно большая задолженность москвичам. Переговорю с руководителями областей, надо москвичей выручать.

Может быть, выйду на моих зарубежных партнеров – Г. Коля, В. Гавела. Попрошу срочно что-то сделать.

Накануне вечером, т.е. *19 декабря, позвонил канцлер Коль*: введи меня в курс дела – что там у вас происходит, что завтра будет, какие последние оценки ситуации накануне встречи в Алма-Ате, куда идет процесс, какое твое место в этом будущем Содружестве, уверен ли ты, что оно состоится, как ты вообще смотришь на все это?

Обо всем этом Гельмут Коль спросил с не свойственным для него волнением, даже тревогой.

Первое, что я сказал, – отказ от Договора о Союзе Суверенных Государств как конфедеративного, союзного государства – серьезная политическая ошибка стратегического порядка. Исторически страна так сложилась, что надо идти не по пути разъединения, расчленения и разрывов, а по пути перераспределения полномочий. И не только между республиками, но и внутри

республик, между регионами – на основе самоуправления. И дать всем этим «иерархиям» возможности и права, а значит возложить на них и ответственность. В конкретном городе, в конкретном районе те, кто несет ответственность, кто избран демократически, должны иметь реальные возможности принимать решения, люди-то живут там... А что происходит: как только на смену одному бюрократическому Центру пришли бюрократические центры в республиках, процесс реформ приостановился. От того, что мы получаем 10 или 12 бюрократических центров, производителю не стало легче. Стало даже хуже, потому что рука местного бюрократа на горле – это потяжелее и чувствительнее, чем рука далекого Центра. Оттуда труднее достать. И новые центры начинают командовать: с кем держать связи, куда везти продукцию – в эту сторону можно, а туда нельзя, создают барьеры, причем командуют в самом худшем стиле. А ведь мы идем к рынку. А рынок – это собственник, имеющий право распоряжаться своей собственностью, распоряжаться конечным продуктом, выбирать, что ему делать, на какие выходить контакты с другими производителями, действовать по ситуации в условиях конкуренции, установить выгодные взаимоотношения.

Все это я сказал Колю. Хотя и отчетливо понимал, что для него это азбучные истины. Последовал вопрос: «Какая твоя позиция в отношении встречи в Алма-Ате?» Моя позиция остается той же, ответил я. Но страна в таком положении, что нельзя терять времени. Раз процесс пошел в другом направлении, надо быстрее пройти организационную стадию. Я обратился с письмом к участникам встречи в Алма-Ате, высказал свои соображения и свои опасения...

Если эта встреча завершится созданием Содружества, я сделаю то, о чем не раз говорил. Вне Союза я не вижу необходимости и возможности продолжать свою государственную деятельность, это не отвечает моим представлениям.

Я понимал беспокойство канцлера Германии. Ведь он имел дело с огромной страной, мощным Союзом – международной величиной, на которой сегодня многое держится. И потерять ее – большая опасность. Каждый большой политик за рубежом это понимал.

Я не могу отступить от своих принципиальных позиций, сказал в заключение Гельмуту Колю. А сейчас пока делаю то, что

обязан делать, ибо я связан со страной, с народом, с политикой, с курсом, который ты знаешь и на который ориентировался в своей германской политике.

Первым из иностранных государственных деятелей, с кем я разговаривал после Алма-Атинской встречи, был *Франсуа Миттеран*. Это было 21 декабря. С первых же слов – доброжелательных и дружеских, как всегда, – я ощутил, что он понимает, что произошло. Его прежде всего интересовало мое душевное состояние и мои намерения.

Я поблагодарил его за внимание, которое он уделял мне всегда лично, за его отношение к нашей стране, за сотрудничество и, конечно, выразил свои ответные чувства. Кратко проинформировал его о решении, принятом в Алма-Ате. Подтвердил, что я намерен считаться с реальностями и буду делать все, чтобы Содружество обрело нормальный ритм развития, подчеркнул свою заинтересованность в том, чтобы новое межгосударственное объединение стало жизнеспособным.

Вновь выразил беспокойство по поводу того, что не вижу в решениях руководителей суверенных государств четких представлений о механизмах взаимодействия. Не определены и формы преемственности в отношении бывшего Союза. Выразил беспокойство по поводу позиции Украины – в том виде, как сейчас, она может очень серьезно затруднить продвижение реформ и в России.

Говорил Франсуа Миттерану и о том, что я очень хотел бы, чтобы Россия и Украина действовали вместе. Выйти из кризиса поодиночке – иллюзия. Поделился с французским президентом и своими тревогами по поводу того, что если недовольство населения приобретет массовый характер, то все реформы и все попытки двигаться к новой экономике окажутся под ударом. И это был бы удар для всех – не только для наших народов.

Сообщил также Миттерану о том, что в ближайшие дни объявлю о своем решении оставить пост Президента. Сказал ему, что буду искать новые формы деятельности, для того чтобы продолжить огромное дело, которое мы начали, в том числе и в сотрудничестве с Францией, с ее президентом лично. Накоплен огромный политический капитал.

В этот же день я дал интервью корреспонденту американской телекомпании Эй-би-си Теду Коттолу.

Разговор по существу начался со знаменитого ответа Черчилля на вопрос: чем отличается политик от государственного деятеля? Черчилль сказал: политик думает об очередных выборах, а государственный деятель – о будущем. Так вот, думая о будущем в контексте того, что происходит, полагаю, что нас ждет процесс очень сложный. Он несет в себе столько сюрпризов! Но важно не потерять направление. Роли будут меняться. Перегруппировка сил будет происходить. Единственное, что я считал бы недопустимым, опасным – это расчленение, разъединение, взаимоотчуждение.

Здесь главные два момента, которые я сформулировал в результате долгих раздумий.

Во-первых, ближайшие задачи очень серьезные, а общество уже перенапряжено проблемами. И его нельзя еще перегружать новыми, связанными с разъединением, расчленением. Общество может не выдержать. Наоборот, сейчас, как никогда, нужно взаимодействие, согласование. Только вместе можно выбраться. Легче будет и сотрудничать с партнерами за рубежом, а не только внутри страны. Поэтому нужен Союз. Я за него выступал и выступаю.

Во-вторых, надо отдавать себе отчет в той реальности, какой является именно эта страна. Это же не просто взяли стул или стол, сколотили за смену или за час-два: заготовки есть, гвозди и молоток есть, сбили – и все. Нет. Десять веков шло очень сложное развитие. Очень трудно шло. Сформировался массив человеческий, политический, стратегический. Все это очень серьезно. И в разъединении такого массива – самая большая опасность и для нашей страны, и для всех других.

Исходя из обеих этих посылок, первой и второй, я оставил в стороне все, «отложил» в сторону свои убеждения и поддержал выход на Содружество, чтобы была хоть какая-то степень взаимодействия. Не знаю, как пойдет, хочу, чтобы были позитивные результаты, иначе это опасно для всего того, что мы делали и здесь, и вовне, в том числе вместе с вами и со всеми народами.

И естественно, раз речь не идет уже о союзном государстве, то наступает момент, когда я должен принять решение о себе.

Я об этом уже не раз говорил и именно так буду действовать. Поэтому, как только буду иметь на руках документы из Алма-Аты, в течение короткого времени я это сделаю.

Тем не менее вижу необходимость в новых формах продолжать свою общественную и политическую деятельность, чтобы помогать начавшемуся процессу. Это превыше всего. Очень не хотел бы, чтобы все это захлебнулось. Тогда бессмысленно все, что за эти годы было сделано... на такой риск пошли, на такие крупнейшие решения!..

Корреспондент спросил, смог бы я удержать власть, если бы захотел?

– Видите ли, – отвечал я, – есть такая порода людей, которые меняют свои взгляды, позиции для того, чтобы остаться на плаву. И уж тем более власть удержать. Для меня это неприемлемо. Перед Вами человек, все-таки расположенный к движению мысли, к реформам, к переменам и встречным движениям, к компромиссам. Тем не менее это всегда в рамках моего выбора, в рамках принципов, а не просто – без руля и ветрил.

Так вот – насчет того, смог бы я удержаться у власти или нет...

Если бы для меня было безразлично, что происходит, и главным было бы находиться «в структурах», то, наверное, вопрос не представлял бы большой сложности. Но речь идет о гораздо большем. Тем не менее не намереваюсь держаться за власть. Считаю, что все должно происходить в конституционных, демократических рамках. Для меня это вопрос высшего принципа. Поэтому я все делал, чтобы было именно так, хотя процесс все время вырывался из этих рамок. В прессе уже пошел гулять термин: по аналогии с августовским путчем заговорили о «пушинском перевороте», имея в виду Беловежскую Пушу.

С такой оценкой согласиться не могу. Хотя у меня с самого начала были замечания и по правовой стороне дела, и относительно неконституционности некоторых решений. Я это высказал в своем заявлении после Минска, в том числе и по поводу того, что сделано там все от имени только трех республик. Но тогда я занял позицию – поддержать процесс, поскольку есть настрой на Содружество.

Дело ведь не во власти, а в существе того, что происходит здесь, в стране. И раз договорный процесс перешел в другую колею и получил поддержку республик, с этим надо считаться.

Корреспондент напомнил о судьбе Уинстона Черчилля, который сыграл огромную роль во время войны с фашизмом, и ему нация была многим обязана, но на первых же парламентских выборах в 45-м году ему пришлось уйти. Я сейчас вот смотрю Вам в глаза, сказал он, а ему мы тогда в глаза посмотреть не могли... Что у Вас происходит в душе?

Ответил так: беспокойство за страну. Боюсь, как бы не сорвался процесс преобразований, а это может случиться, если окажется нежизнеспособным Содружество. Не могу этого скрывать и не скрываю, постарался довести свою позицию до моих коллег, руководителей республик, до всей страны и мировой общественности. Пока же думаю: поскольку процесс идет открыто и опирается на мнение представительных органов, мой долг – помочь сохранить курс преобразований. В общем-то, ведь в основе своей идет демократический процесс...

День *21 декабря* был у меня предельно насыщенным... Да и все вокруг, пресса и коллеги, интересовались моей реакцией на встречу в Алма-Ате. В этот день, наряду с другими беседами, я имел большой разговор с *корреспондентом «Московской правды» Эриком Котляром*.

Тема все та же – судьба страны на крутом повороте ее истории.

Мои размышления все больше приводят к мысли, что политическая борьба наложила негативный отпечаток на процесс суверенизации союзных республик. И он приобретал все более острые формы в связи со своеобразной позицией Российской Федерации, высшие органы власти которой во главу угла поставили не столько реформирование Союза, сколько разрушение центра любой ценой. Это оказало решающее воздействие и на позицию других республик. Ситуацией воспользовались сепаратисты. Об этом сейчас не любят вспоминать... Но именно с этого момента начала нарастать война законов, разрушившая функционирование органов власти, повлекшая развал финансов, экономики.

– Когда у нас пошли процессы суверенизации, – говорил я Котляру, – мы сразу стали заниматься выяснением – чей закон старше в иерархии власти: центра или республик. Начались нарушения исполнительных функций, которые быстро вызвали

паралич власти и развал экономики. Я чувствовал – мы движемся к катастрофе. Любое решение центра встречало со стороны республик возражения: не вмешивайтесь, вы нарушаете суверенитет. Конечно, было ясно: старые структуры власти себя изжили. Они требовали коренного обновления – нового законодательства, новых государственных институтов, определения в другой системе взаимодействия мест центра и республик, новых экономических связей на принципиально иной основе. Да, страна должна была стать другой. Но во всех случаях она может выжить, только будучи единой, – в ее рамках вполне могли бы существовать независимые государства с общим координирующим центром. Так я понимаю гарантию от возможных опасностей.

Но вот теперь пошли иные процессы. Возникло Содружество Независимых Государств без общего центра. Каким же оно может стать? Из Минского соглашения это понять трудно. Оно скорее схематично и концептуально. Но этого мало для обеспечения жизненного взаимодействия всех равноправных членов Содружества. Нужны общие институты, способные осуществить государственные принципы, нужна конституционная преемственность от бывшего Союза. Иначе не заработает экономический механизм. Да и не только это. Много непредвиденного может произойти, если не проработать в деталях все сложные аспекты новых взаимоотношений между членами Содружества.

...Я считаю, что мы можем оказаться перед лицом многих «карабахов». И опять-таки все будет зависеть от того, какие конституционные нормы станут действовать в странах Содружества.

...Выбираться из сложившегося кризиса, набирать темп в экономике можно только общими усилиями. Попытки насиловать единую экономическую систему, к сожалению, уже имеют место, и что мы получаем в результате – спад производства, остановка предприятий, массовые увольнения. Нет, это обреченный путь. Даже такие могучие республики, как Россия или Украина, если бы самонадеянно, уповав на свое богатство, попытались освободиться от других регионов, они навлекли бы на уже существующие дезинтеграционные процессы еще дополнительные тяготы и привели бы к окончательному развалу свое народное хозяйство.

Все, что говорит Ельцин о направленности реформ, совпадает с моими представлениями.

Еще на партийных съездах я настойчиво доказывал: дорога к рынку единственно правильная для общества. И это нашло (не без борьбы) отражение в документах XXVIII съезда. Движение к рынку не вызывает сомнений теперь даже у самых консервативных представителей разных течений. И Б.Н. Ельцин, и я одинаково понимаем выгоду рыночных отношений, когда человек себя чувствует самостоятельным хозяином и в процессе производства, и в распоряжении продуктами собственного труда, и в конкуренции за право лучше производить и больше зарабатывать. Что касается темпов и методов преобразования нашей экономики в рыночную и последовательности этапов перехода к частному способу производства – тут у меня свое мнение.

Россия – локомотив реформ, который действительно должен привести в действие всю хозяйственную цепочку республиканских экономик. Но добиться успехов можно только всем сообща. Одной России, как бы ни был велик ее потенциал, не справиться с решением задачи. Кроме того, рынок – это же не самоцель. Он должен работать на благо человека. Для этого нужна целая система мер, и главная среди них – стимулирование производителя. Не будет производитель заинтересован в своем деле – не появится и товар. Какой же тут рынок? Вы представьте, что произойдет при отпускаемых ценах в условиях падающего производства! Цены подпрыгнут до самого неба.

Люди, зная о грядущем росте цен, должны четко представлять те защитные механизмы, которые общество им гарантирует. Если речь идет, скажем, о работающем в сфере производства, дайте ему возможность зарабатывать столько, сколько необходимо для жизни в новых условиях. Для тех, кто зависит от бюджета государства – учителей, врачей, студентов, пенсионеров, других категорий граждан, – необходимы заблаговременные меры, чтобы они могли спокойно воспринять меняющийся уровень цен. Иначе люди могут оказаться просто беззащитными перед ростом дороговизны.

И наконец, надо срочно принимать антимонопольный закон. Ведь особенность нашей экономики именно в том, что два-три каких-нибудь предприятия способны диктовать свои условия всей стране, игнорируя интересы простого человека. В разговоре с Борисом Николаевичем я акцентировал его внимание на этой последовательности шагов движения к рынку.

Котляр спросил, как я отношусь к тому, что многие не считают необходимым придерживаться исторической справедливости «в отношении Горбачева».

– Сейчас не то время, – ответил я, – когда надо мобилизовать прессу на мою защиту. Я не упрекаю людей – они тут ни при чем. Тяжелая жизнь, нехватка продовольствия, угроза безработицы, бесконечные очереди – все это вызывает озлобление, и отсюда в адрес Горбачева и тех, кто рядом с ним, направлены нелестные слова. Я уверен, люди понимают, что страна выбрала правильный путь, хотя он и изобилует большими трудностями. Хуже было бы, если бы ничего не предпринималось, вот когда мог произойти социальный взрыв! Сейчас не надо никого винить – людям надо просто понять: впереди тяжелые зима и лето, дальше придет облегчение и тогда станет ясно, ради чего все эти жертвы.

Если осуществится соглашение о Содружестве Независимых Государств, то тогда отставка станет реальной. Но это не означает, что я оставляю политику. У меня большой интерес к тому, чтобы начатые мною процессы завершились успешно... Буду всячески этому содействовать. Если же они приобретут другой характер – и мои действия будут адекватными.

Сказал я корреспонденту «Московской правды», что переживаю за тяжелое положение москвичей. Мало болеть душой, надо еще и предпринимать что-то. Поэтому, зная, что многое осложнилось в последние дни, я прилагаю все силы и использую свои возможности для исправления положения. Москва заслуживает того, чтобы с ней считались. Раньше на союзном уровне, теперь на уровне России и лично ее Президента Москва должна ощущать постоянную заботу.

Ну а что касается вопросов, которые ставит московское руководство, думаю, они правы: Москве нужно больше самостоятельности, чтобы она могла действовать, свободно распорядиться собственным потенциалом. Сейчас Москва ограничена в возможности реализации своих прав. Я уже не говорю о других областях и городах – те просто пасынки. В Иркутске мне говорили: мы хотим и готовы взять на себя ответственность за реформы, но нам для этого необходимы властные права. Республика должна ими поделиться.

23 декабря в 6 часов вечера во время моей беседы с Ельциным мне позвонил премьер-министр Великобритании Джон Мейджор. У нас сложились очень хорошие отношения – близкие в человеческом плане, а в политическом – доверие и взаимопонимание. Он очень энергично взялся за свои обязанности координатора «семерки» после летней встречи семи государств в Лондоне и много сделал для налаживания помощи и содействия нашей стране. Мы, начал он разговор, с напряжением и интересом следим за бурным развитием событий в вашей стране, думаем о Вас. Я сказал ему:

– Да, события в нашей стране – даже при самом оптимистическом взгляде – нельзя не назвать трудными. Что для меня сейчас самое главное? Я думаю так: пусть не Союз, но нельзя допустить, чтобы все, что происходит сейчас в стране, привело к большим потерям для нас здесь и для вас.

Считал и продолжаю считать, что наилучшим вариантом было бы союзное государство, обеспечивающее более тесное сотрудничество, взаимодействие. Но есть реальный процесс, есть позиция республик. И сейчас я думаю о том, какой должна быть моя роль, чтобы она была адекватной тому, что реально происходит. В конечном счете это самое главное. Очень важно сейчас, чтобы это происходило в рамках политического процесса, конституционных норм, согласия.

Да, я остаюсь приверженным своей позиции. Но вижу происходящий процесс как он есть. Пока что не вижу опасности, что дело пойдет, как в Югославии. Для меня это самое главное. Надеюсь, и для тебя, Джон. Остальное в конечном счете жизнь расставит по местам.

Сегодня с 12 часов, то есть уже шесть часов подряд, у меня идет разговор с Ельциным. Мы исходим из понимания нашей общей ответственности перед страной, перед миром, чтобы все начатое в последние годы было продолжено. Я постараюсь, несмотря на различия в подходах, чтобы Содружество жило. Очень велика опасность, что оно не будет жизнеспособным.

Хочу помочь Ельцину. У него сейчас непростая роль. Я сказал ему: до тех пор пока будут продолжаться демократические преобразования, реформы, я буду оказывать поддержку и защищать от нападок.

Хочу, чтобы Содружество выдержало испытание временем. Потому что, может быть, больше, чем кто-либо, в этом заинтересован. Подчеркиваю, что оно должно базироваться на соответствующих принципах и институтах.

У меня просьба: будьте очень внимательны к тому, что у нас происходит. И надо помочь Содруеству, прежде всего – России. Это сейчас – главное. Отбросить все рутинные подходы, поддерживать усилия, направленные на реформы.

Ты сейчас завершаешь выполнение функций координатора «семерки». Ты много сделал. Очень многое изменилось, особенно после лондонской встречи. Это произошло и благодаря тебе. И пусть это будет продолжено.

Спасибо тебе за дружбу. От меня и от Раисы Максимовны самый сердечный и теплый привет Норме.

Я буду продолжать играть роль в том, чтобы тот курс, который мы вместе выработали, был продолжен. Надеюсь, что то, что между нами возникло, было не данью времени, а гораздо большим – и в политическом, и в человеческом плане. Надеюсь, что мы будем поддерживать контакты – искренние и доверительные.

В течение ближайших двух дней я выступаю с заявлением о своем уходе.

– Большое спасибо, Михаил, за все, что ты сказал мне, – ответил Джон Мейджор. – Когда мы смотрим в будущее, мы думаем о том, что нельзя потерять то, что достигнуто. Отсюда стремление помочь вашей стране, в основе которого лежит осознание того, что ты сделал в последние несколько лет.

Что бы ни произошло дальше в связи с решением, о котором ты намерен объявить в ближайшие два дня, нет сомнений, что ты обеспечил себе особое место в истории страны и всего мира. Мы понимаем, какими трудными будут предстоящие месяцы. Хочу еще раз сказать, что мы испытываем чувство искренней любви к тебе и Раисе. Будем рады видеть вас у нас в гостях, в какой бы роли вы ни приехали. Заверяю вас в этом сейчас и на будущее.

Я буду счастлив, если могу содействовать продолжению и развитию того, что сделано в последние несколько лет. Нас тоже волнует вопрос, выдержит ли Содружество испытание временем. Конечно, есть опыт нашего британского Содружества. Оно

существует уже 150 лет – и держится. Может быть, у вас в стране это получится.

Я рад, что вопрос о контроле над ядерным оружием решается надежно и гарантированно. Рад, что, по твоему мнению, происходящее у вас между республиками отличается от того, что происходит в Югославии.

Мы очень надеемся, что ты сможешь продолжать взаимодействие в различных фермах с Ельциным. Это отвечало бы интересам и других республик.

Есть также один конкретный вопрос. Я хотел бы узнать твою оценку тех трудностей, которые предстоят нынешней зимой в продовольственном снабжении крупных промышленных центров, а также в обеспечении кормов для животноводства. Мы сейчас активно рассматриваем вопрос о том, как мы могли бы помочь вам, и хотелось бы знать твою оценку.

Надеюсь, что мы и дальше будем поддерживать тесный контакт. Я звоню из своего загородного дома. Норма просит передать самый сердечный привет тебе и Раисе и надежду, что мы скоро вновь увидимся – в России или в Лондоне.

Наконец, хочу выразить большое удовлетворение в связи с тем, что и в эти трудные дни ты здоров и «в порядке».

Я поблагодарил премьер-министра Великобритании за теплоту и внимание.

– Я не прощаюсь, – продолжал я. – Думаю, что и дальше будем сотрудничать. Время такое, что возможны всякие изменения, крутые повороты. Может быть, в такое время они и необходимы, и даже неизбежны.

Сейчас самое главное – поддержать Россию. Именно здесь сейчас самое большое социальное напряжение, самая острая ситуация – в Москве, в Питере, на Урале.

Давайте окажем поддержку – мы здесь, а вы там – Ельцину, чтобы он смог добиться успеха, ибо это касается всех нас. Сейчас нам необходимо, во-первых, продовольствие, во-вторых, лекарства, в-третьих, корма – зерно, соевый шрот, протеины. Ельцин решительно настроен на смешанную экономику, на предпринимательство, на создание рынка. Джон, нельзя терять времени, время ушло, надо срочно помогать России. Это хочу еще раз подчеркнуть – в первую очередь именно России.

Мне это ясно, ответил Мейджор.

Нужна также финансовая помощь, продолжал я, чтобы рубль стал крепким и стабильным. Джон, нельзя жалеть на это 5–10–15 миллиардов. В противном случае, если процесс преобразований, над которыми мы работали вместе, будет сорван, придется всем заплатить цену в десять, в сто раз большую. Как политик, но и как крупный эксперт в финансовой сфере, ты этого не можешь не понимать.

Говорю об этом как человек, поставивший всю свою жизнь на дело радикальных перемен всей нашей жизни: это сейчас необходимо. Говорю со всей откровенностью, может быть, даже злоупотребляя нашей дружбой. Я теперь в ином положении и, наверно, могу себе это позволить.

24 декабря итальянский посол Фердинандо Саллео нанес мне визит и передал послание от президента Коссиги и личное, написанное от руки, письмо председателя Совета Министров Джулио Андреотти. Это было теплое, искреннее письмо, отражавшее дружескую близость, которая установилась между нами за эти годы. Оно меня очень тронуло.

Через посла передал следующее: судьба нас с Джулио Андреотти свела на очень важном отрезке истории. Мы оказались участниками больших событий и смогли не только уяснить для себя вызов времени, но и ответить на него практически. Пошли навстречу друг другу и установили такой уровень сотрудничества, который представляет собой совершенно новое явление в мировой политике. Это, сказал я, останется с нами.

Отвечая на вопросы посла, сказал, что до тех пор, пока будут продолжаться реформы, демократические процессы в обществе, я буду поддерживать соответствующую политику. Кстати, Ельцин в разговоре со мной выразил удовлетворение, что во время его визита в Италию договорились о кредитах, об экономической поддержке России. Для России сейчас это очень важно. Тут ситуация, пожалуй, самая тяжелая. Много разных опасностей. И на это наложился процесс распада СССР и формирования Содружества. Очень трудный и болезненный. Главное – чтобы он не сорвался.

По вопросу о Союзе и Содружестве у меня одно из важных расхождений с Ельциным. Но раз республики вышли на Содружество, я не только считаю с этой реальностью, но и буду

в пределах своих возможностей содействовать тому, чтобы оно укреплялось. Повторяю, сейчас особенно важно, чтобы у России был позитивный результат в движении после 1 января. Реакционные силы уже показывают зубы. И если недовольство людей выхлестнется на улицу, эти силы подхватят это недовольство и могут натворить бед. Основные события начнутся со 2 января. И здесь очень важно, чтобы сформировались и начали действовать институты сотрудничества, согласования между государствами СНГ.

Главная забота, чтобы состоялись реформы. Нужно построить новую систему, причем так, чтобы она заработала. И если мы не переберемся, решить эту задачу можно.

Штурм тоталитаризма, как видите, оказался очень непростым, потому что сидит он во всех нас. Это не просто какой-то четко очерченный объект, его микробы разлиты по всему организму общества, глубоко сидят в общественном сознании. Вот почему так трудно даются перемены и преобразования.

Посол говорил о том, что отношения, которые сложились у меня с президентом Италии и с господином Андреотти, отражают чувства всех итальянцев. Заверил меня, что в Италии понимание того, что сделано было за эти годы, глубоко проникло в сознание людей, определило и их эмоциональный подход, и их поддержку политика, который на первый план выдвинул общечеловеческие, моральные критерии.

В этот же день, *24 декабря, позвонил премьер-министр Канады Брайан Малруни*. Приветствуя меня, сказал лестные слова:

– Я не знаю, что будет происходить в эти ближайшие дни, но уверен: твой личный вклад в историю страны и мира поистине уникален. Твои усилия в деле демократизации СССР, модернизации экономики страны можно охарактеризовать только одним словом – героические. Они оставят неизгладимый след в мире, равно как и твой вклад в дело разоружения и всеобщего мира.

Хочу сказать, что мы в Северной Америке хорошо усвоили одну вещь: у политики есть жестокая сторона, но вклад политика со временем получает должную оценку. Как правило, это происходит уже после его ухода, когда его достижения сравниваются с делами его преемников. Думаю, что и по этому, и по любому

другому критерию твой вклад будет оценен как большой, впечатляющий и непреходящий.

Я поблагодарил его за эту оценку моей роли и со своей стороны сказал:

– Я очень ценю то, что мы смогли сделать вместе за эти годы. Время распорядилось так, что нашлись политики, которые почувствовали импульсы событий. Хочу отдать должное моим коллегам, тебе, Джорджу Бушу, европейцам, всем, с кем мы вместе работали.

Ты знаешь, еще несколько лет назад в беседах с тобой, с Джорджем, с другими я предсказывал: то, что мы начали, дав импульс переменам, – это такой глубокий процесс, который неизбежно несет в себе элементы нестабильности. Мы должны быть готовы к этому, чтобы удержать курс демократических преобразований. Сейчас – именно такой этап. Есть большие возможности, но есть и опасности. Надо это понять и действовать соответственно. И главное – ни в коем случае не паниковать в трудной ситуации.

Я считал и продолжаю считать, что мы сможем справиться с нашими проблемами и задачами только в рамках политического процесса, обеспечивающего взаимодействие между республиками. Считал и сейчас считаю, что это возможно в том случае, если страна не рассыпется, если она будет союзным государством.

События пошли по другой колее, и это усиливает многочисленные опасности. Но я намерен использовать свои возможности, чтобы помочь Содружеству стать жизнеспособным. В первую очередь оно должно получить институты и механизмы для сотрудничества в политической области и в проведении реформ. Это – самое главное.

Пока у нас здесь все-таки одно общество, одна страна, одна экономика, одна армия. Все переплетено. И если пойти слишком далеко по пути разделения, это может погубить реформы на решающем этапе.

Вчера, беседуя с Ельциным, я все время подчеркивал: сейчас надо все сделать для того, чтобы было максимальное сотрудничество республик – насколько это возможно в рамках Содружества. Хотя сделать это будет труднее, чем в Союзе.

Знаю, какими большими правами наделены у вас в Канаде провинции. Но тем не менее есть сферы, которые отданы цент-

ру: оборона, внешняя политика, общие правила игры в экономике, налогообложение и другие. Я хочу того же и для нашей страны. Но пока – обернулось вот так...

Однако считаю: сейчас надо отбросить политические разногласия, не допустить конфронтации. Общество в очень трудном состоянии.

В Содружестве еще много неясного. Но одно продумано тщательно, и я могу в этом заверить, ибо сам участвовал в этом процессе. Речь идет о контроле за стратегическими и другими ядерными вооружениями. Уверен и хочу, чтобы вы были уверены: он будет обеспечиваться строго и надежно.

В ближайшее время приму свое решение. Естественно, я не ухожу из политики и общественной жизни. У меня большие планы, и думаю, мы сможем продолжить контакты и сотрудничество.

Хочу обратить ваше внимание, Брайан, на следующее: сейчас необходимо оказать большую поддержку России. Здесь очень острая социальная ситуация, и в то же время – на России большая ответственность за то, чтобы реформы пошли везде. Я хочу, чтобы был успех, несмотря на то что сохраняю критическое отношение к идее Содружества.

Еще раз благодарю тебя за дружбу, за взаимопонимание. Надеюсь, что мы будем поддерживать контакты. Работы впереди много.

В ответ на соответствующий вопрос я продолжил:

– Позиция канадского правительства и других стран, думаю, должна состоять в том, чтобы помочь Содружеству в главном, то есть ваши шаги должны стимулировать сотрудничество и взаимодействие республик. Разлад, дезинтеграция имели бы опасные последствия также и для Европы и всего мира. Могут возникнуть такие неожиданности, с которыми уже невозможно справиться.

Поэтому я думаю, что с вашей стороны было бы правильно быстро идти к признанию. Но необходимо ясное понимание новой ситуации, подтверждение позиций Содружества и республик по важнейшим вопросам.

Прощаясь, Малруни от себя лично и «от имени всех канадцев» пригласил меня в Канаду, обещал самое теплое гостеприимство, если бы я принял, например, предложение одного из уни-

верситетов или исследовательских центров или просто решил отдохнуть в Канаде.

25 декабря состоялся разговор по телефону с президентом Бушем. Я ему сообщил, что примерно через два часа сделаю заявление об уходе. Сказал, что только что направил ему прощальное письмо. Однако, мол, пользуюсь сейчас этим звонком, чтобы еще раз подтвердить, как высоко я ценю то, что нам вместе удалось сделать – и когда он был еще вице-президентом, и в особенности когда мы оба стали президентами. Выразил надежду, что руководители стран Содружества, в первую очередь России, понимают свою ответственность за то, чтобы капитал, накопленный нами в эти годы в советско-американских и международных отношениях, в целом был сохранен и приумножен.

Затем поделился размышлениями о сложившейся ситуации:

– По-прежнему убежден, что существование суверенных республик в рамках Союза позволило бы быстрее решить главные проблемы. Но события пошли по другой колее, чем я рассчитывал и за что настойчиво выступал. Употребляю свои возможности, чтобы СНГ стало эффективным образованием. Главный здесь вопрос – создание механизмов взаимодействия. Ни в Минске, ни в Алма-Ате этого по-настоящему не сделано.

Несомненно, Джордж, надо идти по пути признания государств СНГ. Но я бы попросил иметь в виду следующее. Очень важно и для Европы, и для мира, чтобы в СНГ не обострились противоречия. Поэтому важна поддержка СНГ как межгосударственного образования, а не только его членов в отдельности. Не дезинтеграцию, не разрушительные процессы, а сотрудничество – вот что надо стимулировать, и это наша общая обязанность. На это я делаю акцент.

Второй акцент – это поддержка России. Нужно, чтобы и США, и ЕС, международное сообщество общими усилиями поддерживали Россию. Она возьмет на себя главное бремя реформ. Сейчас мы все – и я, и, надеюсь, ты, как и другие мои партнеры, – должны сделать все возможное, чтобы поддержать Россию, которая взяла на себя главное бремя ускорения реформ в стране.

Я доволен договоренностью, которая достигнута в Алма-Ате относительно ядерного и стратегического оружия. Надеюсь, что

и по другим вопросам, от которых зависит будущее Содружества, в Минске 30 декабря будут приняты решения, способствующие налаживанию сотрудничества и взаимодействия республик.

У меня на столе лежит Указ Президента СССР. В связи с прекращением выполнения мной обязанностей Верховного Главнокомандующего я передаю право на использование ядерного оружия Президенту Российской Федерации. Придаю большое значение тому, что эта сторона дела находится под надежным контролем. Как только я сделаю свое заявление об уходе, Указ вступит в действие. Так что вы можете спокойно праздновать Рождество, спокойно спать этой ночью.

Что касается меня, то я не собираюсь прятаться в тайгу. Я буду оставаться в политике, в общественной жизни. Мысль моя состоит в том, чтобы помочь налаживанию процессов у нас в стране, утверждению нового мышления в мировой политике.

Представители американской прессы много раз спрашивали меня, что я думаю об отношениях с тобой. Хотел бы не только через прессу, но и непосредственно тебе в этот день сказать, что очень высоко оцениваю наше сотрудничество, партнерство, дружбу. Наши роли могут меняться, и они фактически изменяются. Но то, что между нами сложилось и совместно сделано, останется навсегда.

Вот что сказал мне на все это Джордж Буш:

– Хочу заверить, что мы сохраним заинтересованность в ваших делах. Будем очень стараться помочь, особенно Российской республике, учитывая те проблемы, с которыми она сейчас сталкивается и которые могут обостриться зимой.

Я очень рад, что ты не собираешься «прятаться в тайгу», будешь продолжать политическую и общественную деятельность. Уверен, что это пойдет на пользу новому Содружеству.

Я написал тебе письмо, которое будет отправлено сегодня. В нем я выражаю свое убеждение, что сделанное тобой войдет в историю и будущие историки в полной мере оценят твои достижения.

Я с удовлетворением отмечаю то, что ты сказал по вопросу о ядерном оружии. Этот вопрос имеет важнейшее международное значение. Я приветствую то, как ты и руководители республики подошли к нему. Я также отмечаю твои слова о том, что передача права применения его Ельцину осуществляется в кон-

ституционных рамках. Хочу заверить, что мы и впредь будем самым тесным образом сотрудничать в этом важном вопросе.

Теперь о личном. Я обратил внимание на твои замечательные, вполне определенные высказывания об отношениях, сложившихся у тебя со мной и с Джимом Бейкером. Я очень ценю эти слова, они в точности отражают и мои чувства.

...Надеюсь, что наши дороги вскоре снова сойдутся. Ты будешь желанным гостем, мы рады будем тебя принять – после того как все уляжется, – может быть, здесь, в Кемп-Дэвиде.

Мое дружеское отношение к тебе неизменно и по мере дальнейшего развития событий будет таковым всегда. На этот счет не может быть никаких сомнений.

Конечно, я буду с должным уважением, открытостью и позитивно – и, надеюсь, на прогрессивной основе – строить отношения с руководителями Российской и других республик. Мы будем вести дело к признанию, с полным уважением суверенитета каждой республики. Будем работать с ними по широкому кругу вопросов. Но это никак не повлияет на мою решимость поддерживать контакты с тобой, прислушиваться к твоим соображениям уже в твоем новом качестве, беречь нашу дружбу с тобой и Раисой. Мы с Барбарой очень дорожим ею.

Итак, в этот особый день в году, в день исторического перепутья, я салютую тебе и благодарю за все, что ты сделал ради мира, благодарю за дружбу.

– Спасибо, Джордж, – сказал я, прощаясь. – Я был рад услышать, что ты сказал, – очень теплые слова и очень важные мысли. Желаю тебе всего доброго.

Последним из иностранных деятелей, с кем я говорил, будучи еще Президентом, был *Ганс-Дитрих Геншер* – министр иностранных дел Германии. Меня обрадовал его звонок: значит, старая дружба не ржавеет, сказал я ему. Вспомнили с ним о том, что нам удалось вместе сделать хорошего в эти годы, – и для наших стран, для Германии, для Европы. О том, как от встречи к встрече начиная с 1986 года нарастало и укреплялось доверие друг к другу, взаимопонимание, накапливался опыт практического взаимодействия. То, что наработано, – это не на одно поколение вперед, согласились мы. И пусть те, кто придет после нас, попытаются доделывать начатое на благо народов обеих стран и всей Европы.

Сказал я ему, как и Бушу, что в тайгу не собираюсь, буду заниматься общественной деятельностью, содействовать реализации идей, которыми мы руководствовались, сближая Восток и Запад, уводя обе стороны от противостояния и «холодной войны».

Геншер заверил меня, что дружба остается, будет продолжение контактов, обмен мнениями, тем более что бурный поток жизни не оставит нас без хлопот. Он благодарил меня за то, что было сделано для объединения Германии, сказал: «Сердца и благодарность немцев навсегда останутся с Вами».

**Обращение
к согражданам.
Объявление
об уходе**

25 декабря вечером, в среду, я выступил по телевидению с обращением к согражданам и объявил о том, что покидаю пост Президента СССР. Кстати, полностью его опубликовали только две газеты. Вот это обращение.

«Дорогие соотечественники! Сограждане! В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

И после Алма-Атинской встречи и принятых там решений моя позиция на этот счет не изменилась.

Кроме того, убежден, что решения подобного масштаба должны были бы приниматься на основе народного волеизъявления.

Тем не менее я буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения, которые там подписаны, привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ.

Выступая перед вами последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985 года пути. Тем более что на этот счет немало противоречивых, поверхностных необъективных суждений.

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них.

Причина была уже видна – общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно – на пределе возможного.

Все попытки частичных реформ – а их было немало – терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально все менять.

Вот почему я ни разу не пожалел, что не воспользовался должностью генерального секретаря только для того, чтобы “поцарствовать” несколько лет. Считал бы это безответственным и аморальным.

Я понимал, что начинать реформы такого масштаба и в таком обществе, как наше, – труднейшее и даже рискованное дело. Но и сегодня я убежден в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года.

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом сообществе оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству.

Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это – самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, и потому что еще не научились пользоваться свободой. Тем не менее проделана работа исторической значимости:

- Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей.

- Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность.

– Началось движение к многоукладной экономике, утверждается равноправие всех форм собственности. В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя, и начали набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация.

– Поворачивая экономику к рынку, важно помнить – делается это ради человека. В это трудное время все должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире:

– Покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей стороны было сделано все для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

– Мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

– Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

– Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отжившего, реакционного – и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнилительной и иждивенческой психологии. Они наталкивались на нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен. Вот почему мы потеряли много времени. Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился.

Я знаю о недовольстве нынешней тяжелой ситуацией, об острой критике властей на всех уровнях и лично моей деятельности. Но еще раз хотел бы подчеркнуть: кардинальные перемены в такой огромной стране, да еще с таким наследием, не могут пройти безболезненно, без трудностей и потрясений.

Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе – распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства великой страны – последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены.

Обо всем этом я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг.

Сегодня хочу выразить признательность всем гражданам, которые поддержали политику обновления, включились в осуществление демократических реформ.

Я благодарен государственным, политическим и общественным деятелям, миллионам людей за рубежом – тем, кто понял наши замыслы, поддержал их, пошел нам навстречу, на искреннее сотрудничество с нами.

Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа. Мы – наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

Хочу от всей души поблагодарить тех, кто в эти годы вместе со мной стоял за правое и доброе дело. Наверняка каких-то ошибок можно было бы избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе.

Желаю всем вам всего самого доброго».

**Передача
«ядерной
кнопки»**

Сразу же после этого обращения и краткой пресс-конференции состоялась церемония передачи так называемой «ядерной кнопки». Б.Н. Ельцин отказался прийти на этот акт огромного государственного и мирового значения, хотя об этом мы заранее с ним договорились и определили формат акции. Мне передали, что Президент России недоволен моим выступлением, возмущен и отказывается прибыть, как мы условились, в назначенное время. Предлагает встретиться «в нейтральном месте» (?).

Пришли ко мне маршал Е.И. Шапошников и офицеры, которые технически обслуживают систему ядерных команд.

Никаких других процедур проводов Президента СССР, как это принято в цивилизованных государствах, не было. Ни один из президентов суверенных государств – бывших республик СССР, хотя с большинством из них меня связывали многолетние близкие, товарищеские отношения, не считал возможным не только приехать в эти дни в Москву, но и не позвонил мне.

Б.Н. Ельцин же очень торопился... Некорректно, неточно по фактической стороне и в довольно грубой форме информировал журналистов о нашей с ним встрече 23 декабря. Затем последовали и другие шаги, оставившие не только у меня, но и у общественности неприятное ощущение.

В эти последние дни в Кремле и в тот вечер рядом были самые близкие мне сотрудники и друзья, которые разделяли со мной все огромное напряжение и драматизм последних месяцев президентства. А также журналисты, наши и иностранные. Они проявили подлинное понимание значимости происходящего. Многие «дежурили» в Кремле чуть ли не сутками. И ими двигал не только профессиональный интерес, но и искренние чувства. Я это очень сильно ощутил... тем более, что с некоторыми из них бывали у меня в прошлом и конфликты.

**Прием
для журналистов**

Учитывая желание журналистов пообщаться, поговорить в открытой манере, уже без всякой скидки на официальное мое положение, я согласился с идеей Андрея Грачева – устроить для них «*прощальный*» прием. Это

мы и сделали в гостинице «Октябрьская» *26-го вечером*. Ответам на вопросы – а это продолжалось в течение двух часов – предшествовало мое краткое выступление.

Вот запись того, что я тогда сказал:

«Сейчас надо отодвинуть в сторону все политические привязанности, может быть, даже разногласия. Самый высокий приоритет – помочь стране двинуть реформы.

Это главное. Я и моих коллег приглашал к этому – прежде всего тех, на ком лежит бремя государственной ответственности. Колебания надо оставить позади и идти решительно, но, конечно, взвешенно, рассчитывая шаги и их последовательность. Это касается и наших зарубежных партнеров, поскольку то, что здесь будет происходить в ближайшие месяцы, определит, как пойдет весь мировой процесс. Мы хотим, чтобы курс преобразований сохранялся. Хотим, чтобы реформы продолжались, чтобы демократия укреплялась. Все это не так просто в реальном контексте бытия. И поэтому я просил бы наших зарубежных партнеров помочь поддержать страну, может, даже переступить через что-то... ибо цена очень велика для всех. На первое место ставлю необходимость поддержать реально – не только политически, а и во всех отношениях – Россию. Роль ее будет очень велика и ответственна. Потребуется много мужества, выдержки, маневра, нестандартных решений, чтобы реформы состоялись. А все мы хотим, чтобы они состоялись. И если вы улавливали раньше в моих ответах на ваши прежние вопросы что-то такое, что может казаться различием в позициях, то не об этом сейчас забота. В главном, в основном различий нет. И приоритет отдать сейчас надо этому главному. Если руководство России, ее Президент потерпят неудачу на этом этапе реформ, то мы все потерпим неудачу. Это должно быть абсолютно ясно. Для меня это и теоретически, и политически очевидно.

Чем я буду заниматься? Сейчас, в ближайшее две недели, я “исчезну”. Ну, не физически (*смех*)... просто надо прийти в себя. Решения приняты, все сформулировано, и я думаю, логично обозначить разрыв – концов и начал. Я не хотел бы быть навязчивым: вы знаете – для меня вопрос морали всегда превыше всего. Может быть, пока и не удалось совсем совместить политику и мораль. Ну что ж! Начало, во всяком случае, положено. Процесс тут не простой. Науку легче совместить с политикой, а мо-

раль и политика – это, скажем так, вещи капризные по отношению друг к другу.

Так вот, исходя из этого, намерения и планы большие. Идут разные разговоры, не возглавит ли Горбачев оппозицию? Какая-то из наших газет так и написала: Горбачев, мол, может себя реализовать, только если он возглавит оппозицию. А я задаю вопрос: против кого? Против какого курса, какой политической линии? Нет, у нас был разговор с Ельциным. Примерно на втором или третьем часу этого разговора к нам присоединился Александр Николаевич Яковлев. Мы беседовали в тот день восемь или девять часов. Это была беседа о многом. Но прежде всего – об Алма-Ате. Я многое хотел прояснить для себя. Это был необходимый разговор. Отвечая на соответствующий вопрос Президента Ельцина, я сказал, что до тех пор, пока руководство России будет придерживаться курса на демократические преобразования и реформы, оно может рассчитывать не только на поддержку, но и на защиту. Все, чем располагаю я и те, кто останется со мной сотрудничать, будет использовано именно для этого. Ну а если дело пойдет иначе и возникнет другая ситуация, тогда будут оценка, анализ и, естественно, реакция. Но я надеюсь на продолжение реформ. И значит, никакими оппозиционными делами я не мыслю заниматься. Наоборот, надо и внутри, и извне, используя соответствующие возможности, помогать, особенно на этом решающем этапе, продвижению реформ вперед.

Самое опасное, что могло бы произойти сейчас в обществе и что бы имело самые тяжелые последствия, – это наша всесоюзная или вселенская драка. Этого нельзя допустить. Общество устало. Оно готово возненавидеть политиков. Оно уже склонно ненавидеть даже все то огромное, что действительно достигнуто в ходе перестройки. Потому что очень тяжела повседневная жизнь. И надо скорее через реформы освободить людей от излишних тягот. Тогда они оценят по-настоящему все, что сделано за последние годы. Я в этом уверен. Не такие уж наши люди неблагодарные. Я опять получаю по тысяче писем и телеграмм в день. Идет и сочувствие, и поддержка. Придет понимание, придет осознание того, что сделано за эти годы. Но нельзя допустить драки. Нельзя. Это было бы просто преступно, учитывая условия, в которых живет сейчас наш человек. Он перегружен проблемами.

А по большому счету у меня расхождений с направленностью реформ и демократических преобразований в России нет.

Другое дело, что я был против и сейчас против, чтобы пойти с ножницами по карте нашей страны, по этой огромной общности. Перераспределять полномочия, власть, права – да, но не расходиться. И, с точки зрения конкретных задач, тактических задач в области экономики, социальной политики, финансов, полагал, что союзное государство с эффективными механизмами более необходимо и оправданно, чем нечто непонятное. Но долг каждого патриота – помогать тому, что стало реальным процессом. Пусть это будут шаги к согласию. Выбирать надо, думая о народе, о жизни – реальной, сегодняшней.

Ну вот, пожалуй, самое главное.

Теперь я вас хочу поблагодарить за то, что вы проявили не так уж много злости по отношению ко мне за эти годы и сказали мне много и ценного. Я благодарю вас за это. Я понимаю свое место, вижу роль, которую мне выпало сыграть. Я ее оцениваю не менее критично, чем, может быть, вы. Но, как и вчера, всегда буду защищать тот выбор, который сделал. В этом смысле я непоколебим. И что бы ни происходило, остаюсь верным этому выбору. Это рубеж. Дальше, думаю, проще будет. А может быть, и сложнее. Увидим. Жизнь покажет».

На вопрос одного из журналистов, как реагирует мать Михаила Сергеевича на происшедшее, я сказал: «Она давно мне говорит: “Бросай ты это все, приезжай к нам”. Я ей сегодня собираюсь звонить. Что она скажет? Я уверен – то же самое, даже, может быть: “Слава Богу, что так произошло: отдохнешь, придешь в себя”».

Итальянский журналист произнес горячую речь с высокой оценкой моей деятельности в прошлом. Я его поблагодарил, но заметил: вся Ваша речь обращена только в прошлое. А я думаю, что самые важные события еще впереди.

Сразу же после моего обращения по телевидению в связи с уходом с поста ко мне пошел поток писем от граждан, сначала к Новому году, к Рождеству, а потом и без этих предлогов. Письма продолжают поступать, их тысячи, едва успеваю читать. Одни просто шлют пожелания, выражают добрые чувства поддержки и солидарности. Многие делятся своими размышлениями, пере-

живаниями, мыслями о годах перестройки, о будущем. Есть целые аналитические трактаты с глубокими соображениями и выводами.

Все это укрепляет в убеждении, что, как бы там ни было, перестройка состоялась. Душевное и интеллектуальное раскрепощение людей стало фактом, и свобода духа будет сильно работать на дальнейшее преобразование общества.

Прежде чем покинуть Кремль, я направил письма государственным деятелям, с которыми у меня сложились отношения доверия, партнерства, даже по-человечески дружеские, и в сотрудничестве с которыми много было сделано для улучшения международного климата, формирования новой, позитивной тенденции в мировом развитии.

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДЖОРДЖУ БУШУ, ПРЕЗИДЕНТУ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ,
И ГОСПОЖЕ БУШ

Дорогой Джордж!

Сегодня, когда я заканчиваю выполнение обязанностей Президента СССР, хочу поделиться некоторыми мыслями и чувствами.

Скажу откровенно: это сложные переживания. В них немало тревоги и беспокойства за судьбу страны, единство которой я стремился сохранить, а вместе с этим и будущее новых международных отношений, строительству которых мы вместе отдавали столько сил. Многое теперь будет зависеть от жизнеспособности Содружества.

Я очень хочу верить, что демократические завоевания последних лет будут спасены, что народы моей страны пойдут вместе на основе Содружества.

Мы с тобой не раз в трудных обстоятельствах действовали решительно и ответственно, чтобы удержать развитие событий

в правильном русле. В будущем тоже возможны крутые повороты, и я рассчитываю, что взвешенность, разумный выбор не изменят тебе ни при каких обстоятельствах.

Я буду помогать тем, кто взял сейчас на свои плечи груз ответственности за дело реформы, демократических преобразований. Но в поддержке и помощи нуждается сейчас прежде всего Россия, именно в России самое тяжелое экономическое положение. А все зависит от нее.

Уверен, что у партнерства США с Россией, с другими новыми государствами есть будущее. Мы с тобой заложили хорошие основы для развития отношений на основах доверия и солидарности, понимания высокой ответственности перед всем миром.

Наша личная дружба, сложившаяся в ходе совместной большой работы, надеюсь, сохранится.

Мы с Раисой храним самые теплые воспоминания о встречах с Барбарой, испытываем к ней чувства сердечной симпатии и уважения. Просим передать ей наши наилучшие пожелания. Были бы рады новым встречам с вами обоими.

Всего доброго».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ГЕЛЬМУТУ КОЛЮ,
ФЕДЕРАЛЬНОМУ КАНЦЛЕРУ
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ,
И ГОСПОЖЕ КОЛЬ

Дорогой Гельмут!

Я оставляю пост Президента СССР.

И хотя события пошли не так, как я считал правильным и наиболее целесообразным, не теряю надежды на конечный успех дела, которое я начал шесть лет назад, что Россия и другие государства, вошедшие в новое Содружество, превратятся в современные демократические страны.

В этот нелегкий для меня момент я обращаюсь мысленно к тому, что мы сделали с тобой вместе. Объединение Германии – это

крупнейшее событие мировой истории и новой мировой политики. И то, что мы больше, чем кто-либо, способствовали этому, останется, надеюсь, в памяти народов.

Хочу, чтобы российско-германские отношения успешно развивались на том фундаменте, который мы вместе заложили в Большом Договоре.

От всего сердца желаем мы с Раисой Хеннелоре, всей твоей семье здоровья, благополучия и счастья».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ФРАНСУА МИТТЕРАНУ,
ПРЕЗИДЕНТУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
И ГОСПОЖЕ МИТТЕРАН

Дорогой господин Президент!

История нашей страны вступила в новый этап. Можно по-разному оценивать возникшую реальность и ее перспективы. Но есть вещи неизменные. Это прежде всего все то, что определяет благополучие людей как во внутреннем, так и в международном плане.

К числу постоянных величин международных отношений я бы отнес и отношения между нашими двумя странами. Надеюсь, что такое положение вещей сохранится и впредь. Вспоминая наши с Вами беседы, думаю, что нам удалось немало сделать для этого.

Россию, другие государства, входящие в СНГ, ждут непростые времена. Ситуация взрывоопасна. Буду стремиться не допустить новых потрясений, охлократии. Главное – удержать страну на эволюционном, демократическом пути развития. Помочь удержать положение может зарубежная помощь.

Привет и самые теплые пожелания Даниэль от меня и Раисы».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ДЖОНУ МЕЙДЖОРУ,
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ,
И ГОСПОЖЕ МЕЙДЖОР

Дорогой Джон!

Я сейчас заканчиваю работу над заявлением, о котором шла речь в нашем телефонном разговоре. Вдогонку этому разговору хотелось бы сказать еще несколько слов тебе как политику, как человеку, другу.

В свое время, когда мы начинали преобразования в нашей стране, на них нелегко было решиться, даже не зная, какими тяжелыми и болезненными явлениями они будут сопровождаться. Потребовалось мужество для того, чтобы начать их, и для того, чтобы их продолжить.

В предстоящие годы от политиков потребуется, может быть, еще большее мужество. На карту поставлено слишком многое – сама возможность нормального, цивилизованного развития мировых процессов. Я хочу надеяться и верить, что нынешнее и последующее поколения политиков окажутся на высоте новых сложнейших задач.

Со своей стороны буду стремиться способствовать продвижению ценностей демократии, свободы, гуманизма. Полагаю, что для этого у меня есть достаточный потенциал, будут и практические возможности. Много можно сделать для мира, если дела в нашей стране удастся все-таки повернуть к большему сотрудничеству, взаимодействию, если удержать основные завоевания последних лет. Я не оставляю надежд на это. Рассчитываю и на твой вклад.

Еще раз передаю тебе и Норме слова признательности за дружбу от себя и от Раисы Максимовны. Надеемся на ее продолжение».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ДЖУЛИО АНДРЕОТТИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Дорогой Джулио!

Сегодня, когда я уже собирался написать тебе письмо, пришел посол Саллео, принес твое письмо, которое меня тронуло до глубины души.

Твоя личность неразрывно слилась в моем сознании с прекрасной Италией, которую я полюбил с первого взгляда много лет назад. После того как я стал главой государства, ты был моим основным итальянским собеседником и очень скоро – близким другом. Для меня каждая наша встреча была праздником духа, стимулом для раздумий о мире, о жизни. И это понятно: сегодня найдется в мире не много политиков, равных тебе по уму, опыту и мастерству.

Традиционно теплые отношения между нашими странами мы превратили в норму, обогатив их идеями нового мышления. Взяв на себя ключевую посредническую роль, ты сделал так, что Италия стала одним из первых в новое время надежных друзей моей страны. В трудных перестроечных делах я неизменно ощущал страстное сопереживание и горячую поддержку миллионов итальянцев. Это огромная моральная сила, которая, надеюсь, и впредь будет служить дружбе наших народов.

Каждая встреча с твоей страной – а, к счастью, их было немало – памятна мне. Надеюсь, что судьба будет ко мне благосклонна и я скоро увижу тебя и Италию. Благодарю за приглашение. Обнимаю».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ БРАЙАНУ МАЛРУНИ,
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ КАНАДЫ

Дорогой Брайан!

По телефону во вторник мы с тобой попрощались. Я получил твое дружеское письмо. И тем не менее хочу послать тебе несколько слов.

Я очень высоко ценю сложившиеся между нами отношения доверия, которые хорошо послужили и нашим странам, Европе и миру.

У нас высоко ценят спокойное и уважительное отношение канадцев, поддержку и солидарность в эти трудные годы. Видим, что народ твоей страны желает успеха реформам, демократическим преобразованиям, которые нужны не только нам, но и всему миру. Все это – признаки нового времени, ради которого и мы с тобой хорошо поработали. И это вдохновляет. Я верю в конечный успех. Благодарю тебя и Милу за дружбу. До свидания».

«ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМ ХУАНУ КАРЛОСУ I,
КОРОЛЮ ИСПАНИИ, И КОРОЛЕВЕ СОФИИ

Дорогая королева София! Дорогой Хуан Карлос!

Пользуюсь возможностью в последний раз приветствовать Вас в качестве Президента. Наши мадридские встречи стоят у меня перед глазами так живо, как будто это было вчера.

Я знаю, как много сделала королевская чета для утверждения демократии и свободы в Испании. Возможно, могу это оценить больше, чем другие, поскольку страстно хочу того же для своей родины. Общение с Вами всегда интересно, обогащает, вызывает хорошие мысли, не говоря уже о человеческой доброте и искренности, которая исходит от Вас.

Я желаю самого лучшего вашей прекрасной семье. Льщу себя надеждой увидеть Вас вновь».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ФЕЛИПЕ ГОНСАЛЕСУ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИСПАНИИ,
И ГОСПОЖЕ КАРМЕН РОМЕРО ЛОПЕС

Дорогой Фелипе!

Сложившаяся ситуация предопределила мой уход с поста Президента.

Не скрою, испытываю определенную тревогу в отношении ближайшего будущего. Буду стремиться, насколько это от меня зависит, способствовать мирному, спокойному переходу страны в новое состояние, гражданскому согласию, налаживанию взаимодействия в рамках Содружества. Переход, скорее всего, будет очень трудным.

Всегда буду тепло воспринимать наши встречи, дружескую, открытую, искреннюю атмосферу диалога, который так много мне дал и в интеллектуальном, и в душевном плане.

Думаю, мы оба можем быть довольны результатами нашей работы по сближению наших стран, хотя не все успели. Хотел бы, чтобы наше с тобой дело было продолжено – прежде всего в отношениях между Испанией и Россией.

Я не собираюсь устраниваться от общественной и политической деятельности. Уверен, что наша дружба сохранится и мы еще будем видеться. Теплые чувства симпатии я и Раиса шлем Кармен».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ЛЕХУ ВАЛЕНСЕ,
ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Уважаемый господин Президент!

В эти ответственные и непростые для меня дни хотел бы написать Вам несколько слов.

История распорядилась так, что судьбы наших народов – народов Польши и России, а затем и Советского Союза – переплелись так, что, как бы ни менялись формы государственности,

отношения между нашими народами остаются существенным общеевропейским фактором. О культурных, духовных, чисто человеческих связях, у которых поистине тысячелетняя традиция, я уж не говорю.

Надеюсь, что все это будет принято во внимание политиками, которые возглавили Содружество Независимых Государств. И прежде всего, конечно, лидерами России, Украины, Беларуси.

Покидая президентский пост, я не расстанусь с политикой. Европейские проблемы и развитие добрососедских отношений с Польшей будут занимать приоритетное место в моих занятиях.

Был бы рад продолжить с Вами, г-н Президент, контакты».

«ГОСПОДИНУ РЕЙГАНУ

Дорогой Рональд!

Обстоятельства складываются так, что я должен сложить с себя полномочия Президента в трудный и тревожный момент для страны.

В эти дни я думаю о сделанном за прошедшие годы. Ониместили множество событий, немалые достижения, нелегкие испытания. Не все получилось так, как хотелось бы. И все же надеюсь, что продолжение исторического процесса все расставит по местам.

Одно вызывает у меня безусловное удовлетворение: за эти годы удалось преодолеть раскол мира на враждующие между собой лагеря, сблизить людей в разных странах. Нам с Вами суждено было сделать первые, может быть, самые трудные шаги на этом пути.

Вспоминаю наши встречи в Женеве, Рейкьявике, Москве, Калифорнии. Вспоминаю, как возникло взаимопонимание, а потом и дружеские чувства, как ломался лед недоверия в отношениях между нашими странами. Верю, что им еще многое предстоит сделать для человечества, для демократии и свободы.

Я намерен в своей последующей деятельности способствовать тому, чтобы то, что мы с Вами вместе начали, не было потеряно,

получило достойное продолжение. Уверен, что и Вы сможете внести в это дело свой вклад.

Мы с Раисой Максимовной передаем самый теплый привет и искренние пожелания всего наилучшего Нэнси. Возможно, нам еще доведется встретиться. Мы были бы очень рады этому».

«ГОСПОЖЕ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР
И ГОСПОДИНУ ДЕНИСУ ТЭТЧЕРУ

Дорогая Маргарет!

Сегодня нелегкий для меня день. Конечно, каждый человек должен быть готов стоически переносить любые испытания. Но дело не только и не столько в моих личных переживаниях. Нелегкое, тревожное время переживает моя страна.

Я был и остаюсь приверженцем сохранения нашей единой государственности, отражающей общность исторических судеб народов страны, неразрывность их будущего. Но развитие пошло по иному пути. Реалистически принимая это как факт, я тем не менее обязан был сказать, что не считаю этот путь оптимальным.

Я заканчиваю свою деятельность на посту Президента СССР. В новом своем качестве считаю своим долгом делать все возможное для того, чтобы и избранная республиками форма Содружества сложилась в жизнеспособное образование, привела в конечном счете к эффективному взаимодействию и сотрудничеству наших народов, чтобы не произошло окончательного разрыва между ними, который был бы большой бедой для нас и для всего мира.

Очень многое в мире будет зависеть от того, что произойдет у нас. Расчленение нашей страны не может не обернуться тяжелыми последствиями для мирового сообщества, для новых международных отношений, у истоков которых мы с Вами стояли.

Я с гордостью вспоминаю, что именно вместе с Вами мы сделали первые шаги к преодолению раскола мира на враждебные друг другу, милитаризированные лагеря. Дорогу от недоверия

к взаимопониманию, к дружелюбным отношениям нам помогали пройти и другие наши партнеры. Хочу верить, что удастся сблечь все накопленное на этом пути.

В эти годы между нами и нашими семьями сложились добрые личные отношения. Они помогали преодолевать трудности, искать решения самых трудных вопросов. Мы с Раисой Максимовой надеемся, что еще не раз встретимся с Вами и Денисом. Передайте ему от нас обоих сердечный привет и наилучшие пожелания».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ РО ДЭ У,
ПРЕЗИДЕНТУ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Уважаемый господин Президент!

В час, когда я слагаю свои президентские полномочия в связи с прекращением существования СССР хочу выразить признательность и удовлетворение плодотворным сотрудничеством с Вами в истекшие годы.

В Вас я встретил внимательного, смелого и готового идти на встречу партнера. Благодаря Вашим качествам государственного деятеля мы с Вами сумели в кратчайший срок прорвать закостеневшее кольцо отчуждения между нашими странами, выйти на путь конструктивного, а теперь уже и дружественного сотрудничества. Этим мы не только преобразили наши отношения, но и серьезно помогли процессу оздоровления обстановки на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Уверен, что начатое нами дело будет продолжено в Ваших отношениях с Россией и другими государствами Содружества.

Примите самые добрые пожелания Вам и народу Республики Корея.

Теплые чувства симпатии я и Раиса шлем госпоже Ро Дэ У».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ МАУНО КОЙВИСТО,
ПРЕЗИДЕНТУ ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Дорогой Мауно и госпожа Койвисто!

Мне кажется, мы стали достойными восприемниками всего лучшего, что было создано в отношениях между нашими странами в послевоенные годы. Это позволило нашим народам, история которых неразрывно переплетена на протяжении столетий, достойно выдержать испытания последних лет.

Сейчас особенно важно сохранить тот особый характер отношений, который прочно зафиксирован в мировом общественном мнении. Сохранить, несмотря на все трудности и испытания. Позиция финского руководства в последнее время мне представляется актом подлинной государственной мудрости.

В истории и вашей, и моей страны бывали трудные периоды, время испытаний. Именно в такие моменты и узнается истинное отношение друг к другу. Я счастлив и горд сознавать, что, похоже, прекрасные отношения между нашими странами приобрели необратимый характер. Хочется верить, что в этом есть и наша с Вами заслуга. Хочется верить, что наши преемники, кто бы они ни были, будут беречь и приумножать этот бесценный капитал добрососедства. Еще раз от всей души жму Вашу руку, Мауно. Прошу передать от меня и Раисы самые теплые чувства симпатии госпоже Койвисто».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ХОСНИ МУБАРАКУ,
ПРЕЗИДЕНТУ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ

Уважаемый господин Президент!

По известным Вам причинам я слагаю с себя президентские полномочия. Не могу не попрощаться с Вами, с которым у нас наладились дружеские, плодотворные отношения, хорошо послужившие и нашим народам, и междунаrodной политике.

Очень ценю Ваши качества государственного деятеля. Благодаря им мы с Вами быстро добились перелома в советско-египетских отношениях. Они приобрели открытый, доброжелательный характер. Возникшее доверие было укреплено взаимодействием в борьбе с иракской агрессией против Кувейта, а потом в ходе подготовки Мадридской конференции.

Я верю, что теперь открыта широкая перспектива развития отношений между Египтом и Россией, другими республиками Содружества Независимых Государств.

Примите самые добрые пожелания Вам и дружественному народу Египта.

От меня и Раисы выражаю чувства симпатии».

«ПРЕЗИДЕНТУ СИРИЙСКОЙ
АРАБСКОЙРЕСПУБЛИКИ
ХАФЕЗУ АСАДУ

Уважаемый Президент Асад!

В час, когда я сложил президентские полномочия в связи с прекращением существования СССР, хочу выразить признательность и удовлетворение сотрудничеством с Вами в истекшие годы. Наши контакты и встречи отличали доверие, уважение, понимание значения взаимодействия наших государств. Я высоко ценю Ваше мудрое решение, позволившее Сирии занять достойное место в ближневосточном урегулировании, принять активное участие в поисках справедливого мира, столь нужного арабам и всему международному сообществу.

Я исхожу из того, что отношения Сирии с Россией, с другими государствами СНГ будут развиваться в обоюдных интересах, на пользу прогрессу и всеобщей безопасности.

Примите добрые пожелания Вам и дружественному народу Сирии».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ИЦХАКУ ШАМИРУ,
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ГОСУДАРСТВА
ИЗРАИЛЬ

Уважаемый господин Премьер-министр!

В час, когда я слагаю свои президентские полномочия, не могу не вспомнить о нашей с Вами встрече в Мадриде, которая, надеюсь, обозначила долгожданный прорыв в отношениях между нашими странами. Мы положили конец четвертьвековой изоляции друг от друга, неестественной тем более, что наши народы соединяют давние и живые, я бы сказал, органичные связи.

Хотелось бы, чтобы сделанное нами стало прочным фундаментом для динамичного развития взаимообогащающих отношений Израиля в первую очередь с Россией, а также с другими государствами нового Содружества.

Примите добрые пожелания Вам и народу Израиля».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ВАЦЛАВУ ГАВЕЛУ,
ПРЕЗИДЕНТУ ЧСФР

Уважаемый господин Президент!

Я оставляю пост Президента. Но начавшие складываться добрые отношения позволяют мне обратиться к Вам со словами приветствия и надежды.

Сейчас, оглядываясь на шесть лет перестройки и нового мышления, подводя своего рода баланс успехов и просчетов, к первым я отношу и постепенное возрождение добрых отношений между нашими народами. Они наконец стали обретать здоровую основу. Мы без сожаления распрощались с прошлым. Но впереди, особенно в связи с появлением вместо СССР нового Содружества, много проблем, в том числе и касающихся отношений Чехо-Словакии с Россией, Украиной, Беларусью, другими государствами.

Надеюсь на лучшее и сделаю все от меня зависящее, чтобы дело, начатое в 1985 году, завершилось успешно.

Рассчитываю и на контакты с Вами и Вашими коллегами.

С наилучшими рождественскими и новогодними поздравлениями».

«ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ХАШЕМИ-РАФСАНДЖАНИ,
ПРЕЗИДЕНТУ ИРАНА

Уважаемый господин Президент!

В час, когда я слагаю свои президентские полномочия в связи с прекращением существования СССР, хочу выразить свои признательность и удовлетворение плодотворным сотрудничеством с Вами в истекшие годы.

Совместными усилиями мы добились перелома в отношениях, они приобрели добрососедский, дружественный характер. Открыты горизонты их динамичного и всестороннего развития, наращивания доверия. Убежден, что Иран и республики созданного Содружества Независимых Государств пойдут и далее по этому пути.

Примите от меня самые добрые пожелания Вам и дружественному народу Ирана».

«ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ НОРВЕГИИ
ГОСПОЖЕ ГРУ ХАРЛЕМ БРУНДТЛАНД

Уважаемая госпожа Гру Харлем Брундтланд!

С удовольствием вспоминаю встречи с Вами, особенно в Осло в памятные для меня дни выступления с Нобелевской лекцией, наши откровенные, глубокие беседы по самым сложным проблемам.

У меня сейчас нелегкие дни. Но хочу надеяться, что для народов моей страны они окажутся днями ответственного выбора своей дальнейшей истории, которая принесет им благополучие, согласие.

Советский Союз как единое государство, как сверхдержава, которая в течение десятилетий оказывала мощное воздействие на ход мировых событий, уходит в прошлое. Я тем не менее уверен: государства, возникшие в пределах его прежних границ, прежде всего Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, смогут продолжить вместе с другими демократическими государствами начатое в последние годы великое движение к новому мировому порядку. Надеюсь и на то, что добрые отношения с Норвегией будут важным звеном в этом процессе.

Мы с Вами немало содействовали оздоровлению климата на Севере Европы. Это тоже одно из достижений, которыми надо дорожить, идти дальше.

С добрыми воспоминаниями о Вас и наилучшими пожеланиями».

* * *

Последнее мое интервью в Кремле было для итальянской газеты «Стампа» – моему старому другу Джульетте Кьеза. Но содержание его больше относится ко второй части книги, к нему я еще вернусь.

II

КОРНИ ДЕКАБРЬСКОГО ПОВОРОТА (ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ)

В ходе декабрьских событий, может быть, чаще, чем в какой-либо другой период с 1985 года, я встречался с нашими и зарубежными журналистами, давал интервью, часто общался со своими партнерами – государственными деятелями Запада.

Задавали много вопросов, в том числе и о том, как я оцениваю путь, пройденный страной после начала перестройки, свою роль в том, что произошло с нашим обществом, со всеми нами в эти драматические годы, что из задуманного удалось и что не удалось, почему события развивались так, а не иначе. Кое-что об этом сказано в книге «Августовский путч», в помещенной там статье, написанной в Форосе. Декабрь как бы поставил многие точки над *i*. Я понимал, что для меня это «час истины», старался быть свободным в суждениях и предельно откровенным. Не уходил от самых трудных вопросов.

Я уже ссылался на беседу 28 ноября с нашим известным публицистом, обозревателем «Литературной газеты» Юрием Шекочихиным. Это была продолжительная, очень непринужденная и живая беседа один на один. Именно беседа – не интервью, в ней не было четкого плана, но было много личных моментов. Ниже я воспроизвожу некоторые ее фрагменты, где речь идет прежде всего о замысле перестройки, о моих мотивах, о многом сокровенном, чего я раньше, по крайней мере так откровенно, не говорил публично.

**Я знал
систему изнутри**

А замысел был, собственно, в том, чтобы сломать хребет тому тоталитарному монстру, который у нас стали называть Административно-командной Системой, той партийно-государственной структуре, что стремилась подчинить себе и поглотить все общество, каждого человека. Щекочихин, предваряя публикацию беседы, написал: «Нет более загадочной фигуры в современной истории, чем Михаил Горбачев». Не знаю, есть ли тут что-то загадочное... Внутренний протест против системы жестокости созревал давно, исподволь. Об этом был и наш разговор.

– Если бы я сам внутренне не пришел к тому, что надо все менять, я бы работал так, как до меня правили. Как Брежнев – десять лет можно жить, как император, а после меня – хоть трава не расти.

– Эти Ваши слова я помню.

– А есть ли еще другой случай в истории, чтобы человек, получив власть, сам же ее и отдал?

– Это-то к Вам и притягивает. Как любая загадка природы.

– И я предполагал, что все так и будет. Потому что эту систему я знал изнутри. Все-таки я почти десять лет проработал первым секретарем крайкома партии. Мне говорят, касаясь путча: «Горбачев что-то скрывает». А я и не собираюсь все рассказывать.

– Да-да, Вы эту загадочную фразу повторили несколько раз.

– И все думают: да что же он знает такого?

– А что все-таки?

– Систему! Систему, которую изучил изнутри.

Да, я знал эту систему, в которой партийная машина сплелась с КГБ, с правительством, с другими органами государственной власти. И должен был действовать исходя из этого. Жил ли во мне страх перед КГБ? Нет, страха не было. Если бы я их боялся, то ничего не смог бы сделать. Но я знал их силу! И то, что теперь могу сказать, тогда, раньше, сказать бы не мог. Я должен был их переиграть.

Нигде в истории тоталитарные, диктаторские режимы не опирались на тоталитарную собственность. Только у нас! Все остальные существовали при частной собственности, а это уже

совсем другое. Поэтому и задача, которая встала перед нами, была абсолютно новая.

А еще страна – многонациональная, отягощенная множеством проблем. Плюс страна огромная. Плюс еще подавление инакомыслия (но это уже характерно для всех тоталитарных режимов) и политическая монополия на идеи. Все это надо было реформировать. Можно ли было так просто прийти к демократии, используя лишь один рычаг – гласность, слово, а не силу?

Я задал своему собеседнику этот вопрос, и у нас последовал такой диалог.

– Может быть, – сказал Щекочихин, – наш путь от тоталитарного режима к демократии лежит через тоталитарный режим?

– Возможно, авторитарный, – возразил я.

– Как в Грузии?

– Там, я считаю, аномалия. На пятом съезде народных депутатов я подошел к депутатии Грузии и спросил, что же у них там происходит. Мне ответили «Михаил Сергеевич, не вмешивайтесь. А то и вас испачкают грязью... Мы сами разберемся». Я считаю, там тяжело. Эта ситуация ненормальная для грузинского народа – умного, талантливого, демократичного... Я все время вспоминаю Мераба Мамардашвили, с которым мы не только учились вместе, но и ходили в одну комнату в общежитии, где жили наши будущие жены. Мераб – это величина не только в философии. Это был человек нравственный.

Тут Щекочихин рассказал, что незадолго до того к ним в редакцию пришел грузинский парнишка, студент, которого в Тбилиси выгнали из института за митинг, организованный в память Мераба. Меня поразил этот факт (последующие события в Грузии показали, насколько далеко там зашло дело). Хочу подчеркнуть: с самого начала я стремился удержать процесс преобразований в мирном, демократическом, конституционном русле.

– В мой замысел входило, – говорил я, – чтобы впервые за всю многовековую историю страны поворотный этап пройти без крови.

– Но крови-то много и сейчас!

– Знаете, я вам прямо скажу, до большой крови еще не дошло.

– А может дойти?

– Надо все сделать, чтобы не дошло. Поэтому моя задача – продвигать демократические процессы, и самое главное, чтобы

в эти процессы включился народ. Да, сегодня трудно с одним, с другим, с третьим, но нельзя потерять то, к чему мы так долго рвались и не могли прорваться. То есть к этому кислороду, к духовной свободе, к политической свободе – тому, с чего начинается по-настоящему человек. К той атмосфере, когда воплощаются в жизнь ценности, принципы, при которых человек реализует себя как личность. Да, нужен порядок, но не тот порядок, которого хотели гэкачеписты. Нет, люди уже не хотят расстаться с тем, что обрели.

– Хотя, конечно, ностальгия сейчас колоссальная по прошлому. То ли от усталости, то ли от совершенно пустых полок в магазинах.

– И от того и от другого. В Иркутске я увидел, что запас терпения у людей кончается. И тем не менее я чувствовал движение их душ, видел, что люди осознают весь груз ответственности, который лег на плечи президента.

**Мы были
заряжены
на перемены**

Разговор зашел о поколении «шестидесятников». Чувствую ли я себя человеком из этого поколения? Я ответил – да. Каждое поколение несет на себе отпечаток своего времени. Тем более поколение, сформировавшееся в эпоху общественного перелома, какой была «хрущевская оттепель». Мы все-таки хлебнули основательно от старого, сталинского. Но в этом поколении, вы заметьте, есть и определенное понимание ценностей жизни предшествовавших поколений. У нас нет пренебрежения ни к судьбам отцов, ни к судьбам дедов. Мы знали и знаем, какую страну они переделали. Я ведь помню довоенную жизнь и наш быт! В университет ехал поступать – одна спортивная рубашка с короткими рукавами да один пиджак. И все. Хотя отец механизатор, я механизатор, и мать работала – а жили нищенски. Вот она жизнь была. Но я не ощущал себя нищим и вообще чувствовал себя прекрасно.

– Может быть, потому, что вы считали: одна рубашка – это норма?

– Да нет, все было – и плохое и хорошее. У меня такая судьба, что все было. И 37-й год проехался по нашей семье.

– Вы имеете в виду своего деда?

– Да, деда. А другого деда привлекли к суду за то, что он не выполнил план весеннего сева. А был 33-й год, голод на Кавказе, из шестерых его детей трое умерли. Это все было время безрассудной жестокости и жуткого неуважения к человеческой жизни. То есть все было не так просто, и все это во мне.

Конечно, идея радикальной перестройки пришла не сразу, не вдруг. Во время одного из последних декабрьских интервью (американской телекомпании 18 декабря) зашла речь о том, с чего все началось. Мне напомнили, что я как-то сказал: «Есть вещи, о которых я не хочу, не могу говорить». Не настало ли время все сказать? Но я вовсе не хотел наводить какой-то туман, напускать на себя загадочность. Просто нужно время, чтобы еще многое обдумать, поразмыслить.

Мы находимся в такой ситуации, когда история ускорила свой ход, и как ускорила! Каково же положение политика в этой ситуации? Представьте: вот течет горячая сталь, поток стали. Мы должны в какие-то желоба направить раскаленный этот поток и как-то удержать его, чтобы он не разлился, не спалил и не снес все.

Нам, политикам, не хватает времени для того, чтобы основательно вернуться к истокам процессов и корням тех или иных явлений. И кроме того, конечно, я имею более полные и конкретные представления, чем кто-либо, о том, как шли дела в Политбюро, какие шли процессы в партии, в государстве. Есть что вспомнить, есть о чем поразмышлять. Не хочу сказать, что тут что-то такое сногшибательное.

Но вот одна фраза, которая может пролить свет на многое. Мы гуляли по берегу Черного моря с Шеварднадзе. Это был семьдесят девятый год. Тогда мне было сорок восемь, а ему пятьдесят, наверное. В общем, уже зрелые люди, что там говорить. И у нас шел разговор о том, с чем мы сталкиваемся. Мы чувствовали, как в существующей системе трудно работать человеку совестливому, с нравственными понятиями. Эдуард Амвросиевич сказал тогда: вы знаете, все прогнило. Я с ним был согласен. Вот вам ответ на вопрос. А раз так, это же требует очень большого осмысления...

Политики – несчастные люди в том смысле, что когда уж они попали в реформаторский процесс, то, в общем-то, часто опаздывают, им не хватает времени для принятия решений, а уж тем более для исследований и обдумывания... Тут кроется и опасность – чересчур довериться интуиции, что часто и случается...

Поколение «шестидесятников» долгое время жило верой в то, что надо лишь улучшить существующую систему и что это возможно. Когда пришел к заключению, что ее нельзя улучшить, что нужна другая система? Не могу назвать точную дату. Ведь осмысление реальности пришло не как какое-то внезапное озарение. То, что мы начали реформировать в восемьдесят пятом году, это такой феномен, с которым не встречался ни один реформатор за всю историю человечества.

Но дело не только в этом. Это был тоталитарный режим, причем в отличие от других подобных режимов он опирался на тотальное господство над собственностью. И на такую мощную машину, какой являлась КПСС с ее монополией на все. Так что это был твердый орешек. И надо все это понять, это надо было понять нам, чтобы реалистически смотреть на реформы, о которых мы думали.

Есть вещи, которые уложились в первый этап. Это формирование концепции. Затем пошел этап превращения этой концепции в политику. Наконец, пошла трансформация этой политики в реальные формы жизни. Каждый этап требовал своего времени, условий и освоения, осмысления опыта.

У нас, людей шестидесятых годов, есть своя особенность. Мы были сильно заряжены на перемены, на реформы, но много лет мы не могли себя реализовать. И все же мы сохранили в себе этот заряд, нашли волю и силу в этой сложнейшей ситуации, в этом обществе, в этом мире взять на себя ответственность и пойти на реформы.

В восемьдесят пятом году у меня еще была уверенность, что систему можно улучшить. На определенном этапе пришел к глубокому убеждению, что мы имеем дело с системным кризисом. И что реформы не пойдут, если не демонтировать весь режим, всю систему. Думаю, прийти к таким выводам помогло и то, что в своих теоретических изысканиях вместе со своими коллегами я все больше освобождался от догм, стереотипов, скованности, которые давили наше сознание и интеллектуальную работу.

Да мы просто многого и не знали о своем обществе. Мы не получали необходимой информации ни о себе, ни о мире. Когда же ситуация изменилась и мы увидели, в каком положении оно оказалось, наш анализ привел к выводу, что, в общем-то, мы имеем дело с авантюристической моделью социализма. Это, по сути дела, был не социализм, а утопическая, антидемократическая, антинародная, то есть, по существу, и антисоциалистическая система.

**Реформы
задели
интересы
многих**

Егор Владимирович Яковлев, присутствовавший на этой беседе с американскими журналистами, увидел в моей позиции противоречие: мол, в восемьдесят пятом году Михаил Сергеевич видел в партии мотор, двигатель реформ, но, когда XXVIII съезд воочию показал, что большинство партийной номенклатуры против перестройки, он не захотел покинуть партию, как поступили в то время другие.

Я возразил: в своем анализе он не очень диалектичен. Хотя сам вопрос диалектический. Если ты задумал что-то сменить, реформировать, а тем более осуществить глобальную реформу в этой стране, то ты ничего не мог бы сделать, если бы это не захватило саму партию, если там не выкристаллизовались силы, которые смогут на себя взять ответственность, пойти на риск. Прямо скажу – было рискованно в то время в этой партии пойти таким путем. Идея мотора идет отсюда. Надо было найти силы... Для того чтобы процесс пошел, нужен катализатор или, как еще говорят, бродило, нужно было бросить в уже пришедшее в движение общество, в забродивший политический процесс дрожжи самой партии. Именно реформаторские дрожжи. Это было сделано.

Теперь о XXVIII съезде. Логика такова, что всякие реформы в конце концов задевают коренные интересы всех слоев. Одни приобретают, другие теряют – это обязательно. Демократический процесс как бы расставляет точки над *i*, оценивает, кто есть кто. А разве многие были готовы к тому, чтобы им давал оценку в ходе демократических процессов сам народ?

Они привыкли в номенклатурном колесе вращаться и получать должности, подниматься из года в год по служебной лестнице.

Произошло столкновение. Демократический процесс столкнулся с авторитарным режимом, который снизу доверху держался на партии.

И, зная силу партии, я понял: если мне уйти с поста Генсека, то реакционеры возьмут верх. Да и нельзя было партию бросать, потому что в партии зародился этот процесс и в партии было много людей, которые приняли реформы. Надо было крест нести. Даже тогда, когда уже было неважно.

Кстати, подобный вопрос в вызывающей форме был поставлен в беседе представителями «Комсомольской правды»: «Вы обманывали или Вы обманывались?»

Что ж, сказал я, назовем вещи своими именами. Я знал, что задуманные реформы заденут многих. Я знал, что придется многим жертвовать и часто менять тактику, чтобы изменились страна, народ и им не помешали бы на первом же этапе.

Когда многим казалось, что Горбачев свернул вправо, я думал о другом. В чем дело? Мы два года выдвигаем реформаторские лозунги, а за 100 километров от Москвы – все тихо. А помните январский Пленум ЦК («кадровый», 1987 г.), какой был острый и сильный? Впервые был сделан очень серьезный анализ, серьезные оценки. Все ожидали перемен. И никаких сдвигов. Мощные структуры, никакого движения не принимают. Я стал понимать: если не «включить» процесс снизу, все обречено. Как уже были обречены многие попытки реформировать государство. А вспомните, сколько их было, попыток, на нашей памяти. Как только доходило до положения партии, до роли – реальной – народа в формировании и функционировании органов власти, правящий партийный слой снова выступал от имени народа и в «защиту» социализма.

Так родилась идея XIX партийной конференции, где повели разговор о разьединении законодательной, исполнительной, судебной власти, о возвращении партии ее естественной роли – роли политической организации. Заговорили тогда о плюрализме мнений, хотя политический плюрализм был еще впереди. Было положено начало политической реформы.

И вот тут суть ответа. Мы задели многие интересы и что увидели? Началось сопротивление и партийной номенклатуры,

и государственных структур, и военно-промышленного комплекса, да и просто людей, приверженных старым ценностям, старой идеологии. Я все видел! Не видел этого тот, кто не хотел. Начиная со съезда российской компартии, целый год шла борьба уже не на жизнь, а на смерть. Были уже реальные лица, преданные консерваторам, ездили по городам и весям, готовили протесты, собирали группы партийцев. И все шло на стол Генсеку, всюду упреки, что он предает... ни больше ни меньше.

Как вести себя? Атакам и нажимам подвергался я колоссальным. Надо было определиться. Пойти на решительную схватку – кажется, нормально. Но нет еще поддержки народа, еще общество не готово. Поэтому, вызывая жесточайшие упреки, было решено обновить самые влиятельные структуры. Вы вспомните обновленный ЦК, обновление его Секретариата. Трижды обновились обкомы, секретари. А затем – свободные выборы. Они при всех их издержках подняли народ. И я старался затянуть до предела, до последнего, чтобы никто не мог остановить пошедшую вперед страну. Что, думаете, я не знал, что удар последует со стороны консервативных кругов партии, объединившихся и в ВПК? Знал и держал их рядом. Может быть, этим многое и объясняется. Как говорят, шла работа «в стане». Между прочим, тут и объяснение, почему я не распрощался с постом Генсека, который, в общем-то, меня за горло держал. Хотя это и было предметом яростных нападок как внутри партии, так и со стороны демократических движений...

Короче говоря, это был диалектический, очень сложный, мучительный процесс, и через него я должен был пройти.

**От частных
реформ
к реформиро-
ванию системы**

Можно ли было в таком сложном процессе избежать ошибок, просчетов? Можно ли было математически точно вычислить и выстроить последовательность реформ, их этапы? В эти недели декабря я не мог не задумываться над тем, что произошло за последние годы, вновь и вновь возвращаясь мысленно к событиям первых лет перестройки. Многие полагают, что ошибки были допущены в самом начале. Что надо было начинать не с политических преобразований, а запустить локомотив

производства. И тогда удалось бы избежать возникших позднее трудностей.

Это старый спор. Он вылился в широкую дискуссию еще в преддверии XXVIII съезда. Тогда в мой адрес посыпались обвинения, что я подменяю цели перестройки. Не соглашался и не могу согласиться сейчас с этими доводами, и вот почему. Вспомните, с чего все начиналось? Пытались с помощью инвестиций и финансовых стимулов активизировать развитие сельского хозяйства. Создавая программы стимулирования легкой и пищевой промышленности, выделив для их осуществления около 75 миллиардов рублей, подключали к этому военные предприятия. Тогда же родилась программа модернизации отечественного машиностроения: мы проиграли в семидесятые годы и оказались в прошлой технологической эпохе. Отстали с химизацией народного хозяйства. Радовались – капитализм загнивает, а у нас все хорошо. На самом деле упустили время, необходимое для структурных преобразований и внедрения высоких технологий.

**Поиски,
просчеты,
запоздалые
решения**

Но все эти программы по-настоящему не работали. Тогда же попытались ввести новый опыт хозяйствования ВАЗа и Сумского завода на предприятиях пяти министерств.

Оказалось, выборочный метод не оправдывает себя, нужно было распространить его на все народное хозяйство. Принимая новые законы и реформируя экономику, мы повторяли ошибки предшественников. Время частичных реформ прошло. Стало ясно – надо реформировать отношения собственности, двигаться к рынку. Потребовалось набраться духу, чтобы во всеуслышание заявить: старая система требует замены. Существовавшая система подавляла в людях инициативу, творческое начало, насаждала психологию уравниловки. Чтобы расковать человека, освободить его для свободных действий, нужны были коренные преобразования – политические и экономические. К сожалению, в процессе демократических реформ нами были допущены просчеты, процессы вырвались из-под контроля, сепаратизм подтолкнул поли-

тическую дестабилизацию в национальных регионах, и это все тяжело отразилось на наших делах.

Мы дали экономическую свободу предприятиям и кооперативам, а у нас не было системы налогов, не было механизмов реализации ряда законов. И пошло все вразнос. И первое, что мы почувствовали, это разрыв между ростом денежных доходов и товарной массой.

Нам надо было пойти на более решительные шаги по формированию новой роли республик. Мы шли к этому, но на каком-то этапе потеряли темп, и тогда на арену выдвинулись оппозиционные силы, и процесс этот пошел уже с большими потерями и издержками.

И вот еще что – последние полтора года я видел, как укрепляется консервативный фронт, как он стремится застопорить движение вперед. И в это время мне надо было занять более четкую позицию по объединению демократических сил. Как и в национальном вопросе.

О многом таком, о чем раньше откровенно не приходилось говорить, я сказал в *интервью итальянской газете «Стампа» (беседе вели Джульетте Кьеза и Энрико Синджер)*.

– Самыми серьезными ошибками считаю следующие: нужно было использовать стабильность и поддержку народа на первом этапе перестройки, чтобы быстрее двигаться к рыночной экономике. Другой просчет: переговоры о подписании нового Союзного договора нужно было начать на несколько месяцев раньше. Но для этого было необходимо согласие всех демократических сил, а они продолжали бороться друг с другом, ослабляя себя перед консерваторами. Поэтому я был не до конца свободен в выборе решения и упустил время. И еще: нужно было не только скорее разрушить старую тоталитарную систему, но также быстро строить новую систему. Но все это не затрагивает моего фундаментального выбора, который отстаиваю, а именно – что я начал реформы в 1985 году. Но сейчас подумал: происходило это все же потому, что ни центры перестройки, ни тем более общество не были готовы психологически.

Итальянских журналистов интересовал вопрос: когда я понял, что реформировать партию невозможно, что она не стала двигателем преобразований?

– Ответ не так прост... Страна в начале перестройки находилась в ужасных условиях. Единственное, что еще функционировало и сохраняло конкурентоспособность, – это военный сектор. Нужно было модернизировать все. В 1987 году мы приступили к осуществлению программы реформирования всей экономической системы и тогда увидели, кто противодействует переменам: партия и руководящие звенья экономической структуры. Началась самая тяжелая и трудная из всех битв, битва, в которой кульминационным пунктом были августовский путч и мучительный распад Советского Союза.

**Революция
сверху
исчерпала себя**

После того как потерпел неудачу январский Пленум ЦК (1987), стало ясно, что нужна была политическая реформа. А чтобы сделать это, нужно было лишить партию монополии на законодательную, исполнительную и судебную власть. Но эта реформа, представленная таким образом, никогда не прошла бы: партия обладала мощнейшей структурой, управляла всем, руководила всем. Это была партия-государство. Эти полномочия она не получила от народа. Однако фактически она обладала ими с 1917 года. Партия взяла в свои руки власть и удерживала ее... Не было такой силы, которая могла бы ей противостоять. Лишь с помощью политической реформы можно было бы прийти к свободным выборам, чтобы породить новые силы, представительные органы, народную власть, чтобы ограничить власть КПСС. Но когда начался этот процесс, последовала жесточайшая реакция со стороны партии.

Каждый пленум был полем битвы между консерваторами и реформаторами. Вы, возможно, думаете, что моя надежда реформировать КПСС была иллюзией? Нет, я просто понимал, что, если не отделить партию от государственных структур, ничего не добиться. И я был прав. История это подтвердит. Я читал комментарии: Горбачев поворачивает вправо, маневрирует, замедляет движение. Я должен был все сделать, чтобы процесс преобразований не захлебнулся. Посмотрите, еще полтора-два года назад партия могла вновь все взять в свои руки без всяких

дискуссий. На ее стороне находились армия, военно-промышленный комплекс, кадры, все!

**Я менялся
вместе
со страной**

А что произошло зимой 1990 года, когда появилось это обвинение – «поворот вправо»? На самом деле тогда было видно, что в обществе происходит сдвиг вправо, возможно, в крайней попытке защититься от нестабильности. Мне показалось, что в этом проявляется чувство ностальгии по прошлому, по порядку, дисциплине. Помните, на демонстрации 7 ноября несли портреты Сталина? Я считаю, что мой долг состоял в том, чтобы осознать складывающуюся ситуацию и справиться с ней таким образом, чтобы не дать укрепиться этой тенденции. Демократы не поняли этого, и последовали нападки.

Это касается и вообще интеллигенции. При переходе от философии к практической политике возникает необходимость коррекции движения. Она диктуется жизнью и участвующими в политике. Но это нередко порождает разочарование у многих. В этих случаях интеллигенция думает, что ее отстранили или предали.

В самый разгар этого «поворота вправо» Шеварднадзе подал в отставку с поста министра иностранных дел, заметил Дж. Кье-за. Если бы он этого не сделал, это было бы лучше для Вас?

– Лучше. Да, лучше. И я об этом просил его. Почти целый месяц убеждал его не уходить. Но я не мог не учитывать того, что он говорил, потому что он был моим другом. Настоящим другом. Да, было бы лучше, если бы он остался со мной, но это не могло бы существенно изменить ситуацию.

Вообще, за эти годы я прожил несколько жизней... Я менялся вместе со страной и помогал меняться стране. Время от времени меня спрашивают, доволен ли я тем, что сделал. Отвечая, не могу удержаться и не сказать, что моя судьба была единственной в своем роде, особой: начать такие глубокие реформы, связанные с политической, экономической, духовной свободой, вернуть людям вечные и универсальные ценности. Я не разочарован тем, что выпало на мою долю.

**Субъективное
и объективно**

Къеза напомнил о нашумевшей фразе из книги Б.Н. Ельцина: если бы Ельцин не существовал, Горбачеву следовало бы его придумать. Как, мол, я к этому отношусь?

Думаю, что в этом есть преувеличение. Существуют глубокие причины событий в нашей стране. И все началось до Ельцина, когда он еще находился в Свердловске, в то время как мы уже были свидетелями наступающей агонии системы. Когда я приехал в Москву в 1978 году и стал секретарем ЦК КПСС, то увидел это собственными глазами. Именно тогда появились первые долгосрочные планы. Ельцин не имел к этому никакого отношения. И поведение мое, других товарищей было не реакцией на действия Ельцина, а реакцией на то, что происходило в этой стране, в обществе, в мире.

Страна была беременна перестройкой. Если бы этого не сделали мы, то это сделали бы другие. Потому что общество в целом созрело для перехода в другое состояние. И в партии были люди, которые чувствовали и осознавали эту необходимость...

Вы говорите об обиде Ельцина, которая объясняется, мол, тем, как я отнесся к нему в 1987 году, когда его исключали из Политбюро.

Но это тоже было результатом определенного процесса. Кстати, тогда я поддерживал его. И не хотел, чтобы он уходил. Я понимал, с чем он столкнулся, будучи секретарем Московского горкома партии. Недавно, обдумывая те события, мне показалось, что я понял: Ельцину пришлось столкнуться с реакцией, аналогичной той, с какой нам пришлось иметь дело впоследствии.

**Обострение
кризиса,
Ново-Огарево**

Период примерно с ноября 1990-го по апрель 1991 года был тяжелый. Страну лихорадили забастовки, нагнеталась политическая конфронтация. Солженицын как-то сказал: труднее всего приходится политику, который придерживается средней линии. Блестящее рассуждение. Я это подтверждаю, опираясь на свой опыт. Корреспонденты «Комсомольской правды» во время нашей беседы напомнили одну карикатуру на меня: идет Горбачев по проволоке,

и две корзины, справа и слева. В одной сидят левые, в другой правые. Одни говорят: «Чуть-чуть левее», правые кричат: «Чуть-чуть правее». Что ж, остроумно и, главное, точно отражает реальную ситуацию, в которой я находился... Кстати, по этому поводу мне было сказано: одна из ваших ошибок в том, что вы вовремя не объединились с демократическими силами и не пошли вот тогда вместе в наступление... С этим замечанием я должен был согласиться.

На каком-то этапе я не уловил момента. В политике важны не только направленность, не только этап, но еще и момент. Как для любого сражения, так и тут. В феврале – эти митинги и войска на улицах. Возникла угроза диктатуры. Я увидел реальную опасность. И предложил руководителям республик немедленно встретиться в Ново-Огареве.

Но сделать это надо было, я думаю, раньше – осенью девяностого. Именно тогда и заняться поиском форм сотрудничества, по крайней мере провести круглый стол, встречи... Словом, пойти на объединение демократических сил – чтобы быстрее продвигаться по пути реформ. Тогда и в вопросах государственности, и в экономических реформах все прошло бы успешнее и с меньшими издержками. Вот это время и было потеряно.

Летом 1991 года, перед отпуском, я начал обдумывать план статьи, в которой хотелось вновь – критически и самокритично – осмыслить опыт перестройки. По приезду в Форос, перебирая взятые с собой книги, обратил внимание на заголовок одной из них: «Октябрь 1917-го: величайшее событие века или социальная катастрофа?» Среди авторов – наш известный историк, академик Павел Волобуев, которого я очень ценю.

Сразу возникла ассоциация: перестройка – это катастрофа или великое событие, прорыв для страны? Тут же позвонил А.С. Черняеву, который приехал со мной, и говорю: знаешь, вот в этом ключе мы должны осмыслить тему. Потому что со всех сторон раздаются голоса: продались империализму, погубили страну, все это из-за нового мышления и т.п. Так что же, перестройка – это катастрофа или то, что нужно нам, то, что должно дать кислород огромной стране, этому огромному миру? Вот откуда пошел импульс. К 12 августа статья была готова. Потому что многое было уже в голове и сразу легло на бумагу.

Кстати, тогда с оттенком розыгрыша я спросил своего помощника: а ты скажи, кому принадлежат слова: «Не все, что после этого, по причине этого»? – Ну что ж, скажу: «Энгельс!» – Верно! Но тогда еще один вопрос: а какое отношение это имеет к нашему сегодняшнему разговору?

– Я все понял...

– Вот, вот! Сейчас много развелось политических мошенников, предпринимающих попытки дискредитировать политику перестройки, последовательно делающих эту грязную работу. И чем труднее будет ситуация в обществе, тем нахальнее и развязнее они будут себя вести. Надо людям помогать понять суть вопроса! Так что статья нужна.

**Еще
об августовском
путче и его
последствиях**

Читатель уже заметил: почти во всех интервью, беседах возникала тема августовского путча. О событиях того времени, о том, что пришлось пережить, я уже рассказал в своей книге. Но тема эта волнует и сегодня. Как могло произойти подобное? Почему эти люди оказались на ключевых постах в государстве? Были ли симптомы готовящегося путча? От Ю. Щекочишина я услышал и такие детали, о которых не знал. Приведу эту часть беседы с ним по возможности более полно.

– Доходила ли до Вас правдивая информация о том, что происходит в стране? – спросил собеседник.

– Доходила и информация, и, к сожалению, дезинформация. Как теперь ясно, это делалось целенаправленно на протяжении последнего года – хотели подвести меня к введению чрезвычайных мер. Не только целенаправленно подбирались тенденциозная информация, но даже события организовывались так, чтобы потом на их основе эту дезу создать.

– То есть как это? – спросил он.

– А так: выехать куда-нибудь по поручению ЦК Компартии России; организовать – где встречу с партийными секретарями, а где удастся – с рядовыми коммунистами (правда, это хуже удавалось – легче с секретарями), и потом резолюция с протестом, с требованиями ко мне. Ультимативные требования! А я чувствовал, что эти резолюции написаны в Москве, до выезда на место.

– А вы знаете, что на митинги в Литву – для массовости! – привозили целые автобусы «митингующих» из Белоруссии?

– Этого я не знал. Кстати, требования оттуда, из Литвы, еще до январских событий шли очень жесткие. И не только из партийных структур. Реальные трудности – то же беспокойство отставных или действующих офицеров – переплетались с теми, что рождались в кабинетах на Старой площади. Требования шли довольно жесткие – ввести президентское правление...

– Михаил Сергеевич, – сказал Щекочихин, – а для меня и сейчас кое-что остается загадкой. Я опубликовал 10 июля статью «Литовская карта» – о зловещей роли КГБ, которую он сыграл во время январских событий в Вильнюсе, и в тот же день, десятого, направил вам письмо... Дошло ли оно до вас?

– О чем?

– Письмо с требованием отставки Крючкова и о том, что еще он может устроить...

– Знаете, таких писем шло много. Да что тут отдельные сигналы! Вы возьмите события начиная с российского съезда, потом XXVIII съезд, помните, какая там возникла ситуация и какие бои пришлось выдержать? Пленум за пленумом – и все время изнурительные бои. Уже было видно, как поднимаются реакционные силы...

– Но я писал конкретно о Крючкове! Потом, спустя несколько дней, меня поддержали несколько академиков, направив вам письмо с аналогичными требованиями: Шаталин, Петраков, Арбатов, Рыжов.

– О чем?..

– О том же, о чем и я. Требовали отставки Крючкова – как лидера будущих заговорщиков.

– Как-то не отложилось в памяти...

– Об этом сообщалось в газетах и в «Вестях». Может быть, до вас эти письма все-таки не дошли? Их от вас скрыли?

– Возможно. Но тема заговора все время возникала. Мне даже звонили руководители зарубежных правительств: к нам доходит информация, что будет переворот.

– Кто, например, звонил?

– Вдруг срочный звонок от президента Буша: «Есть информация... Ты извини, я не могу скрывать от тебя, должен сказать – может быть, это и несерьезно, но сегодня ночью будет переворот».

– Да, все чувствовали, что они на это пойдут.

– Но все-таки и мы все свое дело сделали. Считаю, что свою миссию я выполнил: общество уже стало таким, что всякая попытка переворота была обречена. И потому думал, если у тех, кто намерен совершить переворот, присутствует хоть доля здравого смысла, даже ради собственных шкурных интересов они должны были просчитать на пять-шесть шагов вперед и понять: они будут посрамлены и разгромлены.

– Тем не менее, когда все случилось, это было для Вас неожиданным? Как Вы уже не раз говорили, Вы переживали не только из-за самой авантюры, а и из-за того, что на нее пошли люди из Вашего близкого окружения.

– Безусловно. Я говорил и об огромном нравственном ущербе. Взять хотя бы того же Крючкова. Сейчас делаются попытки доказать, что это был ограниченный, недалекий человек...

– Ну нет. В результате работы комиссии по расследованию деятельности КГБ выяснилось, что он по-своему и тщательно ко всему готовился. Так, стало известно, что постоянно прослушивались телефонные разговоры не только Яковлева и Шеварднадзе, но и людей из Вашего ближайшего окружения. Например, разговоры Виталия Игнатенко. Как мне стало известно, в сейфе Болдина были обнаружены целые тома записей разговоров Игнатенко с Яковлевым, Шеварднадзе, с Вами... Даже разговоры Лукьянова.

– И его подслушивали?

– Да. Не знаю, слушали ли разговоры в кабинете, в котором мы сейчас сидим?

– А черт его знает. Сейчас уже ни в чем нельзя быть уверенным, но тогда думал, что на это они не пойдут. Но я хочу продолжить о Крючкове лично. Для меня в значительной мере, помимо того, что знал я, имело значение, что его поддерживал Андропов.

– А для Вас мнение Андропова было очень важным?

– При всех недостатках Андропова – я не хочу идеализировать его (и его идеологические позиции, и участие в борьбе с диссидентством – это мне все было ясно) – это был человек с большим интеллектом и решительно настроенный против коррупции. Я с ним связан был долго. Не скажу, что у нас с ним были очень близкие отношения, но я его хорошо знал, и мы встречались регулярно. Крючкова, к которому Андропов относился

хорошо, я поэтому и взял. А где для этой сферы брать людей? Отношение Андропова к Крючкову было для меня критерием. Примитивизировать никого нельзя. Разве назовешь ограниченным человеком Крючкова, Лукьянова?

– Янаева я бы все-таки назвал.

– Янаева я знал не так хорошо. Но в конце концов дело не в этом. Главное все-таки – их политические позиции. Они почувствовали, что идет за новым проектом Программы партии, куда ведет ново-огаревский процесс, и в этой новой жизни они себя не видели. То есть выявились уже глубокие расхождения.

– Я до сих пор не понимаю, почему они полетели в Форос.

– Второй раз?

– Да, когда уже было все ясно. Зачем? Упасть в ноги? Или что? Я не вижу логики в этом поступке.

– Я тоже.

– Для Вас этот визит тоже загадочен?

– Конечно. Может, они рассчитывали, что раз не пошли на кровь, то все и забудется? Но это уж слишком. Нет, наверное, то была просто паника. И запаниковали они сразу же, как только о себе объявили. Когда они в Форос приехали в первый раз, а потом пустили слух, что Горбачев болен и так далее, они поняли, что уже за это придется отвечать! И начали сдавать позиции. У них был разработан вариант по типу отставки Хрущева.

– Боюсь, могло случиться и хуже... Еще 19-го мы в редакции узнали, что могло быть сообщение о том, что Горбачев психически болен... А были ли для Вас среди гэкачепистов фигуры неожиданные? Или Вы могли предположить, что заговорщиками станут именно они?

– Я все-таки не думал, что они пойдут на путч...

– Почему вы не предприняли превентивные меры, получив через Бессмертных предупреждение от господина Бейкера о готовящемся путче, а президенту Бушу сообщили, что здесь все спокойно? – спросил Щекочихин.

– Для меня это сообщение не послужило новостью. Разве не видно было, как проходили последние партийные форумы, на которых постоянно провозглашали: «Долой Горбачева!»? А последний пленум, где 32 секретаря составили коллективный протест против Генсека? По мере того как власть уходила от партии к народу, сопротивление становилось более жестким. Моя задача

состояла в том, чтобы сдержать этот процесс до тех пор, пока партия перестанет представлять опасность для народа и не уступит полностью дорогу демократии. Ведь когда в Форосе гэкачеписты изложили мне свои требования, я им ответил, что нового для меня в смысле оценки обстановки они ничего не привезли. С этим же две недели назад уехал из Москвы. По-прежнему стою, сказал им, за подписание ново-огаревского Договора о взаимодействии республик, за реформирование партии, для чего и назначен съезд в ноябре, за осуществление антикризисной программы в экономике. Вы, говорю им, не согласны? Что ж, пусть нас рассудят народ, сессия Верховного Совета, Съезд народных депутатов, наконец. Для того и существуют демократические институты. Да нет, была бы у них голова на плечах, наверное, прежде всего они подумали бы обо всем этом. В чем тут я действительно ошибся, так это в том, что не мог предположить такой безмозглости...

Подбор кадров

В интервью для «Московской правды» (опубликовано 24 декабря) также была затронута проблема моей ответственности за «подбор кадров». Меня тогда спросил корреспондент газеты:

– Михаил Сергеевич, одна из загадок времени – Ваш принцип личного подбора кадров. Ведь всех своих оппонентов Вы сами вызвали на большую политическую арену. Как можно объяснить такой выбор «союзников»?

– Разгадка проста. Я за то, чтобы во всем превалировал политический процесс – свободный выбор, обмен и плюрализм мнений. Раньше мы все были опутаны паутиной лжи. Мы все врали друг другу, захлебываясь от восторга, лицемерили, определяя морально-политический облик каждого человека, радостно голосовали за единое решение... Но вот подул ветер демократических перемен, а с ним наступило пробуждение гражданской совести. Появились разные течения в политике, стали формироваться индивидуальные точки зрения. Меня привлекает достойный оппонент, если к тому же он обладает политической культурой. Хуже политический монополизм, который приводил к загниванию общества. Мы видели это на примере Москвы в период правления Гришина и Промыслова, встречали это явление

в Казахстане и на Украине. Да где только этого не было! Я всегда стараюсь стать на позицию своего оппонента и, если есть чему поучиться у него, с удовольствием это делаю. Кроме того, демократическая разносторонность показала, кто есть кто. И мы воочию увидели лицо каждого из нас. Я лично расположен к сотрудничеству за одним столом с представителями разных партий, кроме, разумеется, тех, кто откровенно проповедует реакционные идеи.

**Мы выстрадали
новую
национальную
политику**

Во всех моих беседах и переговорах в декабре так или иначе возникала проблема *национальной политики*, ибо она прямым образом связана с главной моей заботой в то время – с судьбой Союза.

Новая национальная политика далась нам нелегко. Через многое надо было пройти, перестроить в своих головах и нам, политикам, и в обществе. Много в принятии тех или иных удачных или неудачных решений зависело и от огромного давления, которое оказывается на политиков.

Да и новые национальные лидеры должны были набить шишки, приобрести необходимый опыт, частенько и горький.

Отношения между республиками – это самый больной вопрос, который мучил меня в последние годы. Когда мы беседовали с В. Третьяковым, зашла речь о предложениях В. Чалидзе по национальному вопросу у нас в стране. Статья В. Чалидзе, опубликованная в «Московских новостях» в 1989 году, натолкнула меня на мысль, что, реформируя наше государство, мы должны иметь в виду возможность дифференцированных связей в новом Союзе. Я давно понял: если мы не будем реформировать наше многонациональное государство, то реформы задохнутся. При всех несомненных достижениях предшествующей национальной политики – а они есть – она могла существовать только на известном этапе, да и тогда всех держать в узде не удавалось. Вспомните, какие были репрессии, просто подавляли многое. Такую национальную политику дальше нельзя было вести в этом государстве. Для меня это было ясно.

Уже на ранних стадиях перестройки, когда наблюдал реальные процессы и изучал решение национального вопроса в других странах, я не раз мысленно возвращался к истории Российского государства, обдумывал отношения, например, с Финляндией. Ведь многие прогрессивные деятели до революции обращали внимание на деятельность финского парламента, говорили, что здесь, может быть, отрабатывается то, что понадобится для всей России. Действительно, царь допускал одни формы отношений – с Закавказьем, другие – с Польшей, третьи – с Финляндией, с Бухарой – иные и так далее.

Я интересовался, что в Канаде происходит, обращался к истории гражданской войны в США. Изучал, как эти вопросы стояли или стоят в других странах, занимался типами государств, например, конфедерации – когда были, почему от них отказались. Есть конфедерации, которые на самом деле федерации. Словом, материала в моем распоряжении было много. Я старался его передать и руководителям республик, и политикам здесь, в Москве. Мои взгляды формировались в широком общении со специалистами, с представителями республик.

К сожалению, на волне демократических процессов и используя их, сильно вышли вперед движения сепаратистского толка. Жизнь опережала нас, мы не успели по-настоящему проработать проблему дифференцированных связей в новом Союзе. Все смешалось, мы втянулись в политические дебаты, не смогли отсечь одно от другого и, откровенно говоря, потеряли время.

Затем, после выборов, после формирования новых Верховных Советов, и особенно в связи с приходом Ельцина на пост главы Верховного Совета России, развернулся очень острый этап, связанный с суверенизацией. Началась дезинтеграция, возникли нестыковки законов, война законов. Берите, сколько проглотите, как хотите, так и живите, заявил Б.Н. Ельцин. При всем демократизме и большой содержательности части этих лозунгов, они вызвали и много такого, что мы теперь, увы, пожинаем.

Мы выбились из нормальной колеи, запоздали, и этот процесс принял хаотические формы. В результате оказались в нынешней ситуации. И сейчас я не могу взять на себя всю ответственность за то, что мы не смогли ввести в нормальное русло преобразование государства, за то, что произошло. В политическом противоборстве руководители и Верховные Советы республик начали

эксплуатировать также и национальный вопрос. И этим еще больше осложнили весь процесс реформ.

Вспомните, как у нас все развивалось. Осенью и ранней зимой так и не удалось составить бюджет Союза и республик, договориться, как будем вести дела в экономике. С трудом вышли на решение (причем не лучшее!) после IV Съезда народных депутатов СССР. Зима и весна 1991 года были такими, что стало ясно: если не перешагнуть через препятствия, которые разделяли политиков, особенно тех, кто у руководства республик и Союза, то можно было ожидать очень крупного и опасного раскола во всем обществе. Все было очень остро. С одной стороны – призывы: «Долой!» Идти на Кремль и вешать коммунистов... А с другой – ситуацию можно спасти только чрезвычайными мерами. В общем, было видно: происходит нечто такое, что нужно немедленно остановить. 23 апреля был сделан для этого первый шаг... И когда сошлись и обсудили, то поняли: по сравнению с задачами, решения которых ждет страна, вся эта возня – я, может быть, грубо говоря, – все это противоборство между политиками имеет подчиненный характер. Речь все-таки идет об *общенациональной* цели.

То, с чем мы столкнулись, – это уже политические амбиции, влияние сепаратистских сил. Но это не народные и не национальные интересы. Национальным интересам отвечает то, чтобы данное союзное государство было реформировано, но сохранилось как союзное.

С весны 1990 года я спорил и доказывал, что нам нельзя разделиться. Надо перераспределить полномочия.

Я был уверен, что решение надо было искать в рамках реформирования Союза. И соответственно действовал. К началу августа проект Договора был согласован и его решили подписать. А из-за путча многие решили, что самозащиту и самосохранение можно найти только в полной независимости. Усиление дезинтеграции оказало большое влияние на умы и настроения людей. Некоторые демонстративно начали трактовать независимость как отход от Союза – с целью, мол, оградить себя от того, что проявило себя в путче и что несло угрозу потери суверенитета.

Последовавшие вслед за этим выборные кампании и политические шаги, сделанные политиками в атмосфере предвыборной

борьбы, привели к тому, что кое у кого из них мосты уже сожжены: стремясь выиграть выборы, они изменили свои позиции.

Об этом мы тоже говорили с Юрием Щекочихиным. Было ли для меня неожиданным, спросил он, столь быстрое изменение позиции бывших товарищей по партии?

– Здесь все серьезнее, – ответил я. – Что наши с вами личные чувства, впечатления, переживания? Полтора года назад я говорил: не дай Бог, чтобы народ Украины поддержал сепаратистов, чтобы дело дошло до противостояния русских и украинцев. И вот такая угроза стала реальной. В чем тут дело? Прежде всего, конечно, сказались тяжелые последствия путча, его воздействие на общество. Но не только это. В дни путча и после него некоторые заявления и действия руководства России, которые подстегнули размежевание, подтолкнули дезинтеграцию. Недоверие стало усиливаться, а отчуждение – нарастать. Сыграло свою роль и то, что политики в республиках сочли (я убежден, что это иллюзия), что социально-экономическая ситуация у них легче, а снабжение лучше. И провозглашение независимости даст им возможность на трудном переходе к рынку получить какой-то выигрыш для себя. Я же думал, что с выходом из Союза ситуация, наоборот, сильно усложнится и что это проявится в ближайшее время.

В беседе со мной 12 декабря среди редакторов газет и журналистов было немало тех, кто в распаде СССР не видел большой трагедии. Такое у меня сложилось мнение. И поэтому помимо собственных аргументов по поводу того, что сулит расчленение России, я сослался на доводы выдающегося мыслителя Ивана Александровича Ильина, высланного вместе с другими в 1922 году за границу: «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся Вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. И это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы

и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и “опорных пунктов”; мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое “аннексирование” неустроенных и незащищенных новообразований...» Это не я говорю, это – не мои слова.

И далее: «...мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество “свободы”, “демократии” и “федерализма” – российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на “процветание”, врагам России – на торжество».

«Народы бывшей России, расчленийтесь!»? Если будет утверждаться этот лозунг, «то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие бразды правления, погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмищений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия».

Вот этого не надо допустить ни в каких вариантах. Думаю, что мы делаем ошибку, вот почему я так серьезно обеспокоен. Наблюдая за реакцией общества на Минские соглашения, с ужасом и тоской осознал: наши люди еще не понимают, что лишаются страны.

После Крыма – другой человек?

В интервью для программы Антенн-сет французская журналистка Анн Сенклэр напомнила мне о словах, сказанных по возвращении из «форосского плена»: я, мол, вернулся другим человеком. «В чем Вы изменились?» – спросила она. Вот мой ответ: люди в этой стране являются частью мировой цивилизации. Необходимо реформирование всех сфер жизни на базе глубоких демократических преобразований. Это было и остается моим выбором, и в этой части Горбачев не изменился. Но путч помог мне извлечь уроки.

Очень суровые уроки. Самой большой моей ошибкой было то, что я позволил втянуть себя в дискуссию и в политическую борьбу между различными течениями демократов. Выясняли нюансы. В то время как перед нами была огромная страна, которая нуждалась в политических ответах. И надо было объединять все демократические течения, встать выше политических страстей, отдельных привязанностей. Здесь и моя ошибка.

Анн Сенклэр развивала тему: «Вы изменились. От чего наиболее важного Вы отказались? От чего было труднее всего отказаться? Готовы ли Вы отказаться от Ленина на Красной площади и готовы ли Вы к переносу тела Ленина в другое место?»

– Я исповедую социалистическую идею. В христианстве тоже вижу стремление к лучшей жизни. Вижу ее в исканиях Кампанеллы, Томаса Мора и других мыслителей, в разных общественных течениях. Пока люди думают о своей судьбе, о смысле пребывания в этом мире, они будут продолжать искать ответы на вопрос, как улучшить жизнь. Если они перестанут искать, они перестанут быть людьми. Я лично думаю, что это – самое главное в социализме. Это – поиск лучшей жизни, более справедливой. Я – за такой поиск. В этом смысле я неистребимый социалист. Глубоко уважаю Ленина и знаю драму этого человека. И в словах, сказанных им, в его последних словах – о том, что он изменил точку зрения на социализм коренным образом, мы видим, что этот великий человек осознал, увидел под конец жизни, что происходило под его руководством, что происходило такое, чего он никоим образом не хотел и не должен был делать, будучи социалистом.

Знаю очень много фактов, которые могут сделать Ленина менее популярным, но это не снимает того, что он был величайшей фигурой, великим мыслителем, выдающимся политическим деятелем. Даже его ошибки служат важным уроком.

А что касается Мавзолея... знаете, я вообще категорически против каких бы то ни было актов вандализма, особенно грабительства.

Когда я нахожусь в Испании и вижу памятник Франко, понимаю испанцев, потому что это – их история. У нас тоже своя история состоялась. И Ленин является ее частью. Если бы я жил в то время, если бы участвовал в принятии решения, я бы был на стороне тех, кто хотел, чтобы тело Ленина, его прах, был захо-

ронен по-русски. Но сегодня я бы советовал быть очень внимательным к памяти этого человека и, главное, к отношению людей к нему. Пусть люди, общество сами спокойно сделают выводы. Эти вопросы не решаются поднятием руки.

Отношение к Ленину

Вспоминаю один разговор «по душам» – речь тоже зашла об отношении к Ленину. Мы были воспитаны на Ленине, и к нынешнему пониманию его роли надо было прийти...

Где-то в начале 83-го года Андропов неожиданно сказал: а что, если тебе сделать доклад о ленинской годовщине? Образовали группу, которая должна была помочь в работе над материалом, стали обсуждать концепцию. Потом в какой-то момент я все прекратил. То, что предлагалось, – все это мне не подходило. Уже тогда я был переполнен иными идеями, уже тогда. И моя мысль не укладывалась в традиционные представления.

Я решил взять совсем другой ракурс – обратиться к последним работам Ленина (как раз им исполнялось тогда 60 лет!). И решил на этом сосредоточиться. Почему? Для Ленина это момент истины. Я это и взял за отправную точку.

Думаю, Ленин исходил из правильного представления о том, что есть логика исторического процесса. Но, видя какие-то закономерности этого процесса, его движущие силы, он все же оказался в плену авангардистской концепции. Вот что, наверное, мешало ему использовать свой колоссальный интеллектуальный и нравственный потенциал, чтобы действительно реализовать выдвинутую им же формулу: социализм – это живое творчество масс. Известна также его мысль: коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех богатств, которые выработало человечество. Вот эти две формулы означают, что ты не можешь игнорировать весь опыт цивилизации, ты должен его видеть и, размышляя, всегда чувствовать себя частью этой цивилизации.

И еще, что мешало ему, – это упор на революционные методы, а не на эволюционные, на то, чтобы свергнуть, а не реформировать. Но реформы ведь могут быть самые радикальные, они

могут быть более глубокими, чем перевороты, которые часто мало осмысленны и мало что дают. Реформы же, глубоко задуманные, как раз и дают мощнейший толчок преобразованиям. И не зря всегда реформаторы оказывались в сложном положении. Или потом сами становились реакционерами, как Александр I, или... их просто убивали, как Александра II.

Возможно, в то тяжелое время выбор, в общем, был не очень большой, но все же он был. Поэтому я думаю, что в учении Ленина, в его взглядах, его позиции содержится огромное противоречие. Он не мог, как крупнейший мыслитель, не видеть реальности. И видел, и способен был анализировать. Но находился во власти определенной идеологии и не был свободен, чтобы предложить средства, как справиться с ситуацией.

И вот я думаю, мне пришлось подобное преодолеть и самому, прийти к глубокому убеждению, что надо брать за точку отсчета ту, к которой пришел Ленин в конце жизни. Ибо все последующее – это волюнтаристская утопическая модель Сталина, навязанная железной рукой, это прокрустово ложе, которое душило страну, сковывало ее силы, ее интеллектуальные и производительные возможности. Ленин понял опасность в конце жизни. Когда читаешь последние его работы, видишь: он чувствовал, что дело, которому он посвятил жизнь, под угрозой, что допущены огромные стратегические просчеты.

Кто-то (не помню кто) в этом месте прервал меня и спросил: Вам как политику много раз приходилось подавлять в себе человека? Я сказал: это постоянный процесс. Гармонизировать политику и совесть и нравственность – это то, что надо делать, но и то, что еще мы только начинаем понимать... Нам недоставало научной обоснованности, аргументированности в выборе и принятии политических решений. Но очень многое мы потеряли и оттого, что политика во многих случаях была безнравственной, антигуманной. Это так. Все мы, кто политикой занят, с этим сталкивались.

Я остаюсь убежденным сторонником социалистической идеи. И позволю себе такую претензию: сейчас я с большой убежденностью могу говорить, что это всемирное движение.

Кто я – коммунист, социалист, демократ?

Меня все время терзают вопросами: кто Вы – товарищ Горбачев? Или господин Горбачев? Коммунист, социалист, демократ? А с другой стороны – пресса: «Вот Горбачев никак не может отрешиться от социалистического выбора...» В плену ли я иллюзий?

Ю. Шекочихину я на этот счет сказал следующее:

– Никто не реализовывал специально разработанную концепцию по разрушению социализма. Мы должны прямо сказать: та концепция, которая потерпела поражение, – это модель сталинского социализма, она должна была потерпеть поражение, потому что противоречит самой сути социалистической идеи и, по существу, ее отрицает. И в то же время не будем идеализировать капиталистическое общество. А раз так, то поиски будут продолжаться на основе сближения, а не противостояния, на основе синтеза опыта всех народов. И поиски будут нас продвигать к более человечному, демократическому, справедливому обществу. Элементы социализации – они везде присутствуют. Мы часто очень примитивно разделяем мир на социалистический и капиталистический.

– Но сейчас само слово «социализм» вызывает – особенно у молодежи – неприязнь и даже ненависть.

– А у меня нет, потому что я представляю, что социализм связан с политической и духовной свободой, с уважением к культуре, с гуманизацией, с демократией.

– Но это для вас. А для тех же двадцатилетних слово «социализм», увы, больше связано со словом «очередь».

– Но хоть убейте меня: я – это я, и это мои убеждения! Я уважаю убеждения другого человека. Оставляйтесь со своими, но оставьте и мне мои. Оставляйтесь либералом, демократом, консерватором или монархистом.

Эта тема звучала и в беседе с директором Международного института сравнительных социальных исследований, *бывшим генеральным секретарем Социнтерна Г. Яничеком*.

– Поиск в рамках социалистической идеи – это глобальный феномен. Немыслимо, чтобы человечество в таких сложнейших условиях, когда среда обитания предъявляет столь жесткие тре-

бования, – чтобы в этих условиях оно не взяло все, что предлагает общий опыт, отказалось бы от него.

Ленину в рамках своего опыта, связанного с жестким историческим контекстом, приходилось и отступать, от чего-то отказываться. Но он сказал многое такое, что имеет огромное значение для наших сегодняшних размышлений. Еще в 1984 году я приводил его слова: «Социализм – это живое творчество масс». А это означает поиск, а не попытки загонять действительность в прокрустово ложе, навязывать искусственную модель.

Новое мышление направлено и вовнутрь, и вовне. Оно выражает эту переориентацию нашего мышления на общечеловеческие поиски, на опыт, выработанный всем человечеством. Идет очень трудный процесс формирования идеалов, жизненных ориентиров людей – может быть, самый сложный процесс. В конце концов, с экономикой мы как-то разберемся, тем более что идем по пути экономической свободы к смешанной экономике, реформированию отношений собственности, даем свободу крестьянам, рабочим, предпринимателям. На пути к рыночной экономике со временем все образуется, хотя дается это трудно.

Но все же рыночная экономика по-разному функционирует в зависимости от политических отношений. Почему происходит чередование у руля политической власти консерваторов и социал-демократов? Это происходит, когда ослабевает социальная защита, возникает потребность в гуманизации социальных отношений. Но на каком-то этапе оказывается, что производители, когда им нужно выйти на новый виток, нуждаются в более жестком режиме, и тогда консерваторы вытесняют социал-демократов. Потом давление на предпринимателей возрастает, и снова возвращаются социал-демократы. То есть возникает потребность в новой динамике социальных, политических отношений. Но при всех этих сменах остаются какие-то уже выработавшиеся ориентиры, от которых общество, политическая власть не отказываются.

И я задаю себе вопрос: как теперь следует относиться к формуле Бернштейна – движение все, конечная цель ничто? Мы всегда клеймили этот тезис. А теперь думаю, что Бернштейн был прав. Социализм – живое творчество, это не конечная цель, а постоянное приращение нового. Нам надо все переосмыслить

и не бояться делать выводы. А меня уже наши «твердые коммунисты» исключили из партии.

Хорошо, что мы вырвались на свободу, – без нее не может быть движения. Ситуацию, в которой находится общество, хорошо выразил наш маститый писатель Леонид Леонов, с которым я не раз встречался. Он сказал как-то:

«Ваша главная проблема состоит в том, что сейчас закладываются новые формы жизни на двести-триста лет вперед, а люди живут и хотят жить сейчас. Как совместить то и другое? Страна переживает системный кризис, надо решать стратегические задачи и вместе с тем дать почувствовать реальные перемены к лучшему ныне живущим. Люди не могут вдохновляться только образом светлого будущего».

То, что вернули человеку человеческое, – уже значит много. Нам нужно через движение к рынку дать людям почувствовать реальное улучшение условий жизни. Сейчас мы как бы опять возвращаемся к дооктябрьским нерешенным лозунгам: преодолеть отчуждение от власти, от собственности, от средств производства, от культуры. Вот где развязка.

Представьте, что стоило коммунисту выдвинуть идею общечеловеческих ценностей? По моим данным, 75 процентов аппарата ЦК были против моей позиции. Я это знал и поэтому не бросил партию. Мы вышли на новую программу социалистического типа. Осенью уже должен был состояться съезд, но путчисты помешали. Мне не жалко путчистов – жаль людей. Рядовые коммунисты оказались в тяжелом положении.

Мое положение изменилось, но я защищаю те же идеи. Когда вернулся из Фороса, пришлось выступить в Верховном Совете России, где был подвергнут оскорблениям, даже унижениям. И, надо быть до конца откровенным, не без участия Ельцина. В другое время я бы ушел. В тот момент не мог так поступить. Мне бросили фразу: опять Вы говорите о социалистическом выборе, надо метлой вымести социализм с территории страны. Ответил: не вершите быстрый суд, не впадайте в безумие. Ведь это же миллионы людей. И считаю – моральная победа осталась за мной.

Добавлю в развитие этих мыслей небольшой отрывок из *интервью итальянской газете «Стампа» (26 декабря)*.

Вопрос: Вы по-прежнему называете себя социалистом. Считаете ли Вы, что социализм все еще является проектом, в который можно верить?

Ответ: Потерпел поражение не социализм, а сталинизм в обличье социализма. Социализма у нас не было; более того, с самого начала было его отрицание, потому что социализм – это свободы, демократия, реальное участие народа в делах государства. Потерпела поражение ультрареволюционная модель социализма, которая все нивелировала и подавляла, исключая всякие поиски. Я же, напротив, чувствую себя участником коллективных поисков справедливости, свободы и демократии. И человечество будет продолжать эти поиски, которые ведутся на разных направлениях и в которых участвуют течения, исповедующие разные идеалы.

Вопрос: Можно подумать, что вы цитируете Сахарова...

Ответ: Да, теория конвергенции двух миров. Для меня очень важна мысль таких людей, как он, их моральный авторитет.

**Я не ошибся
в главном**

В последние недели 1991 года у меня было достаточно поводов для того, чтобы по самому крупному счету еще и еще раз оценить свою ответственность за политику перестройки, за то, как она проводилась и к каким результатам привела. Тем более что я знал о критических настроениях в обществе. Журналисты в эти недели не раз спрашивали меня: «Сегодня много говорят об ответственности Президента за судьбу Союза. Скажите, пожалуйста, если бы Вам представилась возможность все начать заново, какие принципиальные изменения в свой курс, стратегию и тактику и в последовательность этапов реформ Вы бы внесли?»

– В стратегии изменений не было бы, – ответил я. – Что касается политического курса, то здесь я остаюсь приверженным своему выбору. Все критические выпады в мой адрес: и страну развалил, и социализм погубил, и Восточную Европу отдал и т.д. – досужие обвинения, часто с провокационным подтекстом. Общество наше и в Восточной Европе, Европа в целом, вся планета созрели для крупных, радикальных перемен. Мир, об-

разно говоря, беременен переменами глобального масштаба. С одной стороны, цивилизация уже на другом уровне, и она сама себя лучше познала. С другой стороны, мощные импульсы дают уже развернувшиеся процессы. К жизни пробудились огромные национальные силы, которые спасают свою историю, свою культуру, свою духовность. Поглядите на те же наши республики с их мощным интеллектуальным потенциалом. Они способны взять в руки свою судьбу, они ни на кого уже не надеются, не ждут милостыни. А ведь этого же не было... Такова одна сторона в процессе накопления нового качества.

Далее, возьмем экологию. Мы оказались на грани катастрофы. Проблемы дефицита ресурсов, загрязнения воды, земли – все это сделало нас уязвимыми. Если еще добавить, что в нашем государстве функционировал тоталитарный режим, который подавлял и духовную, и экономическую, и политическую свободу, демократию, то тем более неизбежен был крутой перелом. Хорошо, что мы смело начали. Как бы ни было трудно нам сейчас – надо удержаться, даже если очень и очень будет тяжело. Но если мы попадем в струю недовольства, поддадимся настроением «долой все», то можем оказаться в ситуации совершенно непредсказуемой. Если удержимся, то можно будет сказать, что в этом сложном обществе, где надо было сломать хребет системе и демонтировать весь этот тоталитарный режим, мы обошлись самыми минимальными потерями.

Но просчеты были, и я уже об этом говорил.

Разумеется, более основательное осмысление того, что произошло за эти семь лет со всеми нами, со страной, – еще впереди. В декабре, когда развитие событий все больше наталкивало на размышления о пережитом за годы перестройки, мне не раз приходилось говорить об этом.

Виталий Третьяков в интервью со мной 11 декабря задал такой вопрос: «Если вспомнить апрель 1985 года, начало перестройки, и если очутиться вновь в сегодняшнем дне, Вы можете себя называть счастливым политиком, человеком, который счастливо провел эти уже почти семь лет?»

– С точки зрения того, – сказал я ему, – как распорядилась судьба и мне пришлось стать не просто участником, но и возглавить эти процессы, я считаю, у меня редкая судьба, несмотря

на все испытания, которые выпали мне... бремя тяжелейшее. Я не знаю счастливых реформаторов. А вот судьбой я своей доволен. Это не значит, что я доволен каждым днем или тем или иным решением. Чего только сейчас не хотят сделать из Президента. Даже омерзительно читать. И я это оставляю без внимания. Что дает силы в этой ситуации, сохраняет равновесие духа, нормальное, сбалансированное состояние – это то, что я не ошибся в главном. Я сам принял решение отказаться от той власти, которая ко мне пришла по воле истории, и встать на путь реформирования общества, тотального демонтажа всей системы.

– А все-таки Вы тогда не предполагали, как это все пойдет?

– Это я оставляю для себя. Я кое-что в эти дни уже сказал больше, чем обычно... Кто вообще знал замыслы Горбачева? А вот сейчас они выясняются. Сколько раз я слышал от наших «выдающихся» демократов: Горбачев, мол, исчерпал себя, он в плену консерваторов, он не вырвется никогда, это у него в генах сидит... Чепуха это все. Я-то как раз знаю всю эту машину. Если бы я из нее ушел, где мы были сейчас? Вы же наблюдали, как проходили последние пленумы ЦК. Это же был просто мордобой. А вспомните съезд российской компартии, когда – помните? – всех членов политбюро – к стенке! Размазать их! Раздавить!

– А Вы не преувеличивали их силу?

– Нет, нет. Это мощнейшая система. Я должен сказать, что задача сейчас состоит в том, чтобы быстрее формировать настоящий политический плюрализм. Без этого демократия жить не может. Очень важно, чтобы эти процессы шли побыстрее. Сейчас это главное. И это состояние, когда люди выбились из политической колеи, тоже содержит определенную опасность, ибо не действуют механизмы, на которые демократия должна опираться.

**Пусть история
вынесет
свой приговор**

Эту тему пришлось развивать и в беседе с журналистами многих газет 12 декабря.

На моем месте многие из наших героев давно бы бросили все. Меня испытывали и на разрыв, и на разлом. И партия мяла, и военно-промышленный комплекс, и друзья-коллеги по новому Союзу. Все. Я проявлял гибкость, и тем не менее главные идеи перестройки на всех направлениях, включая

политическую и экономическую реформы, обновление многонационального государства, – я «протащил», хотя и не без ошибок. Допускал иногда несвоевременные решения, упустил какие-то моменты, что-то неправильно оценив... Когда мне говорят: вот программы не было, этого или того не сделали, знаете, все это – от старых коммунистических подходов и стереотипов. Мол, давай модель, загоняй опять в коллективизацию или еще куда-нибудь. А я хочу, чтобы этот процесс сотворили люди, используя новые ценности, демократию, свободу и экономическую, и политическую, раскрепостившись интеллектуально.

Я думаю, на мою судьбу выпало великое дело. Главное дело моей жизни свершилось. Придут другие, может быть, лучше будут делать. Я хочу, чтобы все закончилось успехом, а не поражением.

Пусть история сама вынесет свой приговор. Мы в бурном потоке жизни, а пытаемся анализировать ее перспективы с позиции быстротечного сегодняшнего дня. Но, как говорится, лицом к лицу лица не увидать. Историки скажут свое слово. Но в главном я уверен. Процессы, которые при мне начались, нужны были обществу. Они бы в любом случае начались, но не через эволюцию, не через реформы, а со взрыва.

Мы начали реформировать наше общество, дали мощный импульс процессу его выздоровления, обновления на принципах демократии, свободы выбора, политической и интеллектуальной свободы, социальной справедливости в правовом государстве. Это было необходимо. Но это очень большая цель, и с ходу ее не возьмешь.

Я прошел через такой опыт, что считаю себя совершенно свободным. В то же время чувствую, что собранный мною капитал должен быть полностью использован во имя свободы моей страны и новых международных отношений. И я чувствую в себе достаточно сил, чтобы продолжать свою работу.

– Чувствуете ли Вы себя спокойно? – спросил меня корреспондент «Стампа» Джульетто Кьеза. – Не боитесь ли Вы, что Вас превратят в козла отпущения, если дела будут плохи?

В истории так часто бывает. Когда политики у власти терпят поражение или им не удастся контролировать ситуацию, они стараются отвлечь внимание граждан на другие проблемы, лихоградожно ищут во что бы то ни стало козла отпущения. Следовательно, нельзя ничего исключать. Первые признаки подобной

тактики уже есть. Но я чувствую себя спокойно. Провокаторы будут посрамлены и ответят по закону. Мне продолжают задавать вопрос и российские, и иностранные журналисты: не собираюсь ли я возглавить оппозицию?

Мой переход в оппозицию был бы ничем не оправданным: ни с политической точки зрения, ни с точки зрения интересов страны. Это я говорил почти во всех своих интервью в последние недели своего пребывания на посту Президента. И вновь повторил на другой день после ухода – в беседе с Джульетто Кьеца и в прощальной встрече с журналистами в гостинице «Октябрьская». Совершенно немыслимо, чтобы Горбачев выступал против политики реформ в России. Я могу давать советы, высказывать суждения, но я разделяю основной курс реформ и заявляю, что мы должны поддерживать руководство России. И я сказал об этом Ельцину.

Сейчас не могу даже представить себе мысли о переходе в оппозицию. В оппозицию чему? Демократическим реформам? Пойти против самого себя? Горбачев не таков, и это все знают.

* * *

Что чувствует человек, оказавшийся волею судеб главой государства – и в великой стране! – что он чувствует в той ситуации, в какой я находился в декабре 91-го года? Понимая, что я заканчиваю свое пребывание на посту Президента СССР, мои собеседники задавали много вопросов личного плана. Расспрашивали, как я распоряжаюсь свободным временем, что читаю, как воспринимаю музыку, как преломляются в этом восприятии мои переживания.

В последние два года жизнь набрала такой темп, что мне мало удавалось выделить времени для художественной литературы, для музыки, особенно симфонической, которую я очень люблю. Как-то во второй половине декабря, когда в Москве выступали оркестры под управлением Клаудио Аббадо, я решил все же пойти на концерт. Это был незабываемый вечер. Впервые, кстати, познакомился с музыкой Малера, да еще в таком прекрасном исполнении.

Оказывается, Малера у нас долгое время «не пускали», как и Вагнера. Поэтому практически он был недоступен нам... То, что исполнялось, – это потрясающая вещь! У меня было такое ощущение, что это о нас, о нашем перестроечном времени. Со всеми его страстями, борениями. Потрясающая музыка! Тут не только человеческие страсти, но и большие философские обобщения – на них построен весь этот концерт Малера.

Впечатление осталось очень сильное... Думал отдохнуть – не получилось. Было какое-то состояние полного отключения от всего остального, поглощенности лишь музыкой. Для меня это было как открытие... Наверное, мое тогдашнее состояние как-то соответствовало этой музыке. И Раиса Максимовна точно так же ее восприняла. Когда мы встретились после концерта с К. Аббадо – он сам захотел этого, и мы тоже хотели, ведь это сейчас мировая величина, дирижер номер один, – то Раиса Максимовна ему сказала: знаете, я потрясена этой музыкой... И спрашивает: как вы трактуете финал? У меня, говорит, осталось ощущение безысходности... Он запротестовал – нет, нет, есть выход. Он понял ее состояние. И снова повторил: есть, есть выход.

Симфоническая музыка – это, может быть, наиболее высокая форма абстракции, философского обобщения. Я воспринимаю настоящую музыку как выражение философских позиций, размышлений, исканий. Там у Малера есть такие места, особенно в первой части, когда звучат виолончели и альты, и это потрясает, ты просто долго не можешь выйти из этого состояния. И это словами не выразишь, никогда не выразишь.

В музыке Малера звучит тема жизни и смерти – я так воспринял. Тема борьбы, трагической борьбы. Есть просветление, но все на фоне борьбы. И я думаю: так ведь и в жизни – если нет движения, то все, это конец. А раз есть движение – то всегда в нем есть и противоборство, противоречие... Умение передавать это в музыке, свойственное таким композиторам, которые ощущают, воспринимают драму своего времени, своей эпохи, – это, конечно, огромное достижение человеческого духа. Малер это сумел. А Вагнер! Я ведь только в последние годы прослушал несколько вагнеровских записей. Какие вещи, какой композитор! Могут сказать, что оптимизма, уверенности он не прибавляет, скорее сомнений. Но человек остается человеком и способен сделать все, выбраться из любого кризисного состояния, пока

может и ему позволяют размышлять, думать, творить. А мы вот были скованы, нас эта система держала в узде, мы были подавлены интеллектуально, закомплексованы, и, конечно, нам было не до Вагнера. Все должно было быть просто, как дважды два – четыре.

Если же говорить о чтении... Был такой исследователь, историк, хорошо владевший пером, – Валишевский, поляк. О нем высоко отзывался Лев Толстой. Так вот, как раз в декабре я читал его книжку «Смутное время». После Ивана Грозного страна осталась в таком состоянии, с такими страстями, с такими баталиями, что это время и государство требовали сильной власти. Грозный удерживал государство жестокостью. Старший сын погиб от его руки. Престол занял младший сын Федор Иоаннович, которого считали блаженным. А государство требовало колоссальной воли, огромных способностей. И вот начинаются процессы, которые получили название Смутного времени.

Для меня такое чтение – это процесс познания, размышлений. Иногда одна фраза может натолкнуть на далеко идущие выводы, раздумья. Потом к ним снова и снова возвращаешься, сопоставляешь, сравниваешь. Моя обычная привычка – читаю сразу несколько книг. Примерно тогда же читал интересную книгу нашего историка Авреха «Реформа Столыпина». Еще несколько книг – не буду все перечислять...

Жизнь политика практически не делится на «рабочее» и «свободное» время. Независимо от того, где я нахожусь, – это всегда и процесс размышлений, всегда и работа, она продолжается в разных формах. В одном случае я в своем кабинете провожу какие-то совещания, на них обсуждаются, готовятся или принимаются решения. Это – одна сторона. Другая – это встречи с отдельными людьми. Такие встречи очень важны для того, чтобы, как говорится, держать руку на пульсе. Особенно в переломные моменты. Что думают, как себя чувствуют рабочие, как себя чувствует интеллигент, как крестьянин, а как новые эти люди, предприниматели, как их воспринимают, в каком вообще состоянии общество.

Главное, конечно, это все время получать живую информацию, иметь каналы обратной связи, чтобы видеть, чувствовать, что твоя политика дает, а в чем ее слабости, в каких коррективах она нуждается... Это непрерывный процесс. А вечерние, домаш-

ние, ночные занятия – это все-таки чтение. Читать надо, и читать много. Покидая вечером свой кабинет в Кремле, я всегда брал с собой кипу аналитических документов, газет, журналов. Старался вникнуть, что говорит наша пресса, телевидение, как они оценивают те или иные события, хотя практически не имел, конечно, возможности прочитать или посмотреть все, что нужно было бы. И наконец, пометки, наброски, подготовка к предстоящим встречам, знакомство с материалами – все это работа.

Сейчас у меня больше таких возможностей. Сожалею ли я о том, что пришлось оставить пост Президента? С первого дня пребывания у власти я начал сознательно распределять ее. Я не дорожу властью ради власти. Сейчас, в новом моем положении, у меня большие планы. Я получаю много предложений, в том числе от моих иностранных друзей, но сосредоточу свою деятельность здесь, в России.

Меня однажды спросили: почему Вы приняли премию Мартина Лютера Кинга, она ведь не самая престижная? Вам же предлагали множество других почестей. Потому что мне близко его восприятие мира. Правильно: власть – дело преходящее и не лучшее. Если бы это была «высшая ценность» – не нужна была бы мне, отдал бы ее всю. Главное другое: возродить эту страну, в которой заключен огромный мир – страдавший, измученный, деморализованный, возродить его к нормальной жизни, возродить ощущение человека человеком.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я закончил работу над книгой в феврале. Драматические события последних месяцев 1991 года уходят в историю, а жизнь продолжается, и мы находимся сегодня в совершенно новой ситуации.

Я остаюсь приверженным идее глубоко реформированного Союза как целостного государственного образования. Не могу согласиться, что распад Советского Союза был предопределен, неизбежен, поскольку-де «имперский» характер унитарного государства препятствовал обретению подлинного суверенитета республиками. Если это и была империя, то совсем особого рода: не было господствующей нации, господствовала тоталитарная административно-распорядительная система, которой были подчинены все народы Союза.

Логика перестройки неумолимо вела к подлинной независимости, отвечающей воле и коренным потребностям народов. Но это должно было произойти в контексте и взаимосвязи со всеми социально-экономическими преобразованиями страны. Ибо только в этом случае процесс суверенизации прошел бы наименее болезненно – в такой стране, где степень интегрированности давно переросла в «монолитность». Именно поэтому я все время настаивал: нельзя допустить хаотического распада страны. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе Суверенных Государств», которая первоначально встретила поддержку большинства руководителей нынешних независимых государств.

Мы многое сделали, чтобы предложить народу адекватную политику. Но многое и недооценили. В частности, силу национальных чувств и устремлений, но также и то, как национализм умеет использовать реально существующие социальные, политические, культурные и иные проблемы. Оказывается, в памяти

народов не стерлось, какая судьба многих из них постигла при сталинизме, как тогда (да и потом) кромсались границы, попирались национальная культура, обычаи, язык, превращались в декорацию, в формальность политические права меньшинств, автономий. Стоило обществу вдохнуть кислород демократизации – старые обиды вырвались наружу. И все же в основном удавалось через предложенные реформы придать национальному возрождению более или менее мирную направленность. Мы были уже на пороге подписания Договора о Союзе. Путч сорвал это. Приверженцы тоталитарного, бюрократического централизованного государства не приняли идею нового Союза и пошли на крайние шаги.

Я утверждаю, что эта идея была жизнеспособной. Даже несмотря на августовский путч, который резко подстегнул дезинтеграционные тенденции, нам удалось выйти на знаменитое заявление «10+1» и на формулировку краеугольных принципов обновленного Союза. Но, к сожалению, события пошли по другому руслу. Если воспользоваться выражением Линкольна, мы уподобились тем, кто меняет лошадей и колеса кареты посреди бурной реки.

Когда заявляют, будто другого выбора не было, – это неправда. Выбор был, и не какой-то умозрительный, взятый «из головы». Предпосылки для него появились не вдруг, не на пустом месте, а были подготовлены политически – мартовским референдумом, обсуждениями и решениями Съезда народных депутатов, согласованным проектом Союзного договора.

Почему возобладал иной сценарий – я попытался объяснить в книге. Но политика есть политика, и сетовать теперь на неблагоприятную политическую погоду или стечение обстоятельств – занятие бесполезное. Что сделано, то сделано. Пройден определенный рубеж, возникла новая реальность. Для политика это значит, что надо это учитывать и соответственно действовать. И главное – сохранить в новых условиях стержневой вектор развития в направлении демократии и реформ.

Надо теперь уберечь Содружество, сделать его работоспособным. Пусть это не союзное государство, а Сообщество государств. Но все же это политическое образование. И оно должно иметь свои институты, занимающиеся общими интересами в экономике, политике, в военном деле. Пока же Содружество остает-

ся формой с весьма неопределенным содержанием. В этом – моя тревога и забота.

Жизненно важно, чтобы сложный процесс становления СНГ не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь процесс идет в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, резкого снижения жизненного уровня. Народ встревожен, растет недовольство. Я не теряю надежды, что главы государств по-настоящему оценят жизненную важность взаимодействия, – в первую очередь для преодоления кризиса.

Ставки велики, и как никогда нужен государственный подход. А он требует первостепенного внимания созданию механизмов и институтов реальной работы на общий интерес. Для этого есть предпосылки. Неразумно пустить на ветер накопленный капитал совместной жизни народов, пренебречь преимуществами общего экономического и культурного пространства. Стремление решить свои проблемы за счет других выйдет боком. Я уже не говорю о возможных междоусобных конфликтах и соперничестве в борьбе за благосклонность окружающего мира.

К сожалению, пока что вольно или невольно новорожденные государства СНГ придерживаются кредо, что им лучше выжить в одиночку. Иначе трудно объяснить, почему так заторможено решаются (или не решаются) основные крупнейшие проблемы. Такой размеренно-упорядоченный стиль могут себе позволить члены Европейского Союза, которые давным-давно создали мощную интеграционную группировку и благоденствуют.

Но у нас ситуация совсем иная. Развал, хаос, потрясения угрожают всем в Содружестве, и предотвратить это можно только общими усилиями. Сейчас – не до политических игр. Призрачны шансы на выигрыш в таких играх. Всякие могут быть расчеты и прогнозы, но лучше соотносываться с реальным положением дел.

Время тает на глазах. Само собой ничего не образуется. Нужны координационные структуры, полномочные и пользующиеся доверием участников СНГ. Их надо создавать не мешкая. Судя по всему, нужен Совет полномочных представителей глав государств Содружества, действующий на постоянной основе. Думаю, что хорошо бы также создать на паритетных началах российско-украинскую правительственную комиссию, которая

в конфиденциальной обстановке тщательно прорабатывала бы двусторонние вопросы. По-видимому, и главам государств и правительств стоило бы собираться почаще до тех пор, пока не начнется процесс стабилизации.

В судьбе СНГ велика роль и ответственность России. Она кровно заинтересована в том, чтобы развиваться в окружении свободных, благополучных, стабильных соседей.

Демократические силы России, Украины, других независимых государств просто обязаны сделать все, чтобы вместо старого тоталитарного режима не возникло много новых, которые вполне могут стать худшими вариантами. Мелкие тирании, как правило, отвратительнее, чем крупные.

Нужны гражданский мир, общественное согласие, готовность объединить усилия хотя бы ради народного самосохранения. Не война всех против всех, хотя бы и «холодная», а согласованность и готовность идти навстречу друг другу. Это решающее условие успеха экономической реформы – перехода к рыночным отношениям. Необходимо развязать инициативу производителя, фермера, предпринимателя, торговца, госпредприятия. Учитывая масштабы госсобственности, отсутствие возможности изменить ситуацию в короткий срок, это особенно важно для госпредприятий.

Правительство реформ получит поддержку жизнеспособных сил общества, если превратит граждан из поденщиков в собственников, работающих на себя. Ничто теперь не в состоянии отменить этот основополагающий тезис: кто владеет и распоряжается богатствами страны, тот и должен определять ее политику. Преодолеть отчуждение человека от собственности – это и значит найти ключ к решению главных проблем России.

Рабочие требуют права распоряжаться конечным продуктом, частью прибылей. Этот вопрос надо решать, чтобы развязать инициативу госпредприятий. Здесь необходим и пакет защитных мер, особенно для малоимущих. При такой последовательности была бы логичной и либерализация цен.

Правда, должен сказать, что вопрос о последовательности и темпах реформ – это вечная тема споров среди реформаторов. Вчера требовали – ускорить реформы; сегодня, когда отпустили тормоза и ситуация приобрела угрожающий характер, говорят, что надо было сделать по-другому. Сперва провести приватиза-

цию, ликвидировать монополизм, создать налоговую систему, стимулирующую производителей. И теперь российское руководство критикуют за то, что оно этого не сделало. И критикуют по-делом, ибо оно повторяет ошибки предыдущих правительств.

Но в рассуждениях на эту тему слишком много некомпетентности. Не учитывают: то, что было сделано за шесть лет – причем поначалу в рамках сверхцентрализованного, тоталитарного режима, – это просто невероятно. С другой стороны, ведь и сегодня огромная масса людей выступает против частной собственности. Критикам проще: они могут говорить что угодно. Если ошибутся, скажут: моя задача была – привлечь внимание. А решать – тем, кому положено...

Сейчас нельзя ни останавливаться, ни пятиться назад. Общество должно и способно собрать силы и резервы, чтобы вырваться из порочного круга негодных, устаревших форм жизни. Ему трудно отрешиться от привычной российской веры в начальников и вождей. Кстати, и вожди должны наконец понять эту простую истину и перестать по-царски давать клятвы вывести «слепых» на истинную дорогу счастья. Побольше думать о том, как быстрее создавать предпосылки, которые давали бы человеку возможность реально использовать дарованные перестройкой свободы и права. Общество, надо сказать, все больше понимает, что придется полагаться на собственные силы. На это и была рассчитана перестройка. В этом – один из ее главных, принципиальных замыслов.

Первейший приоритет – сохранить демократические завоевания последних лет. Свобода слова, печати, собраний, свобода совести, разделение властей, выборность должностных лиц – этот прорыв страны в будущее должен быть развит и укреплен. Многие из тех, кто у власти, еще не умеют пользоваться доверенными им правами, нередко плоды демократии, пусть еще незрелые, беззастенчиво присваивают люди без чести и совести. А страдает от этого народ.

Как бы ни было тяжело, надо идти вперед дорогой свободы. Установление диктатуры, о неизбежности и желательности которой говорят и справа и слева, – гибельный путь. Железной рукой можно навести относительный, временный порядок. Иллюзия, будто таким способом можно приучить людей к свободной жизни. А без свободы не видать и достатка.

Я бы хотел ошибиться, но риск хаоса, из которого уже не выбраться демократическим путем, очень высок. Мы должны быть предельно внимательными, чтобы победа демократии не стала победой над здравым смыслом. Чтобы этого не произошло, во всем надо исходить из понимания Содружества как многонационального образования при абсолютном равноправии не только государств, но и живущих в них национальностей, а также всех граждан, независимо от их вероисповедания, традиций, обычаев и происхождения.

Мало просто подтвердить Декларацию прав человека и демократических свобод. При уникальной расселенности людей на огромных пространствах, где на протяжении веков перемешивались и пересекались судьбы миллионов семей, где десятки миллионов смешанных браков, проблема открытости границ должна быть проработана особенно тщательно. Вопрос о границах – это вопрос, обращенный и в прошлое, и в будущее. Нельзя эти вопросы решать «кавалерийскими наскоками», а тем более превращать в разменную монету национал-популизма. Нельзя забывать, что почти все европейские войны начинались на почве территориальных споров.

Не менее острой может стать проблема национальных меньшинств. Стремление некоторых новых государств конституироваться как государства национальные может поставить некоренное население этих стран в положение граждан второго сорта, спровоцировать взрывоопасные миграционные процессы. Все это может породить такие «выбросы» супернационализма, на фоне которых политические амбиции и проблемы версальской эпохи покажутся ничтожными и несущественными.

Остро стоит вопрос реформирования и сокращения армии. Это теперь – крупнейшая социальная проблема. Одновременно это проблема политической безопасности на территории всей страны, обладавшей испокон века едиными вооруженными силами.

Очень многое зависит от международных отношений СНГ с внешним миром.

Вхождение новых государств в устоявшуюся структуру международных отношений – процесс всегда непростой, особенно когда речь идет о странах, ослабленных внутренними кризисами. Неоспоримо стремление этих государств стать самостоятель-

ными участниками международной жизни, обладать всеми необходимыми для этого атрибутами, соответствующим статусом. Вместе с тем никому не дано войти дважды в одну и ту же реку: современный мир неузнаваемо изменился, и его определяющей чертой является сегодня тенденция к интеграции, объединению усилий государств.

Возможно ли, чтобы на том геополитическом пространстве, которое составлял Советский Союз, события пошли бы в противоположном направлении? Опасности такого развития нетрудно предвидеть. Речь пойдет уже не просто о распаде бывшей великой державы, а о тяготении отдельных ее частей к различным «полюсам притяжения», о новой перекройке карты мира, о формировании в новой конфигурации той же, по сути, конфронтационной модели мира, от которой мы с таким трудом отказались.

В решении этой проблемы многое будет зависеть от России, ее способности выстроить новую систему отношений со своими ближайшими соседями, от формирования целостной внешнеполитической стратегии, учитывающей и собственные интересы, и интересы СНГ, всех сопредельных государств и всех партнеров. Это возможно только на базе принципов нового политического мышления и при освоении уже имеющегося опыта его осуществления на практике.

Было бы не просто заблуждением, но непростительной ошибкой, если бы, формулируя нынешнюю и предстоящую внешнюю политику, делали это так, будто до того ничего не было, ничего существенного не произошло, что за последние годы коренным образом не были изменены и условия, и критерии международной деятельности. Российские творцы внешней политики не должны поставить себя в смешное положение изобретателей велосипеда. Это недостойно и опасно для страны.

Понятно также, что этот процесс нуждается во встречном движении со стороны мирового сообщества. Труден будет путь полного переосмысления правил, по которым мир жил до сих пор. Многие лопманские карты для плавания к новым и подчас неизвестным берегам уже не годятся. На них, случается, целые новые материки не обозначены.

Существует мнение, что мы вступаем в период новой глобальной неустойчивости, идущей вслед за крушением биполярного

мира. Однако дело современных политиков – предвидеть и нейтрализовать возможные опасности. Один из путей – создание новой по своим географическим рамкам структуры международной безопасности, включающей Россию, другие государства СНГ, и корректировка собственных концепций национальной безопасности.

Отсюда – важнейшее значение, которое имеет для всего мира процесс мирной трансформации на пространстве бывшего СССР. И сейчас, на решающем ее этапе, нужна определенная синхронизация и поддержка партнеров в критических точках усилий. Ведь в конечном счете – это вклад в общее будущее, вклад в стабильность завтрашнего дня.

Конкретно речь идет и об экстренных мерах, и о долгосрочных программах. Что-то в последнее время сдвинулось в продовольственной помощи, в поставках крайне необходимых товаров, в кредитах для стабилизации финансов. Не могу, однако, удержаться от того, чтобы не напомнить: на протяжении целого года, если не больше, я убеждал, аргументировал, доказывал своим партнерам по «семерке» и в контактах с представителями других стран необходимость, срочность оказания такой поддержки. Не могу не подчеркнуть, что принципиальный сдвиг в подходе к проблеме мирового значения был достигнут в 1991 году. Но в реализации договоренностей продолжалось топтание на месте – до тех пор, пока процессы у нас действительно не начали приобретать опасно хаотический и явно разрушительный характер.

Было упущено драгоценное время. И это тем более обидно, что понимание международного значения грандиозных преобразований в такой стране, как Советский Союз, уже было налицо, проникло не только в широкие круги общественности, но и на высокий государственный уровень.

Конечно, мы сами должны усвоить: настоящая помощь извне придет тогда, когда там окончательно, на фактах убедятся, что мы действительно взялись учиться жить по-новому, иначе говоря, как все в цивилизованном мире. Тем не менее в глобальном балансе интересов сейчас, в данный момент, акцент должен быть сделан на создании наиболее мощными государствами Запада режима наибольшего благоприятствования для возвращения России и других стран СНГ в мировую цивилизацию.

Ни мы, ни Запад не можем упустить открывшийся в результате политики нового мышления шанс. Сегодня время не бухгалтерских расчетов, а стратегических решений.

Я много думаю об этом. И все больше убеждаюсь – оказавшись в новой ситуации, я должен, нравственно обязан сделать все, чтобы помочь успеху того, что было начато в 1985 году. Сдвиги к новым отношениям в Европе и в мире привели в движение большие, ранее замороженные силы. Появились и новые возможности, и новые опасности. Поэтому все должны думать. И не с позиций политиканства – как бы себе урвать побольше в данный смутный момент, а с позиций разумного и ответственного выбора, в конечном счете – в собственных же интересах. Все, кто привержен начавшемуся движению, уже покончившему с «холодной войной», запустившему процесс разоружения, снявшему многие страхи (хотя некоторые считают, что это плохо, – видно, привыкли жить в состоянии испуга), должны и дальше идти избранным путем.

Цивилизация сегодня получает сигналы тревоги отовсюду – из всех «внешних сред», окружающих человека, – не говоря уже о не до конца отключенном сигнале ядерной тревоги. Надо осмыслить – как жить дальше? Если Запад не будет проявлять внимания к Югу, если ситуация там не будет оздоравливаться, если не будет видно, что жизнь там улучшается, пусть и не так быстро, возникнет опасный заряд, похлеще ядерной угрозы. А возможность движения к лучшему есть. Возьмите Китай. Можно за что-то критиковать китайцев, но факт остается фактом: миллиард с лишним людей там накормили и одели. Препедент колоссального масштаба. А если на Юге ситуация взорвется – все взорвется.

Всем этим и должна заняться политика, ориентируясь на XXI век. Я буду делать это в рамках международного Фонда, взявшего девиз «К новой цивилизации».

Когда я смотрю на сегодняшнюю российскую жизнь, меня охватывают противоречивые чувства надежды и тревоги. Тревоги потому, что еще не пройдена нижняя точка кризиса и не забрезжил свет в конце туннеля. Надежды потому, что в этой ситуации люди проявляют удивительное самообладание и терпение. Они надеются выйти на новую дорогу, чтобы достойно войти в двадцать первый век. Буду счастлив, если моя книга поможет в этом поиске.

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ

*В последний момент перед изданием книги я решил сделать к ней дополнение – как бы **второе послесловие**. Наиболее подходящей по теме мне показалась лекция, с которой я выступил 8 марта перед большой аудиторией в Мюнхене во время своего визита в Германию уже в качестве председателя Фонда. Там – мои размышления о сущности перестройки, об объективной логике ее развития, о том, что сделано и что не удалось сделать – и почему. У нас этот текст нигде не публиковался.*

XX век подходит к концу. Может быть, исторически он уже завершился. На наших глазах идет формирование политических, экономических, моральных очертаний нового мира. Так или иначе приходит, а может быть, уже пришло время подводить итоги.

Чем же был XX век? Это был век крупнейших, поистине революционных свершений в науке и технике, в производстве и потреблении, в развитии материальной цивилизации. Этот век породил новые формы общественной жизни. Я уверен, что все это наложит отпечаток на дальнейшее развитие мирового сообщества, на жизнь последующих поколений.

Но одновременно с этим XX век оказался и самым жестоким, самым антигуманным веком в летописях человеческой истории. Он был свидетелем чудовищных, не сравнимых с прошлым войн. Противоречащее здравому смыслу и разуму использование достижений человеческой мысли привело к созданию оружия, способного уничтожить цивилизацию, самого человека. Реальностью стал экологический кризис, масштабы которого приобретают взрывоопасный характер.

В XX веке мир оказался расколотым на противостоящие друг другу социально-экономические системы, отношения между ко-

торыми с течением времени все больше приобретали конфронтационный характер.

XX век стал веком возникновения и длительного господства небывалых тоталитарных, воистину античеловеческих режимов. Они существовали и в Европе, и в Южной Америке, и в Африке, и в Азии. Как, чем это объяснить?

Глобализация экономических и социальных процессов XX века происходила на фоне и под воздействием ожесточенной борьбы классов и наций, государств и целых континентов, через революции, войны и экономические потрясения. Конфронтационная логика этих процессов и тяжелейшее материальное состояние, в котором оказались десятки, сотни миллионов людей, позволяли манипулировать массами, навязывать им демагогические доктрины. В этих условиях и стало возможным возникновение авторитарных, диктаторских, тоталитарных обществ и режимов. В конечном счете они не могли решить, да и не решили возникавшие проблемы. А выход из создаваемого ими самими тупика искали в насилии над собственным народом или в поиске внешнего врага, в нагнетании напряженности, в развязывании военных конфликтов.

Однако канун третьего тысячелетия христианской эры ознаменовался началом поворота в мировой цивилизации. Один за другим пали диктаторские режимы. Огромные массы людей, причем в большинстве случаев не прибегая к оружию, сумели добиться того, что процессы государственных преобразований пошли мирным, демократическим путем.

Советский Союз, где шесть лет назад началась перестройка, оказался в центре грандиозных перемен конца XX столетия. Это объяснимо, ибо речь шла об огромной стране, раскинувшейся на двух континентах, о стране, в которой произошла великая революция. Но речь шла и об обществе, в котором сформировался тоталитарный режим. И наконец, о государстве, которое превратилось в державу с огромным ядерным потенциалом.

Сейчас я не собираюсь углубляться в нашу сложную, противоречивую, трагическую, беспрецедентную историю. Скажу только, что она была именно такой в силу различных внутренних и внешних обстоятельств. Отмечу здесь лишь одно из них – может быть, при нынешнем нашем разговоре, его направленно-сти, его теме, – главное.

Из опыта всех стран Европы – да и не только Европы – известно: стремление масс к прогрессу не получало должного развития в тех случаях, когда власть, проявившая стремление к диктатуре, не имела демократических противовесов. У нас, в России, гражданское общество до октября 1917 года сформироваться не успело. Существовал царистский режим. И после Октября политическая инициатива безраздельно оказалась в руках партийных структур, изначально склонных к монополизму и диктаторским методам.

Все тоталитарные режимы в чем-то схожи, но каждый имеет свои особенности. Наша система – система сталинизма, а затем постсталинизма – отличалась тем, что была всепроникающей и всеохватывающей. Сверху донизу, по вертикали и горизонтали, она сковала все общество, подавляла любое инакомыслие, используя для этого и репрессивные методы.

Однако правящая верхушка понимала, что нельзя постоянно держать миллионы людей на одном страхе. Отсюда – целая система всеподавляющей демагогии, дезинформации, изоляции общества от внешнего мира, от других стран и народов. В целях сохранения тоталитарного режима безнравственно эксплуатировались высокие идеалы – народности, равенства, справедливости, счастливого будущего для всех. Ложь облекалась в демократические декорации.

У нас была конституция, у нас были выборы, у нас были советы, многочисленные общественные организации и многое другое. Но вся их деятельность так же, как и массовые кампании и движения, от начала до конца направлялась партийными структурами, их постановлениями, их директивами, их решениями и указаниями вождей. В результате общество стало сверхцентрализованным, бюрократизированным. По существу, оно оказалось в стадии окостенения.

В бесправном положении находились не только местные органы, но даже законодательно-исполнительные органы власти республик, государств, как они именовались в конституции.

Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра. Господ-

ство государственной собственности в той или иной ее форме было полным – и в этом не должно быть никаких заблуждений, в том числе и относительно колхозов: назывались они кооперативными хозяйствами, но на самом деле они действовали в рамках тех же принципов, что и предприятия, находившиеся в государственной собственности.

Все это привело к апатии, к экономической и социальной апатии. Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее – это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине.

В обществе в такой ситуации были подорваны стимулы к эффективному труду, да и к участию в общественно-политической жизни, стимулы к предприимчивости и инициативе, хозяйственной и другой, глубоко укоренилась уравнилельная психология.

Причем – и это правда – недовольство существующим положением в обществе практически было всегда. Вы можете сказать: а в какой стране все всем довольны? Наверное, это так: общество, в котором все всем довольны, обречено на умирание. Но я в данном случае говорю о другом.

Люди не мирились с тоталитарной системой. Люди видели, что живут гораздо хуже, чем могли жить, располагая такими огромными ресурсами, такими огромными возможностями. И все время общество было в ожидании перемен. А это ожидание подкреплялось пропагандой, утверждавшей: вот-вот перемены наступят. Сменялись программы, и каждая из них твердо, надежно, со статистикой, с заключением научных центров доказывала: завтра все будет иначе, завтра все будет лучше. Это тоже сдерживало людей, не давало им пойти на решительные меры.

Такова была ситуация.

Но есть и еще одна правда. Когда ты десятилетия живешь в таком обществе, то возникают определенные стереотипы, привычки, создается своя особая культура (если это можно назвать культурой – может быть, это антикультура), свои правила и даже традиции. Участью общества была боязнь перемен. Для многих стала характерной неприязнь к новым формам жизни,

к свободе. И не только в экономической жизни, но и в духовной культуре.

И вот сейчас нас, может быть, больше всего сдерживают эти привычки, эти традиции, которые сложились за долгие десятилетия, когда мы реализовывали сталинскую концепцию организации жизни общества. И ждическая психология, суть которой можно свести к двум-трем словам: пусть думают вожди, политики, а мы подождем и посмотрим, что они нам могут дать, – живуча и сегодня. Она сказывается до сих пор. И без учета этой реальности понять нашу ситуацию невозможно.

Словом, сознание необходимости перемен в обществе зрело давно и приобретало самые разные формы. Одной из них было явление, которое получило название диссидентского движения. И его наиболее выдающимся представителем был академик Андрей Сахаров. Читая его оставшиеся без ответа письма бывшим руководителям страны, видишь, насколько точно он определил причины и последствия *общего* нашего кризиса, насколько разумными были многие его рекомендации.

Ощущение, что не все в системе было благополучно, появлялось, проявлялось после смерти Сталина не раз и в высшем руководстве страны. Предпринимались попытки частичных реформ. Но они ничего не меняли в политической структуре общества, не затрагивали отношений собственности, не затрагивали монополии партии на власть, на духовную жизнь. И поэтому все они оказались обреченными. Нужны были не меры, пусть даже и крупные; нужна была принципиально иная политика, новый политический путь.

«Так больше жить нельзя!» – эта фраза была произнесена в ночь перед мартовским пленумом Центрального Комитета партии 1985 года, который после смерти Черненко должен был избрать нового Генерального секретаря – фактически в наших условиях главу государства. Именно с этого времени, а особенно с апреля 1985 года, начала формироваться и проводиться такая новая политика, начал прокладываться новый политический путь.

Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет? Понимали ли они масштаб того, на что они идут?

Поскольку это напрямую и в первую очередь относится ко мне, я скажу: мы хорошо знали существующую систему. Знали ее изнутри. И понимали, что придется пойти далеко и что это будет не просто. Мы это чувствовали уже тогда, с самого начала.

Я хочу сказать, что развитие философии перестройки, политики перестройки прошло через ряд этапов. Это был мучительный и сложный процесс. Приходится ломать себя. Ведь прежде всего перестройка – это революция умов. Все остальное – это вторично.

Все мы были детьми своего времени, сформировались в командно-административной системе, в атмосфере, в которой жило общество. И мы были частью этого общества. Да, делая свой выбор, мы были за перемены, мы были недовольны существовавшими порядками, не хотели мириться с безобразиями, творившимися под прикрытием социалистических лозунгов. И тем не менее на всех наших инициативах и методах действий сказывались привычки, выработанные нашим прошлым опытом. Все приходилось делать с оглядкой на идеологические догмы и на возможную реакцию партии. А как партии следят за своими вождями? За каждым словом!

Однако, повторяю, принципиальный выбор был сделан. На избранном пути были неудачные попытки. Была поначалу и недооценка того, с каким обществом и с каким наследием прошлого мы встретились.

По мере того как силы старого осознавали, что им грозит, стало нарастать сопротивление и в обществе развернулась настоящая ожесточенная схватка. Политическая схватка. И только расширение демократии и утверждение гласности все же позволили нам в самых сложных условиях накапливать, наращивать потенциал демократии и тем самым создавать защитные механизмы для проведения нового политического курса, для перестройки. И делать перемены необратимыми.

В конечном счете мы и теоретически, и в реальной жизни пришли к пониманию того, что свобода, которую мы хотели дать народу, обществу, предполагает правовое государство, разделение властей, свободу слова и вероисповеданий, признание инакомыслия, многопартийность, подлинную выборность органов власти, многообразие форм собственности, включая частную, рыночные отношения и отказ от унитарности многонационального государства.

В свою очередь, возникло понимание и того, что внутри страны мы ничего не добьемся без коренного изменения отношений с внешним миром. Отсюда – новое политическое мышление, новые подходы во внешней политике, основанные на общечеловеческих ценностях, на признании взаимозависимости всех частей цивилизованного мира, на понимании жизненной необходимости прекратить гонку вооружений, покончить с «холодной войной». И еще. Наше общество, если соотносить военные расходы с валовым национальным продуктом, оказалось одним из самых милитаризованных среди развитых государств. Это деформировало не только нашу экономику, лишило ее жизненных соков, возможностей для решения социальных проблем, но это деформировало и наше сознание. Мы должны были покончить с гнетом милитаризма в нашей стране.

Я думаю, одна эта инвентаризация проблем, задач, которые сразу встали перед нами, показывает, каков должен был быть масштаб перемен и какова степень ответственности тех, кто решился пойти на их осуществление. Можно было себе заранее представить, что нас ждут тяжелые испытания.

Переломным в ходе всех развернувшихся процессов оказался год 1988-й. Именно в этом году мы приступили к глубокой реформе политической системы.

До этого мы пробовали проводить частичные реформы в аграрном секторе, в машиностроении. Мы пробовали ввести в ряде министерств новые принципы хозяйствования, дать предприятиям больше самостоятельности. Все эти пробы, все эти частные подходы ничего не давали. Все упиралось в политическую систему, ядром которой являлась партия. Партия – государство. Поэтому и нужна была политическая реформа.

Я специально говорю сейчас об этом потому, что идет слишком много споров: надо ли было так раскручивать демократию в стране? Надо ли было начинать политическую реформу, не реформировав экономику? Да, надо было, потому что все попытки реформировать экономику и все остальное общество без политической реформы, без снятия монополии партии на власть не давали результатов.

Уже в 1988 году перестройка начала буксовать. Все хорошие лозунги, и хорошая политика, и аплодисменты, приветствовавшие эту политику, – все это было, но все оставалось на месте,

ничего не менялось. Поэтому нужно было подкрепить решительность тех, кто наверху пошел на реформы. Через развертывание демократии, через проведение политической реформы, через новые свободные выборы нужно было вводить новые силы. Поддержать революцию сверху революцией снизу. Вот объяснение процессов, через которые мы прошли в 1988–1989 годах.

Иногда нам ставят в пример Пиночета, который, используя диктаторские возможности, провел реформы. Нам говорят, в Китае крепко держат власть в руках партии и тем не менее двигают реформу. У меня нет возможностей читать курс лекций на этот счет – у меня одна лекция, я располагаю ограниченным временем. Но я прошу всех думающих и мыслящих людей вдуматься в наш опыт. Я думаю, невозможно было не прийти к тому выводу, к какому мы пришли. Как бы это ни было трудно, это надо было сделать. Без политической реформы государства, без политического плюрализма, демократии, опирающейся на многопартийность, без политической свободы, без экономической свободы ничего не могло получиться.

Однако, если бы мы на XIX партийной конференции летом 1988 года прямо сказали: задача состоит в том, чтобы партию отодвинуть, убрать ее из сферы государственной, чтобы партия занималась своими, то есть политическими функциями, – готовила лидеров, готовила программы и вела работу с народом, – эта конференция провалилась бы. Потому что и в это время всем еще командовала партия.

И тогда вопрос был поставлен по-другому – о разделении властей. Это прошло. Но как только увидели, к чему ведет разделение властей, и кто чем должен заниматься, так в партии снова возникло противодействие реформам. С этого времени заседание каждого пленума Центрального Комитета превращалось в бой. Это была изнурительная, тяжелая борьба.

Надо сказать, что к этому времени демократические силы, приверженные политике перестройки, еще не сформировались. Они были слабы, разрозненны, втягивались в дебаты, взаимные упреки, обязательно старались доказать, кто из них лучший и больший демократ. А в это время консервативные силы были сплочены и тормозили процессы преобразований. Это тоже реальность, это тоже урок из нашей истории. Да и не только нашей.

И все же, несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул, люди получили свободу, в обществе развернулись демократические процессы. Они идут очень остро, болезненно, но они идут и набирают силу. И доказательством того, что они уже к середине 1991 года набрали силу, стал провал путча 19–22 августа.

Общество начало все быстрее меняться, стало иначе размышлять. При всем том, что оно перегружено тяжелыми социальными проблемами и нуждой, которую сейчас переживает весь народ, люди не хотят возвращаться назад. Они хотят идти вперед, несмотря на все трудности.

Мой собственный опыт говорит о том, что радикальные реформы не могут быть безболезненными, не могут идти гладко. Но они необходимы.

Меня часто упрекали и продолжают упрекать в медлительности, в нерешительности, в маневрировании. Между прочим, все это было: и медлительность, и нерешительность, и уж особенно маневрирование. Но я знал, для чего я все это делал.

В нашей стране продвинуться вперед, дойти до этапа, когда процессы демократизации стали бы необратимыми, можно было только не ломая общество через колено. И считаясь с тем, что происходит в головах у людей. Иначе это была бы авантюра, она была бы отвергнута, и консервативные силы немедленно смели бы с лица земли всех реформаторов в считанные недели. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы.

Но в каждой революции есть романтики, идеалисты. Им хочется, чтобы вечером мы легли спать под покрывалом тоталитарного режима, а проснулись бы утром под одеялом расцвеченной всеми цветами радуги демократии. А кто должен был и кто смог бы мгновенно осуществить такие радикальные перемены? Да еще ночью, когда не все видно, когда можно напутать... Но такие неоправданные, нереалистические ожидания сопровождают каждый коренной поворот в общественной жизни.

За время перестройки допускались, конечно, ошибки, в том числе и в тактике поведения, были просчеты. Это все было. Но я хотел бы выделить один принципиальный момент, поскольку правильное его понимание многое объясняет и в прошлом, и в настоящее время. Речь идет о соотношении политики и нравственности.

Еще на первых этапах перестройки, когда только намечалось представление о ней, когда формировался сам облик, контуры концепции перестройки, как глубоко революционного по существу преобразования всего общества, я, можно сказать, поклялся сам себе и заявил об этом публично: сделаю все, чтобы этот революционный переход в обществе впервые в такой стране, как наша, прошел мирно, без крови, без раскола на «красных» и «белых», на «черных» и «синих». Без того чтобы одна сторона видела бы свою победу в уничтожении своих противников, всех, не согласных с нею. А ведь именно такова была до сих пор политическая культура нашего общества. Но на основе этой культуры мы не можем построить, обновить наше общество, достичь тех целей, которые были выдвинуты в рамках перестройки.

Новое мышление как философия перестройки основывалось на общечеловеческих ценностях, а не на классовом подходе, который все время приводил к конфронтации в обществе, к расколу, к противоборству. Я и сейчас твердо убежден, что это была единственно правильная позиция. На протяжении всей своей деятельности я придерживался именно этой позиции. Считаю, что это – не проявление слабости, а наоборот – силы и решительности.

Но в чем уязвимость этой позиции? Слабость, скажем, этой позиции? Слабость, которая была противниками (или конкурентами – не буду сейчас сортировать их по категориям) широко использована.

Противники реформ, пользуясь напряженностью в обществе, подстрекали людей, вступая в противоречия с законом, и все это выдавалось за проявление демократии. Демократы – за демократию, демократия многое дает. Но демократией пользуются не только те, кто хочет уверенного будущего для страны, но и негодяи и политические проститутки. И как только власть пытается предпринимать необходимые меры противодействия, ее немедленно обвиняют в антидемократизме. И власть – и при мне, и сейчас – не нашла решения этой реальной политической дилеммы.

Между тем противник, скажем, политический или оппозиционные силы, – они ведь хитры в своей тактике. Они приходят на площади со своими лозунгами тогда, когда туда приходит народ, недовольный социальной ситуацией. И они пытаются как

бы слиться с народом, подстегнуть его к антиконституционным действиям. Вот тут наступают самые трудные дни для президента, для руководителя страны. Об этом я должен сказать. Это – реальный опыт, это, если хотите, наука, которая очень дорого обходится всем нам.

Президента упрекали в том, что он не использует своих полномочий. Но дело не в полномочиях президента и не в их использовании. Дело в его нравственной позиции. Раз мы признали законность плюрализма и в экономике, и в политике, во всей общественной жизни, необходимо было кончать с административными подходами, с силовым решением проблем, которые встают перед обществом. Это – тоже наука, которую мы до конца еще не знаем. Ею надо было овладевать на ходу, а это все не так просто.

Потребовался огромный запас уверенности в правильности взятого курса, запас выдержки, с тем чтобы не отказаться от первоначального выбора.

Вспоминается интересный пример из нашей российской истории. Царь Александр I в начале своей деятельности. Кто с ним был рядом? Сперанский, автор реформ России. А кто заправлял в конце царствования Александра I? Аракчеев. Аракчеевщина, аракчеевский режим. Вот как реформаторы трансформируются под давлением обстоятельств! В противоположность тому, чего они поначалу хотели, к чему стремились.

Сохранить до конца свою нравственную позицию – самый трудный вопрос. Но я решил не отступать от этого самого главного моего политического выбора.

Нравственного выбора. В конце концов, я думаю, вот эта «нерешительность» президента, его «медлительность» (в кавычки я все это ставлю), то есть моя тактика, мой подход и позволили накопить в обществе такие силы, которые, как теперь говорят, создали базу для сохранения и продвижения демократических преобразований.

И еще один вопрос.

То, что происходит в России, касается всех нас. Это должны понять все европейцы. Мы должны совместными усилиями создать новую Европу.

Меня очень волнует, что глубокие перемены, происходящие в Европе и в мире, кое у кого из политиков, политологов, науч-

ных центров, занимающихся вопросами стратегии, вызвали состояние, ну, скажем, легкой паники.

Как хорошо было! НАТО, Варшавский договор. Два миллиона солдат с той стороны, два миллиона с другой. Сферы распределены, цели выбраны. Прекрасно! Хорошо работать дипломатам, и зарплата у них подходящая. Но то, что это измотало даже такие страны, как Америка и Советский Союз, нанесло экономический и нравственный ущерб этим странам, – это должно всех заставить задуматься.

Так что же мы будем – назад возвращаться? Испугавшись первых испытаний? Нет. Я думаю, мы совместно вышли на новый путь, пошли навстречу друг другу и должны идти общей дорогой к новой цивилизации.

Я думаю, что Россия вместе с другими народами будет привержена этому выбору.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР И ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

В результате государственного переворота, совершенного 19–21 августа сего года, был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы.

Сложившаяся в стране после путча ситуация, если она выйдет из-под контроля, может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В этих условиях законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений между республиками, формирования межреспубликанских (союзных) структур власти на переходный период (до принятия новой Конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти) согласились с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о союзе суверенных государств, в котором каждая

из них сможет самостоятельно определить форму своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам независимо от декларируемого ими статуса с предложением безотлагательно заключить экономический союз с целью взаимодействия в рамках единого свободного экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства, жизнеобеспечения населения, ускоренного проведения радикальных экономических реформ.

3. В условиях переходного периода создать:

- Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик по 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами, с целью выполнения законодательных функций и разработки новой Конституции Союза суверенных государств;

- Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик;

- для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ создать временно межреспубликанский экономический комитет с представителями всех республик на паритетных началах.

Проект Конституции после его подготовки должен быть рассмотрен и утвержден парламентами союзных республик, а окончательное принятие осуществлено на съезде полномочных представителей союзных республик.

Подтвердить сохранение статуса народных депутатов СССР за всеми избранными депутатами на весь срок, на который они были избраны.

В связи с этим мы обращаемся к Съезду с просьбой временно приостановить действие соответствующих статей Конституции СССР.

4. Заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых вооруженных сил и военно-стратегического пространства, проведения радикальных реформ в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и Прокуратуре СССР с учетом суверенитета республик.

5. Подтвердить строгое соблюдение всех международных соглашений и обязательств, принятых на себя СССР, включая вопросы сокращения и контроля над вооружениями, внешне-экономические обязательства.

6. Принять декларацию, гарантирующую права и свободы граждан вне зависимости от их национальности, места проживания, партийной принадлежности и политических взглядов, а также права национальных меньшинств.

7. Просить Съезд народных депутатов СССР поддержать обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

В связи с безотлагательностью проведения указанных мер, диктуемых сложившейся ситуацией, мы обращаемся к Съезду срочно принять решение по предложенным вопросам.

Заявление подписали: Президент Союза ССР и высшие руководители РСФСР, Украины, Белорусской ССР, Республики Узбекистан, Казахской ССР, Азербайджанской Республики, Республики Кыргызстан, Республики Таджикистан, Республики Армения, Туркменской ССР.

Грузия участвовала в работе в качестве представителя.

*Опубликовано в газете «Известия»
2 сентября 1991 г.*

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР
О МЕРАХ, ВЫТЕКАЮЩИХ
ИЗ СОВМЕСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ
ПРЕЗИДЕНТА СССР
И ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК
И РЕШЕНИЙ ВНЕОЧЕРЕДНОЙ
СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

В результате государственного переворота, совершенного 19–21 августа 1991 года, был поставлен под угрозу процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами. Сложившаяся ситуация может привести к тяжелым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакции, по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В целях недопущения дальнейшего распада структур власти Съезд народных депутатов СССР объявляет переходный период для формирования новой системы государственных отношений, основанной на волеизъявлении республик и интересах народов. Съезд народных депутатов СССР постановляет:

1. В основном одобрить предложения, вытекающие из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик, Постановления Верховного Совета СССР о ситуации, возникшей в стране в связи с государственным переворотом.

2. Ускорить подготовку и подписание Договора о Союзе Суверенных Государств, в котором каждое из них может самостоятельно определить форму своего участия в Союзе. Новый Союз должен основываться на принципах независимости и территориальной целостности государств, соблюдения прав человека и народов, социальной справедливости и демократии.

3. Разработать и заключить межреспубликанские соглашения (договоры) об экономическом, валютно-финансовом, научно-техническом сотрудничестве, экологической безопасности, защите прав и свобод граждан, о принципах коллективной безопасности и обороны при сохранении единых Вооруженных Сил, единого руководства ядерным и другими арсеналами оружия массового поражения. Межреспубликанскому экономическому комитету безотлагательно приступить к разработке и заключению договора об экономическом союзе, который носил бы открытый характер, а участие в нем не обуславливалось подписанием Союзного договора.

4. Президенту СССР, Верховному Совету СССР, Государственному Совету СССР обеспечить правопреемственность власти и управления, гарантируя мирный упорядоченный переход к демократическому гражданскому обществу.

5. В переходный период должны неукоснительно соблюдаться все международные соглашения и обязательства, принятые СССР, в том числе по вопросам сокращения и контроля над вооружениями, защиты прав человека, внешнеэкономические обязательства.

Поддержать стремление республик к признанию их субъектами международного права и рассмотрению вопроса об их членстве в ООН.

6. Всем государственным органам, учреждениям, организациям и должностным лицам в переходный период обеспечить соблюдение прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР, Декларацией прав и свобод человека, законами СССР и республик, свободу печати, совести, права на создание политических партий, профсоюзов, общественных объединений.

7. Уважая декларации о суверенитете и акты о независимости, принятые республиками, Съезд подчеркивает, что обретение независимости республиками, решившими отказаться от вхожде-

ния в новый Союз, требует проведения их переговоров с СССР для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением, а также их немедленного присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, к Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другим важнейшим международным договорам и соглашениям, включая те, которые гарантируют права и свободы личности.

Съезд народных депутатов СССР

*Москва, Кремль.
5 сентября 1991 г.*

ЗАКОН СССР ОБ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ССР В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Статья 1. В переходный период высшим представительным органом власти Союза ССР является Верховный Совет СССР, состоящий из двух самостоятельных палат: Совета Республик и Совета Союза.

В Совет Республик входит по 20 депутатов от каждой союзной республики из числа народных депутатов СССР и союзных республик, делегируемых высшими органами государственной власти этих республик. С учетом федеративного устройства РСФСР она имеет в Совете Республик 52 депутата. Другие союзные республики, имеющие в своем составе республики и автономные образования, дополнительно делегируют в состав Совета Республик по одному депутату от каждой республики и автономии. В целях обеспечения равноправия республик при голосовании в Совете Республик каждая союзная республика имеет один голос.

Совет Союза формируется депутациями союзных республик из числа народных депутатов СССР по существующим ныне квотам и по согласованию с высшими органами государственной власти союзных республик.

Статья 2. Совет Республик и Совет Союза Верховного Совета СССР совместными решениями вносят изменения в Конституцию СССР, принимают в состав Союза ССР новые государства, заслушивают Президента СССР по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, утверждают союзный бюджет и отчет о его исполнении, объявляют войну и заключают мир.

Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности союзных органов, ратифицирует и денонсирует международные договоры Союза ССР.

Совет Союза рассматривает вопрос обеспечения прав и свобод граждан СССР и принимает решения по всем вопросам компетенции Верховного Совета СССР за исключением тех, которые относятся к компетенции Совета Республик. Законы, принятые Советом Союза, вступают в силу после их одобрения Советом Республик.

Высшие органы государственной власти союзных республик вправе приостанавливать на территории республики действие законов, принимаемых Верховным Советом СССР, только в случае их противоречия Конституции союзной республики.

Статья 3. Для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик, образуется на межреспубликанской основе Государственный Совет СССР. Государственный Совет СССР состоит из Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, названных в Конституции СССР. Работой Государственного Совета СССР руководит Президент СССР. Государственный Совет СССР определяет порядок своей деятельности. Решения Государственного Совета СССР носят обязательный характер.

Статья 4. Должность вице-президента СССР упраздняется.

Если Президент СССР по тем или иным причинам не может далее исполнять свои обязанности (в том числе – по состоянию здоровья, подтвержденному заключением государственной медицинской комиссии, образуемой Верховным Советом СССР), Государственный Совет СССР избирает из числа своих членов Председателя Государственного Совета СССР, временно исполняющего обязанности Президента СССР. Это решение подлежит утверждению Верховным Советом СССР в течение трех дней.

Статья 5. Для координации управления народным хозяйством, согласованного проведения экономических реформ и социальной политики союзные республики образуют на паритетных

началах Межреспубликанский экономический комитет. Председатель Комитета назначается Президентом СССР с согласия Государственного Совета СССР. Руководство общесоюзными органами, ведающими вопросами обороны, безопасности, правопорядком и международными делами, осуществляется Президентом СССР и Государственным Советом СССР.

Межреспубликанский экономический комитет и руководители общесоюзных органов подотчетны в своей деятельности Президенту СССР, Государственному Совету СССР, Верховному Совету СССР.

Статья 6. Сохраняется статус народных депутатов СССР за всеми депутатами на срок их полномочий, включая право на участие в работе Верховного Совета СССР и его органов.

Статья 7. Созыв первого заседания сессии нового состава Верховного Совета СССР осуществляется Президентом СССР не позднее 2 октября 1991 года.

На период до начала работы Верховного Совета СССР нового состава сохраняются полномочия существующего Верховного Совета СССР, сессия которого может быть созвана председателями палат.

Статья 8. Положения Конституции СССР действуют в части, не противоречащей настоящему Закону.

Изменения Конституции СССР, принятые Верховным Советом СССР, вступают в действие после их ратификации высшими законодательными органами всех союзных республик.

Статья 9. Настоящий Закон вступает в силу с момента его опубликования, за исключением статьи 2, которая вступает в действие с момента открытия первой сессии Верховного Совета СССР нового созыва.

Президент
Союза Советских Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль.
5 сентября 1991 г.

ДОГОВОР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Независимые государства, являющиеся и бывшие субъектами Союза Советских Социалистических Республик, безотносительно к их нынешнему статусу,

Выражая волю своих народов к политическому и экономическому суверенитету, закреплennую в актах, принятых высшими законодательными органами государств, к защите интересов граждан,

Желая установить взаимовыгодные экономические отношения между государствами,

Стремясь к радикальным экономическим преобразованиям и учитывая общность проблем, стоящих перед государствами в связи с задачами выхода из кризиса, перехода к рыночной экономике и с вхождением в мировое хозяйство,

Сознавая выгоды экономической интеграции, общего экономического пространства и целесообразность сохранения хозяйственных, торговых, научно-технических и иных отношений,

заключают настоящий Договор об Экономическом сообществе.

ГЛАВА I ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Статья 1. Экономическое сообщество создается независимыми государствами на основе добровольности участия и равенства прав всех его членов в целях образования объединенного рынка и проведения согласованной экономической политики как непременного условия преодоления кризиса.

Статья 2. Членство в Экономическом сообществе влечет принятие независимым государством полного объема обязательств

и приобретение всех прав, предусмотренных настоящим Договором.

Государства – члены Экономического сообщества исходят из взаимной экономической ответственности за выполнение настоящего Договора и воздерживаются от любых шагов, ставящих под угрозу исполнение этого Договора в целом или отдельных его положений.

Статья 3. Взаимоотношения с Экономическим сообществом государств, вышедших из Союза ССР и не присоединившихся к Экономическому сообществу, строятся на основе общепризнанных принципов и норм международного права. Вопросы, представляющие общий интерес для Экономического сообщества и требующие урегулирования, решаются специальным соглашением между Экономическим сообществом и соответствующим государством, которое заключается в течение не более 3 месяцев с момента вступления в силу настоящего Договора.

Статья 4. Государство – член Экономического сообщества вправе выйти из него. О своем намерении оно обязано известить остальных членов Экономического сообщества не менее чем за 12 месяцев. Выход из Экономического сообщества обуславливается урегулированием отношений по всем обязательствам, связанным с членством в нем, в соответствии со специальным соглашением.

Статья 5. Государства – члены Экономического сообщества договариваются о сближении хозяйственного законодательства, а также о проведении согласованной политики в следующих областях:

- предпринимательство;
- рынок товаров и услуг;
- транспорт, энергетика, информация;
- денежная и банковская системы;
- финансы, налоги и цены;
- рынок капитала и ценных бумаг;
- рынок труда;
- таможенные правила и тариф;
- внешнеэкономические отношения и валютная политика;

государственные научно-технические, инвестиционные, экологические, гуманитарные и иные программы (в том числе по ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф), представляющие общий интерес для Экономического сообщества;

стандартизация, патентное дело, метрология, статистика и бухгалтерский учет.

Статья 6. Государства – члены Экономического сообщества взаимно обязуются не допускать односторонних, несогласованных действий по разделу собственности, признанной ими совместной.

Состав указанной совместной собственности определяется специальным соглашением.

Статья 7. Для осуществления согласованной экономической политики и общих мер по выходу из кризиса государствами – членами Экономического сообщества создаются институты сообщества, наделяемые соответствующими полномочиями.

Статья 8. Настоящий Договор заключается сроком на 3 года. Не позднее чем за 12 месяцев до истечения указанного срока государства – члены Экономического сообщества решают вопрос о продлении, изменении настоящего Договора или заключении нового.

ГЛАВА II ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Статья 9. Государства – члены Экономического сообщества признают, что основой подъема экономики являются частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция. Они создают условия, способствующие деловой активности, и законодательно ограничивают вмешательство государства в хозяйственную деятельность предприятий.

Статья 10. Государство – член Экономического сообщества обязуется обеспечивать на своей территории одинаковый правовой режим осуществления хозяйственной деятельности для физических и юридических лиц как своего государства, так и всех

других государств – членов Экономического сообщества. Условия правового режима могут конкретизироваться на основе двусторонних и многосторонних соглашений.

Статья 11. Государства – члены Экономического сообщества обязуются проводить согласованную антимонопольную политику и содействовать развитию конкуренции в рамках их объединенного рынка.

В переходный период государства – члены Экономического сообщества осуществляют скоординированные действия по регулированию цен на продукцию, выпускаемую производителями монополистами.

ГЛАВА III ДВИЖЕНИЕ ТОВАРОВ И УСЛУГ, ЦЕНЫ

Статья 12. Перемещение товаров и услуг на территории государств, входящих в Экономическое сообщество, осуществляется свободно, на беспошлинной основе.

Ввоз товаров из третьих государств подлежит обложению пошлинами в соответствии со ставками единого внешнего таможенного тарифа Экономического сообщества.

Статья 13. Стремясь к формированию объединенного рынка, государства – члены Экономического сообщества признают недопустимость ограничений на движение товаров и услуг, обязуются в течение согласованного периода устранить их.

Статья 14. Государства – члены Экономического сообщества проводят согласованную политику перехода к свободному ценообразованию. По совместно определяемому перечню продукции государства – члены Экономического сообщества применяют согласованные цены.

ГЛАВА IV ДЕНЕЖНАЯ И БАНКОВСКАЯ СИСТЕМЫ

Статья 15. Государства – члены Экономического сообщества признают, что для выхода из кризиса и контроля за инфляцией приоритетное значение имеют согласованные действия в области денежной и кредитной политики.

Статья 16. Государства – члены Экономического сообщества осознают необходимость сохранения рубля как общей валюты единой денежной системы и согласны предпринимать усилия для его укрепления. Допускается введение государствами – членами Экономического сообщества национальных валют при выполнении ими условий, которые исключили бы возможность причинения ущерба для денежной системы Экономического сообщества. Указанные условия определяются специальным соглашением между этим государством и Экономическим сообществом.

Статья 17. Для выработки и проведения эффективной денежной и кредитной политики, обеспечивающей сдерживание роста цен и поддержание курса рубля, государства – члены Экономического сообщества учреждают на принципах резервной системы банковский союз, включающий центральные (национальные государственные) банки государств – членов Экономического сообщества, и создают межгосударственный эмиссионный банк при банковском союзе.

Статья 18. Правовой статус и порядок формирования органов управления банковским союзом определяются специальным соглашением.

Деятельность банковского союза регулируется его уставом, утверждаемым высшими органами законодательной власти государств – членов Экономического сообщества.

До принятия устава банковского союза управление деятельностью банковской системы осуществляет временное правление, формируемое на профессиональной основе Госбанком СССР и центральными (национальными государственными) банками государств – членов сообщества.

Статья 19. На банковский союз возлагаются следующие функции:

определение единых подходов к проведению денежно-кредитной политики и установление количественных параметров (лимитов) по операциям центральных (национальных государственных) банков – членов банковского союза; определение процентной ставки по ссудам, предоставляемым центральными (национальными государственными) банками – членами банковского союза коммерческим банкам;

определение резервных требований к коммерческим банкам; организация межбанковских расчетов;

регулирование курса рубля по отношению к другим валютам; распоряжение золотым запасом и валютным резервом в части, передаваемой государствами – членами Экономического сообщества банковскому союзу;

организация налично-денежного обращения, включая продажу банкнот и монеты;

регулирование общих правил деятельности коммерческих банков.

На 1992 год банковским союзом устанавливаются лимиты участия центральных (национальных государственных) банков государств – членов Экономического сообщества в кредитовании бюджетных систем.

Директивы органов управления банковским союзом обязательны для всех банков – членов банковского союза.

Статья 20. При создании банковского союза государства – члены Экономического сообщества считают необходимым определить в специальном соглашении порядок передачи в их собственность и в собственность государств, не вошедших в Экономическое сообщество, соответствующей части уставного, резервного и других фондов бывшей государственной банковской системы СССР, ее долей в акционерном капитале и в обществах с ограниченной ответственностью депозитов, а также золотого запаса, алмазного и валютного фондов.

Статья 21. Государства – члены Экономического сообщества создают на условиях равного представительства высшую банковскую инспекцию, возложив на нее:

контроль за соблюдением уставов банковского союза и межгосударственного эмиссионного банка;
рассмотрение обращений членов Экономического сообщества об ущемлении их интересов;
отмену и приостановление действия решений банковского союза, противоречащих его уставу.

Банковский союз и межгосударственный эмиссионный банк обязаны представлять по требованию высшей банковской инспекции все необходимые документы и материалы.

Решения высшей банковской инспекции, принятые в пределах ее компетенции, обязательны для исполнения банковским союзом и межгосударственным эмиссионным банком.

ГЛАВА V ФИНАНСЫ И НАЛОГИ

Статья 22. Государства – члены Экономического сообщества проводят скоординированную бюджетную и налоговую политику, что подразумевает:

согласованное ограничение дефицитов консолидированных государственных бюджетов с учетом внебюджетных фондов и установление пределов роста внутреннего долга государств – членов Экономического сообщества. При исчерпании возможности размещения государством своих ценных бумаг и в случае превышения установленных пределов одним или несколькими государствами – членами Экономического сообщества сумма данного превышения оформляется как долговые обязательства остальным его членам в соответствии с согласованными правилами;

унификацию принципов налогообложения и согласованную политику в области налогов, затрагивающих интересы других государств-членов Экономического сообщества.

Статья 23. Государства – члены Экономического сообщества считают необходимым заключить соглашение о разделении и юридическом переоформлении государственного внутреннего долга СССР по состоянию на согласованную дату между госу-

дарствами – членами Экономического сообщества и государствами, не вошедшими в него, и о порядке его обслуживания в дальнейшем. Часть долга может быть отнесена к общей ответственности государств – членов Экономического сообщества. Одновременно заключается соглашение о распределении централизованных кредитных ресурсов между банками государств. Государственный внутренний долг определяется с учетом задолженности бюджетов государств банкам по разницам в ценах на сельскохозяйственную продукцию по состоянию на 1 января 1991 г.

Государства – члены Экономического сообщества подтверждают преемственность обязательств, данных от имени Союза ССР владельцам вкладов в Сбербанке СССР, государственных ценных бумаг СССР, сертификатов Сбербанка СССР, страховых полисов (обязательств) Госстраха СССР.

Статья 24. Для финансирования совместных расходов, включая расходы на содержание институтов Экономического сообщества, государства – члены Экономического сообщества создают бюджет Экономического сообщества.

В рамках бюджета Экономического сообщества создаются специальные фонды:

- по обслуживанию части государственного внутреннего долга СССР, отнесенного к солидарной ответственности государств – членов Экономического сообщества;

- по обслуживанию государственного внешнего долга СССР и внешней задолженности Экономического сообщества (в части рублевого покрытия);

- чрезвычайных ситуаций, ликвидации последствий крупных стихийных бедствий и катастроф, таких как Чернобыль, Арал, Спитакское землетрясение и другие;

- целевых программ; финансовый резерв.

Бюджет Экономического сообщества формируется за счет взносов его членов, определяемых в виде фиксированных сумм. Размер и порядок формирования фиксированных взносов определяются специальным соглашением членов Экономического сообщества.

Бюджет Экономического сообщества не может быть дефицитным.

Ежеквартально Межгосударственный экономический комитет докладывает совету глав правительств государств – членов Экономического сообщества об исполнении бюджета.

Статья 25. Государства – члены Экономического сообщества могут создавать внебюджетные фонды для финансирования целевых программ. Внебюджетные фонды Экономического сообщества не могут быть дефицитными.

Статья 26. Государства – члены Экономического сообщества признают необходимость реализации целевых программ содействия развитию отдельных регионов и социальной поддержки их населения. В этих целях они создают соответствующий фонд за счет отчислений согласованной доли произведенного на их территории национального дохода (валового национального продукта) в текущих ценах. Деятельность данного фонда регулируется специальным соглашением и уставом.

Статья 27. Государства – члены Экономического сообщества договариваются, что регулирование движения денежных средств и других финансовых ресурсов, выпуска и обращения ценных бумаг в рамках Экономического сообщества будет осуществляться в соответствии со специальным соглашением, не исключающим свободного движения капиталов.

ГЛАВА VI РЫНОК ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ГАРАНТИИ

Статья 28. Государства – члены Экономического сообщества стремятся к реализации принципа свободы движения рабочей силы на территории государств – членов Экономического сообщества и будут последовательно создавать для этого условия, включая формирование рынка жилья.

Статья 29. Государства – члены Экономического сообщества не допускают дискриминации граждан по национальному признаку или по иным признакам в вопросах предоставления рабо-

чих мест, оплаты труда, обеспечения других условий работы, а также предоставления социальных гарантий.

Государства – члены Экономического сообщества взаимно признают подтверждаемый соответствующими документами уровень образования и квалификации работников, получивших их в других государствах – членах Экономического сообщества, и не требуют дополнительного их подтверждения при приеме на работу или учебу, если это условие не является обязательным для всех.

Государства – члены Экономического сообщества соглашаются на безвизовый режим перемещения их граждан в рамках территории этого сообщества.

Статья 30. Государства – члены Экономического сообщества заключают специальные соглашения по регулированию миграционных процессов и взаимных обязательств в области социального страхования, пенсионного обеспечения граждан государств, входящих в Экономическое сообщество.

ГЛАВА VII ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКА

Статья 31. Государства – члены Экономического сообщества договариваются о координации внешнеэкономической деятельности и валютной политики.

Статья 32. Экономическое сообщество, являясь правопреемником всех внешнеэкономических обязательств Союза ССР, равно как и обязательств других стран перед Союзом ССР, гарантирует их выполнение. Каждое из государств – членов Экономического сообщества, вступая в него, подтверждает свое участие в совместном выполнении этих обязательств.

Члены Экономического сообщества создают банк, являющийся правопреемником Внешэкономбанка СССР, и через него производят расчеты, связанные с погашением внешнего долга и получением Экономическим сообществом долгов от других стран.

Экономическое сообщество берет на себя урегулирование всех отношений по поводу внешних долгов с каждым субъектом Союза ССР, не вошедшим в Экономическое сообщество.

Члены Экономического сообщества считают необходимым заключить специальное соглашение об определении доли каждого субъекта прежнего Союза Советских Социалистических Республик в общей сумме выплат по внешнему долгу Союза ССР и в сумме долгов других стран Союзу ССР по состоянию на согласованную дату.

Указанные доли используются для расчетов по погашению долгов с государствами, не пожелавшими присоединиться к Договору либо выходящими из Экономического сообщества. Эти государства осуществляют расчеты с Экономическим сообществом вплоть до полного погашения приходящейся на них суммы долгов.

В случае если государство, не пожелавшее присоединиться к Договору, выходящее из Экономического сообщества либо состоящее в нем, достигает соглашения со всеми кредиторами о переоформлении приходящейся на него части общего внешнего долга, то допускается погашение указанной части долга самостоятельно этим государством.

Статья 33. Новые внешние займы Экономическое сообщество получает на основе согласованного решения всех государств – членов Экономического сообщества.

Государство – член Экономического сообщества имеет право самостоятельно получать внешние займы со всеми вытекающими из этого обязательствами по обслуживанию и погашению указанных займов.

В таком же порядке осуществляется предоставление Экономическим сообществом либо отдельными государствами – его членами кредитов или иной экономической помощи иностранным государствам.

Статья 34. Государства – члены Экономического сообщества, использующие общую денежную единицу, согласны в том, что ближайшей целью этого сообщества является достижение внутренней конвертируемости рубля. Они обязуются осуществлять необходимые подготовительные меры на основе согласованной программы перехода к внутренней конвертируемости рубля.

Статья 35. До перехода к внутренней конвертируемости рубля государства – члены Экономического сообщества признают необходимость установления единого порядка аккумулярования валютных поступлений для обслуживания внешнего долга.

Статья 36. Государства – члены Экономического сообщества самостоятельно регулируют внешнеэкономическую деятельность, квотирование и лицензирование внешнеэкономических операций в пределах согласованных квот.

Статья 37. Государства – члены Экономического сообщества договариваются о сохранении единой таможенной территории Экономического сообщества и проводят согласованную таможенную политику относительно третьих стран.

Вопросы, связанные с порядком установления и взимания в соответствующие бюджеты таможенных пошлин, налогов на экспорт и импорт, решаются специальным соглашением.

Статья 38. Государства – члены Экономического сообщества договариваются об общем членстве в Международном валютном фонде, Международном банке реконструкции и развития, Генеральном соглашении по торговле и тарифам и других международных экономических организациях и подтверждают правомочность соответствующих заявок, сделанных от имени Союза ССР.

Государства – члены Экономического сообщества могут быть также индивидуальными членами этих организаций.

Статья 39. Государства – члены Экономического сообщества самостоятельно проводят политику в области иностранных инвестиций, а в необходимых случаях координируют ее. Государства – члены Экономического сообщества координируют также свои действия в области технической, консультационной и других видов помощи иностранным государствам и международным организациям.

ГЛАВА VIII

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья 40. В государствах – членах Экономического сообщества верховенство имеют законодательные акты этих государств. Физические и юридические лица, занимающиеся хозяйственной деятельностью на территории этих государств, руководствуются их законодательством.

Статья 41. В период действия Договора государства – члены Экономического сообщества согласны сближать нормы своего хозяйственного законодательства с целью создания наиболее благоприятных и равных условий для предпринимательства и свободной торговли на всем пространстве Экономического сообщества. Они обязуются обеспечить соответствие своего законодательства нормам международного права и актам Экономического сообщества.

Статья 42. В случае если настоящим Договором, соглашениями к нему или нормативными актами, принятыми институтами Экономического сообщества в пределах своей компетенции, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве государств – членов Экономического сообщества, то признается приоритет Договора, соглашений и нормативных актов Экономического сообщества.

Статья 43. В течение периода, необходимого для урегулирования всех сторон экономической жизни, законодательством государств – членов Экономического сообщества временно используются по неурегулированным вопросам в согласованном порядке акты законодательства Союза ССР в части, в которой они не противоречат настоящему Договору и соглашениям.

ГЛАВА IX ИНСТИТУТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Статья 44. Институтами Экономического сообщества являются: Совет глав правительств государств – членов Экономического сообщества;

Межгосударственный экономический комитет; Банковский союз; арбитраж Экономического сообщества.

Институты Экономического сообщества формируются на профессиональной основе из представителей государств-членов Экономического сообщества.

Статья 45. Высшим координационным органом Экономического сообщества является совет глав правительств государств – членов Экономического сообщества.

Для решения вопросов взаимодействия и выработки общей политики по конкретным сферам хозяйствования проводятся регулярные совещания министров государств – членов Экономического сообщества.

Статья 46. Межгосударственный экономический комитет является исполнительным органом Экономического сообщества. В пределах своей компетенции он обеспечивает решение задач Экономического сообщества, определенных настоящим Договором и соглашениями, а также решениями совета глав правительств государств – членов Экономического сообщества.

Межгосударственный экономический комитет публикует ежегодный экономический доклад.

Статья 47. Руководит работой Межгосударственного экономического комитета его председатель.

Председатель Межгосударственного экономического комитета рекомендуется советом глав правительств государств – членов Экономического сообщества и назначается и освобождается от должности советом глав государств – членов Экономического сообщества квалифицированным большинством голосов.

Председатель Межгосударственного экономического комитета представляет совету глав правительств государств – членов со-

общества для утверждения положения, структуру и смету расходов комитета.

Статья 48. В целях обеспечения единообразного применения настоящего Договора на всей территории государств – членов Экономического сообщества для разрешения спорных вопросов и применения экономических санкций образуется арбитраж Экономического сообщества.

ГЛАВА X СОГЛАШЕНИЯ

Статья 49. Регулирование экономических отношений между государствами – членами Экономического сообщества осуществляется на основе настоящего Договора и соглашений к нему.

Статья 50. В течение не более трех месяцев с момента подписания настоящего Договора и на весь срок действия последнего заключаются соглашения по следующим вопросам:

- о статусе и полномочиях институтов Экономического сообщества;
- об образовании банковского союза, включая его устав;
- о Внешэкономбанке Экономического сообщества;
- об урегулировании прав собственности в Экономическом сообществе;
- о сближении законодательства государств – членов Экономического сообщества, регулирующего хозяйственную деятельность;
- о регулировании миграционных процессов;
- о создании Фонда регионального развития и социальной поддержки населения, включая его устав;
- о создании внебюджетных фондов для финансирования целевых программ Экономического сообщества и положения о них;
- об урегулировании взаимных обязательств государств при выходе из Экономического сообщества;
- о движении капиталов и ценных бумаг;
- об антимонопольной политике в рамках объединенного рынка государств – членов Экономического сообщества;

- о взаимных обязательствах в области пенсионного обеспечения и социального страхования;
- о научно-техническом сотрудничестве;
- о патентной службе;
- о порядке и условиях введения национальных валют государствами – членами Экономического сообщества;
- о порядке перехода на общие принципы международных экономических отношений с государствами, входившими в состав Союза ССР и не вошедшими в Экономическое сообщество;
- о разделении и юридическом переоформлении государственного внутреннего долга Союза ССР и порядке его обслуживания в дальнейшем;
- о принципах и механизме обслуживания внешнего долга Экономического сообщества;
- о порядке разрешения имущественных и иных споров.

Статья 51. Заключаются соглашения сроком на один год или на другой согласованный срок по следующим вопросам:

- о бюджете Экономического сообщества;
- о согласованной политике в области налогов, затрагивающих интересы государств – членов Экономического сообщества;
- о таможенной политике и таможенном тарифе;
- о предельном размере дефицитов консолидированных бюджетов государств – членов Экономического сообщества;
- о ценах и объемах поставок товаров по взаимным (межгосударственным) договорам и для общих нужд;
- об установлении пределов прироста внутреннего долга государств – членов Экономического сообщества и порядке урегулирования долговых обязательств; о взаимодействии в условиях чрезвычайных ситуаций.

ГЛАВА XI АССОЦИИРОВАННОЕ ЧЛЕНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Статья 52. Государству, принимающему на себя только часть определяемых настоящим Договором обязательств, при согла-

сии членов Экономического сообщества может предоставляться статус ассоциированного члена Экономического сообщества.

Статья 53. Условия присоединения государств к Экономическому сообществу на правах ассоциированного члена определяют члены Экономического сообщества.

Статья 54. Взаимоотношения между Экономическим сообществом и ассоциированным членом регулируются в каждом отдельном случае специальным соглашением, предусматривающим, в частности, решение вопросов о таможенном режиме, межгосударственных поставках и ценах, об участии в формировании бюджета и внебюджетных фондов Экономического сообщества.

ГЛАВА XII ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 55. Государства – члены Экономического сообщества обязуются решать вопросы, связанные с нарушением настоящего Договора, в арбитраже Экономического сообщества в соответствии с закрепленной за ним компетенцией, а также путем переговоров.

К государствам – членам Экономического сообщества, допускающим грубые нарушения своих обязательств, вытекающих из Договора или дополняющих его соглашений по конкретным сферам, – могут применяться предусмотренные в соглашениях меры воздействия вплоть до исключения из Экономического сообщества.

Статья 56. Экономическое сообщество открыто для вступления государств, признающих настоящий Договор. Принятие новых членов Экономического сообщества осуществляется с согласия всех его членов.

Статья 57. По решению совета глав правительств государств – членов Экономического сообщества отдельным государствам может быть предоставлен статус наблюдателей.

Статья 58. Договор и специальные соглашения подлежат ратификации государствами – членами Экономического сообщества в соответствии с их конституциями и вступают в силу спустя один месяц со дня сдачи ратификационных грамот государству-депозитарию. Дополнительные соглашения ратификации не подлежат и вступают в силу с момента их подписания.

Статья 59. Договор вступает в силу после подписания и ратификации его не менее чем тремя государствами, пожелавшими вступить в Экономическое сообщество.

Совершено в г. Москве 18 октября 1991 года в одном экземпляре на русском языке.

В удостоверение чего уполномоченные на то подписали настоящий Договор:

за Республику Армения
Л. ТЕР-ПЕТРОСЯН
за Республику Беларусь
С. ШУШКЕВИЧ
за Казахскую Советскую
Социалистическую Республику
Н. НАЗАРБАЕВ
за Республику Кыргызстан
А. АКАЕВ
за Российскую Советскую
Федеративную Социалистическую
Республику
Б. ЕЛЬЦИН
за Республику Таджикистан
А. ИСКАНДАРОВ
за Туркменскую Советскую
Социалистическую Республику
С. НИЯЗОВ
за Республику Узбекистан
И. КАРИМОВ
Президент Союза Советских
Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ

«ДОГОВОР О СОЮЗЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ»

Государства, подписавшие настоящий договор, исходя из провозглашенных ими деклараций о суверенитете и признавая право наций на самоопределение;

учитывая близость исторических судеб своих народов и выражая их волю жить в дружбе и согласии, развивая равноправное взаимовыгодное сотрудничество;

заботясь об их материальном благосостоянии и духовном развитии, взаимообогащении национальных культур, обеспечении общей безопасности;

желая создать надежные гарантии прав и свобод граждан, решили на новых началах создать Союз Суверенных Государств и договорились о нижеследующем.

I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Первое. Каждая республика – участник договора является суверенным государством. Союз Суверенных Государств (ССГ) – конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора.

Второе. Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, гарантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного прогресса всем народам, проживающим на их территории. Участники договора будут исходить из сочетания общечеловеческих и национальных

ценностей, решительно выступать против расизма, шовинизма, национализма, любых попыток ограничения прав народов.

Третье. Государства, образующие Союз, считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, другими общепризнанными нормами международного права. Всем гражданам гарантируются возможность изучения и использования родного языка, беспрепятственный доступ к информации, свобода вероисповедания, другие политические, социально-экономические, личные права и свободы.

Четвертое. Государства, образующие Союз, видят важнейшее условие свободы и благосостояния своих народов и каждого человека в формировании гражданского общества. Они будут стремиться к удовлетворению потребностей людей на основе свободного выбора форм собственности и методов хозяйствования, развития общесоюзного рынка, реализации принципов социальной справедливости и защищенности.

Пятое. Государства, образующие Союз, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления. Они признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу.

Шестое. Государства, образующие Союз, считают одной из важнейших задач сохранение и развитие национальных традиций, государственную поддержку образования, здравоохранения, науки и культуры. Они будут содействовать интенсивному обмену и взаимообогащению гуманистическими духовными ценностями и достижениями народов Союза и всего мира.

Седьмое. Союз Суверенных Государств выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, субъекта международного права – преемника Союза Советских Социалистических Республик. Его главными целями на международной арене являются прочный мир, разоружение, ликвидация ядерного и другого оружия массового уничтожения, сотрудничество государств и солидарность народов в решении глобальных проблем человечества.

Государства, образующие Союз, являются субъектами международного права. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи, торговые и иные отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций, не ущемляя интересы каждого из государств, образующих Союз, и их общие интересы, не нарушая международные обязательства Союза.

II. УСТРОЙСТВО СОЮЗА

Статья 1. Членство в Союзе

Членство государств в Союзе является добровольным.

Участниками настоящего Договора являются государства, непосредственно образующие Союз.

Союз открыт для вступления в него других демократических государств, признающих Договор. Принятие в Союз новых государств осуществляется с согласия всех участников настоящего договора.

Государства, образующие Союз, сохраняют право свободного выхода из него в порядке, установленном участниками договора.

Статья 2. Гражданство Союза

Гражданин государства, входящего в Союз, является одновременно гражданином Союза Суверенных Государств.

Граждане Союза имеют равные права, свободы и обязанности, закрепленные законами и международными договорами Союза.

Статья 3. Территория Союза

Территория Союза состоит из территорий всех государств – участников договора.

Союз гарантирует нерушимость границ государств, которые в него входят.

Статья 4. Отношения между государствами, образующими Союз

Отношения между государствами, образующими Союз, регулируются настоящим договором, а также другими, не противоречащими ему договорами и соглашениями.

Государства – участники договора строят свои взаимоотношения в составе Союза на основе равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, разрешения споров мирными средствами, сотрудничества, взаимопомощи, добросовестного выполнения обязательств по настоящему договору и межреспубликанским соглашениям.

Государства, образующие Союз, обязуются: не прибегать в отношениях между собой к силе и угрозе силой; не посягать на территориальную целостность друг друга; не заключать соглашений, противоречащих целям Союза или направленных против других государств – участников договора.

Статья 5. Вооруженные Силы Союза

Союз Суверенных Государств имеет единые Вооруженные Силы с централизованным управлением.

Цели, назначение и порядок использования единых Вооруженных Сил, а также компетенция государств – участников договора в сфере обороны регулируются соглашением, предусмотренным настоящим договором.

Государства – участники договора вправе создавать республиканские вооруженные формирования, функции и численность которых определяются указанным соглашением.

Не допускается использование Вооруженных Сил Союза внутри страны, за исключением их участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических катастроф, а также случаев, предусмотренных законодательством о чрезвычайном положении.

Статья 6. Сферы совместного ведения государств – участников договора и многосторонние соглашения

Государства – участники договора образуют единое политическое и экономическое пространство и основывают свои отношения на закрепленных в настоящем договоре принципах и предоставляемых им преимуществах. Отношения с государствами,

не входящими в Союз Суверенных Государств, основываются на общепризнанных нормах международного права.

В целях обеспечения общих интересов государств – участников договора устанавливаются сферы совместного ведения и заключаются соответствующие многосторонние договоры и соглашения:

- об экономическом сообществе;
- о совместной обороне и коллективной безопасности;
- о координации внешней политики;
- о координации общих научно-технических программ;
- о защите прав человека и национальных меньшинств;
- о координации общих экологических программ;
- в области энергетики, транспорта, связи и космоса;
- о сотрудничестве в области образования и культуры;
- о борьбе с преступностью.

Статья 7. Полномочия союзных (межгосударственных) органов

Для реализации общих задач, вытекающих из договора и многосторонних соглашений, государства, образующие Союз, делегируют союзным органам необходимые полномочия.

Государства, образующие Союз, участвуют в реализации полномочий союзных органов посредством их совместного формирования, а также специальных процедур согласования решений и их исполнения.

Каждый участник договора может путем заключения соглашения с Союзом дополнительно делегировать ему осуществление отдельных своих полномочий, а Союз, с согласия всех участников, передать одному или нескольким из них осуществление на их территории отдельных своих полномочий.

Статья 8. Собственность

Государства – участники договора обеспечивают свободное развитие и защиту всех форм собственности.

Государства – участники договора передают в распоряжение органов Союза имущество, необходимое для осуществления возложенных на них полномочий. Это имущество является совместной собственностью государств, образующих Союз, и используется исключительно в их общих интересах, включая ускоренное развитие отстающих регионов.

Использование земли, ее недр и других природных ресурсов государств – участников договора для реализации полномочий союзных органов осуществляется в соответствии с законодательством этих государств.

Статья 9. Бюджет Союза

Порядок финансирования союзного бюджета и контроля за его расходной частью устанавливается особым соглашением.

Статья 10. Законы Союза

Конституционной основой Союза Суверенных Государств являются настоящий Договор и Декларация прав и свобод человека.

Законы Союза принимаются по вопросам, отнесенным к ведению Союза, и в пределах полномочий, переданных ему настоящим Договором. Они обязательны для исполнения на территории всех государств – участников договора.

Государство – участник договора вправе опротестовать и приостановить действие на своей территории закона Союза, если он нарушает настоящий договор.

Союз в лице его высших органов власти вправе опротестовать и приостановить действие закона государства – участника договора, если он нарушает настоящий договор.

Споры решаются посредством согласительных процедур либо передаются в Верховный суд Союза, который принимает окончательное решение в течение одного месяца.

III. ОРГАНЫ СОЮЗА

Статья 11. Формирование органов Союза

Органы Союза Суверенных Государств, предусмотренные настоящим договором, формируются на основе свободного волеизъявления народов и полноправного представительства государств, образующих Союз.

Организация, полномочия и порядок деятельности органов власти, управления и правосудия устанавливаются соответствующими законами, не противоречащими настоящему договору.

Статья 12. Верховный Совет Союза

Законодательную власть Союза осуществляет Верховный Совет Союза, состоящий из двух палат: Совета Республик и Совета Союза.

В Совет Республик входит по 20 депутатов от каждого государства, образующего Союз, делегируемых его высшим органом власти.

РСФСР имеет в Совете Республик 52 депутата. Другие государства – участники договора, имеющие в своем составе республики и автономные образования, дополнительно делегируют в Совет Республик по одному депутату от каждой республики и автономного образования. В целях обеспечения суверенитета государств – участников договора и их равноправия – при голосовании в Совете Республик применяется правило консенсуса.

Совет Союза избирается населением Союза по избирательным округам с равной численностью избирателей. При этом гарантируется представительство в Совете Союза всех государств – участников договора.

Палаты Верховного Совета Союза совместно принимают в состав Союза новые государства, заслушивают Президента Союза по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики Союза, утверждают союзный бюджет и отчет о его исполнении, объявляют войну и заключают мир.

Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности органов Союза Суверенных Государств, рассматривает вопросы отношений между республиками, ратифицирует и денонсирует международные договоры Союза, дает согласие на назначение правительства Союза.

Совет Союза рассматривает вопросы обеспечения прав и свобод граждан и принимает решения по всем вопросам компетенции Верховного Совета за исключением тех, которые относятся к компетенции Совета Республик.

Законы, принятые Советом Союза, вступают в силу после их одобрения Советом Республик.

Статья 13. Президент Союза

Президент Союза – глава конфедеративного государства.

Президент Союза выступает гарантом соблюдения Договора о Союзе Суверенных Государств и законов Союза, является Глав-

нокомандующим Вооруженными Силами Союза, представляет Союз в отношениях с зарубежными государствами, осуществляет контроль за выполнением международных обязательств Союза.

Президент Союза избирается гражданами Союза в порядке, устанавливаемом Законом, сроком на пять лет и не более чем на два срока подряд.

Статья 14. Вице-президент Союза

Вице-президент Союза избирается вместе с Президентом Союза. Вице-президент Союза выполняет по уполномочию Президента Союза отдельные его функции.

Статья 15. Государственный совет Союза

Государственный совет Союза создается для согласования наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы государств – участников договора.

Государственный совет состоит из Президента Союза и высших должностных лиц государств – участников договора. Работой Государственного совета руководит Президент Союза.

Решения Государственного совета носят обязательный характер для всех органов исполнительной власти.

Статья 16. Правительство Союза

Правительство Союза является органом исполнительной власти Союза, подчиняется Президенту Союза, несет ответственность перед Верховным Советом Союза.

Правительство Союза возглавляется премьер-министром. В состав правительства входят главы правительств государств – участников договора, Председатель Межгосударственного экономического комитета (первый заместитель премьер-министра), заместители премьер-министра и руководители ведомств, предусмотренных соглашениями между государствами – участниками договора.

Правительство Союза формируется Президентом Союза по согласованию с Советом Республик Верховного Совета Союза.

Статья 17. Верховный суд Союза

Верховный суд Союза принимает решения по вопросам ответственности законов Союза и законов государств – участников договора – настоящему договору и Декларации прав и свобод человека;

рассматривает гражданские и уголовные дела межгосударственного характера, включая дела по защите прав и свобод граждан; является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам. При Верховном суде Союза создается прокуратура, осуществляющая надзор за исполнением законодательных актов Союза.

Порядок формирования Верховного суда Союза определяется законом.

Статья 18. Высший арбитражный суд Союза

Высший арбитражный суд Союза разрешает экономические споры между государствами – участниками договора, а также споры между предприятиями, находящимися под юрисдикцией различных государств – участников договора.

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ**Статья 19. Язык межнационального общения в Союзе**

Участники договора самостоятельно определяют свой государственный язык (языки). Языком межнационального общения в Союзе государства – участники договора признают русский язык.

Статья 20. Столица Союза

Столицей является город Москва.

Статья 21. Государственная символика Союза

Союз имеет государственные герб, флаг и гимн.

Статья 22. Порядок изменения и дополнения договора

Настоящий договор или отдельные его положения могут быть отменены, изменены или дополнены только с согласия всех государств, образующих Союз.

Статья 23. Вступление договора в силу

Настоящий договор одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу после его подписания их полномочными делегациями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года.

Статья 24. Ответственность по Договору

Союз и государства, его образующие, несут взаимную ответственность за выполнение принятых обязательств и возмещают ущерб, причиненный нарушениями настоящего договора.

Статья 25. Правопреемство Союза

Союз Суверенных Государств является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик. Правопреемство осуществляется с учетом положений статей 6 и 23 настоящего договора.

*Опубликовано в газете «Правда»
27 ноября 1991 г.*

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОК ЭПОХИ

ДАЛЕКОЕ ЭХО 1991 ГОДА

Алексей Арбатов

В драматические месяцы 1991 г., которым посвящена книга Михаила Сергеевича Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция», решалась судьба народов СССР и во многом – окружающего мира. Корневую проблему обширного материала книги можно свести к следующему: была ли возможность сохранить на фундаменте СССР единую страну, перестроенную на основе конфедерации и демократических принципов, – или распад на отдельные разбегающиеся государства и государственные образования был неизбежен?

История – это бесконечная цепь событий, каждое из которых является следствием предыдущих и причиной последующих эпизодов. Тем не менее она не является чем-то жестко предопределенным, в ней периодически появляются развилки, выбор пути из которых есть продукт субъективных решений конкретных людей, а подчас и случайностей. Иначе в истории не было бы правых и виноватых, добрых и злых гениев, верных шагов и роковых просчетов.

Исходя из указанного теоретического подхода, представляется, что сохранение на месте СССР обновленного союзного государства было делом весьма трудным, но возможным. Инерция

Арбатов Алексей Георгиевич – в 1991 г. руководитель Центра по разоружению и безопасности ИМЭМО АН СССР. В настоящее время руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН.

многих десятилетий и даже веков совместной истории – единой экономики, национального смешивания, общей социальной и культурной жизни – была еще очень велика.

Первый удар по этому единству нанес путч 19–21 августа, имевший целью силовым путем остановить объективные процессы общественного обновления сначала в Москве, а затем по всей стране. Попытка военного переворота провалилась, но в то же время резко ослабила дееспособность и престиж союзного центра. Усилилось стремление республик отдалиться от него и самостоятельно позаботиться о своем суверенитете.

Но и после путча еще оставался шанс спасти союзное государство. На внеочередном Съезде народных депутатов СССР в начале сентября было принято Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик, в котором была выражена идея Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ), причем каждая из республик должна была сама определить формат своего участия в Союзе. Сразу после этого в Госсовете началась разработка новой редакции проекта Союзного договора, Экономического договора, подготовленного комиссией Григория Явлинского, готовилась реорганизация и кадровое обновление министерств и ведомств. Предполагалось, что на месте СССР будет построено конфедеративное демократическое союзное государство, которое будет иметь общий рынок, валютный и банковский союз, единую энергетику, космическую деятельность, транспорт и связь. Не менее важно, что предусматривалось подписать договор об обороне и коллективной безопасности, сохранить единую централизованно управляемую армию, прежде всего на уровне стратегических ядерных сил.

Тем временем ситуация ощутимо менялась, Борис Ельцин стал явно тормозить процесс, видимо, из опасений, что по проекту Договора о ССГ союзный центр получил бы значительные полномочия как объединительное ядро союзного государства. Но самое главное – в самой России фактически возникло двоевластие в лице прежнего советского и нового российского центров государственного управления. А Ельцину и его соратникам не терпелось въехать в Кремль и взять в свои руки всю полноту власти и преобладающую часть материального наследства СССР на территории Российской Федерации. Для этого им надо было отделаться от Горбачева заодно с Советским Союзом и любыми

новыми моделями союзного государства. Что, как известно, и было сделано в Беловежской Пуще 8 декабря 1991 г.

Так, в угоду личным и групповым интересам новой российской власти были принесены в жертву великие ценности государственного устройства, экономики, социального благополучия, национальных отношений, внешней политики и безопасности страны. Впрочем, это было отнюдь не ново. Наоборот, нет ничего более типичного для политических шагов авторитарного государства, в том числе Российской империи/СССР/Российской Федерации, до и после Беловежской Пуши, где лихим ударом был разрублен колоссальный гордиев узел государственных и общественных проблем.

Поскольку история, как известно, не знает сослагательного наклонения, нам не дано узнать, как сложилась бы судьба одной шестой части планеты, если бы горбачевский проект был реализован. Его успех был отнюдь не гарантирован. Конфедерация – неустойчивая форма государственного устройства (ныне к ней с оговорками можно отнести только Швейцарию). А со строительством демократии ситуация в постсоветских республиках сложилась тем более неоднозначная. Но даже если бы постепенно центробежные силы повлекли за собой размывание ССГ, сохранение хотя бы на несколько лет общего центра и внутрисоюзных связей помогло бы сгладить остроту противоречий между республиками и внутри них.

Во-первых, это относится к рыночным экономическим реформам. План Явлинского был рассчитан на поддержание в ССГ общего рынка, валютного и банковского союза, сохранение сложившихся в СССР производственных цепочек, предотвращение обвального экономического кризиса.

О последствиях ликвидации Союза Горбачев провидчески говорил в 1991 г.: «Разрыв нанес бы окончательный разрушительный удар по производительным силам, настолько тесно завязанным в общий комплекс, что даже нынешнее, пока еще относительное отдаление республик друг от друга резко осложнило экономическое положение каждой из них и еще более ухудшило повседневную жизнь людей... Он отбросит – и это надо хорошо видеть – все суверенные государства назад в смысле развития науки, технологии, культуры, которые по природе своей, а в наше время особенно, нуждаются в постоянном, органичном взаи-

модействии и взаимообогащении не только в бывших союзных рамках, но и в мировом масштабе. Престижу и потенциалу нашей науки и культуры в ее многонациональном синтезе будет нанесен непоправимый ущерб».

Пришедшие к власти вместе с Ельциным в 1991–1992 гг. реформаторы решили создать рыночную экономику в одной отдельно взятой стране – как можно быстрее и любой ценой, надеясь, что «невидимая рука рынка» все как-то утрясет. Отсюда «шоковая терапия» разового отпуска цен и «грабительская приватизация», которые привели к стремительному обнищанию большинства населения, вызвали взрыв общественного возмущения, кровавый кризис в Москве в октябре 1993 г. и принесли оглушительную победу коммунистам и националистам на выборах в Думу в декабре 1993 г.

Сделав в 1993 г. большой шаг вперед в создании демократического государства, реформаторы того времени подстраховались и заложили в Конституцию 1993 г. мощный авторитарный механизм, поставив институт президентства над системой разделения властей, лишив законодательную власть контрольных функций и выведя органы выборов и судебную систему из-под юрисдикции парламента. Таким образом, государственная система была во многом создана под конкретных людей (Бориса Ельцина и его окружения) и под конъюнктурные задачи проведения любой ценой жестокой экономической реформы.

Но под влиянием огромной власти и богатства государство быстро трансформировалось. Из проводника реформы и демократии оно стало защитником интересов новой постсоветской номенклатуры – за счет и в ущерб реформе и демократии. Избавленное от контроля общества государство погрязло в коррупции и тесно переплелось с криминальным миром. В России образовался вполне соответствующий ленинской теории неэффективный паразитический и технологически загнивающий государственно-монополистический капитализм, полностью зависящий от зарубежных инвестиций и технологий.

Еще одна ошибка состояла в наивной вере реформаторов в то, что Запад, и прежде всего США, помогут России в ее экономических и политических реформах. За это Москва в 1990-х годах фактически встала в фарватер американского курса в международных делах. Однако надежда себя не оправдала. Крупные

займы и гуманитарная помощь из-за рубежа были в значительной части разворованы чиновниками, а в остальном пошли на реализацию неправильных финансово-экономических реформ и, в лучшем случае, лишь смягчили их разрушительный эффект. Однако издержки реформ стали в сознании общества ассоциироваться с глубоким вовлечением зарубежных правительств и бизнеса в жизнь страны, что посеяло семена глубокого недоверия к Западу, которые дали пышные всходы два-три десятилетия спустя.

Во-вторых, пагубным следствием топорного разрушения СССР стало обострение национальных конфликтов между республиками и внутри них. Общеизвестно, что при советской власти межреспубликанские границы проводились произвольно, исходя из административно-экономических и политических соображений, без учета этнических связей. Это наложило на массовые потоки миграции населения между республиками в советские годы под воздействием войн, репрессий и хозяйственных планов. Горбачев в своей книге констатировал ситуацию на 1991 г.: «Семьдесят пять миллионов людей живут за пределами своей “малой Родины”. Что же – все они становятся гражданами второго сорта? И пусть нас не убаюкивают, что все будет гарантировано в двусторонних договорах, которые подписывают республики. Не верю, что это решит проблему».

И правильно, что не верил. Первые грозные раскаты грядущей бури к тому моменту уже имели место в Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Фергане, Душанбе, Сумгаите, Баку. Затем разгорелись кровавые постсоветские конфликты (в Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Молдавии, две кампании в Чечне), которые в 1990-е годы унесли около 270 тыс. жизней военнослужащих и мирных граждан. А потери в результате российской специальной военной операции в Украине в 2022 г. еще предстоит подсчитать. В свете последующей истории пророческим выглядит еще одно предупреждение Горбачева в 1991 г.: «На фоне той катастрофы, которая у нас может произойти, блекнет даже трагедия Югославии, которая обернулась многочисленными смертями, разрушением многих ценностей, миллиардными потерями».

Даже если эти конфликты зачастую уходят корнями вглубь истории Советской и царской Российской империй, они были усугублены поспешностью роспуска СССР. Ему не предшество-

вали переговоры о постимперском устройстве, которые могли вестись в рамках ССГ: о границах, гражданских правах диаспор, статусе языка, компенсации переселенцам, пользовании единой общесоюзной ресурсной базой (например, пресной водой), экономической и транспортной инфраструктурой и пр.

Во многих республиках, ставших вдруг независимыми государствами, произошел взрыв национализма, обращенный зачастую против русской диаспоры и других национальных меньшинств. И неслучайно: прошлые обиды – это самый примитивный и понятный для большинства простого народа козырь в политической борьбе за власть. Реакцией стали всплеск национализма национальных меньшинств и начало их борьбы за независимость (Абхазия, Южная Осетия) или за воссоединение с исторической родиной (Приднестровье, Карабах, позднее Крым, Донбасс).

Со стороны России ответом была кампания защиты соотечественников, которая вскоре стала мотивом поддержки сепаратизма и ирредентизма в бывших союзных республиках. Жестко подавляя сепаратизм на Северном Кавказе, Москва поддерживала его (в том числе через военную помощь) в соседних странах в качестве «пристязного ремня» удержания их в российской сфере влияния.

Однако фактическое расчленение или угроза такового не столько привязали постсоветские республики к России, сколько усилили стремление многих из них искать защиту за рубежом, прежде всего со стороны НАТО (включая Турцию), а также Европейского союза, и всемерно сближаться с ними в политическом, военном и экономическом отношениях.

В первой половине 1990-х годов НАТО старалась тормозить этот тренд, чтобы не портить отношения с Россией, которая послушно следовала за Западом в своей внешней политике. Однако к середине десятилетия, вопреки обещаниям, данным Горбачеву со стороны западных лидеров в 1989–1990 гг., исторический обман или ошибка (что хуже – неизвестно) все же были совершены. Первый этап расширения произошел в 1999 г. (на Польшу, Чехию и Венгрию), после чего стало трудно отказывать в членстве другим претендентам, и вторая фаза в 2004 г. включила уже десять стран, в том числе три балтийские республики. После этого встал вопрос об очереди Грузии и Украины, спрово-

цировав российско-грузинский военный конфликт в августе 2008 г. В 2010-х годах, наряду с другими международными противоречиями, это стало главным яблоком раздора между Москвой и Западом.

При этом в России нарастало стремление отгородиться от западного влияния, переориентировать свои внешние политические и экономические связи на Восток, сохранить и консолидировать доминирование на постсоветском пространстве (согласно так называемой «доктрине евразийства»). А в НАТО и Евросоюзе крепла линия на противодействие внешней и внутренней политике администрации Владимира Путина. В конечном итоге дрейф на взаимно пересекающихся курсах привел к первому украинскому кризису (2013–2015), а затем и к масштабному вооруженному конфликту на Украине в 2022 г. Он вернул международные отношения к худшим временам холодной войны и подвел Россию и НАТО ближе к ядерной катастрофе, чем когда-либо, за исключением Карибского ракетного кризиса октября 1962 г.

В-третьих, нельзя не упомянуть более общие международные последствия событий, затронутых в рассматриваемой книге. Отстаивая идею союзного государства в 1991 г., Горбачев говорил: «Разрушение Союза... может привести к очень тяжелым последствиям не только для самого Союза, будут губительные последствия для Европы и для всего мира... Наше государство в последние годы стало одной из главных опор развития мира к новому мирному порядку. Именно так нас воспринимают. Это и ответственность, и признание нашей зрелости. Если такая опора рухнет, пойдет цепная реакция с трудно предсказуемыми для всего мира последствиями». В этом плане тоже – все произошло именно так.

Во второй половине 1980-х годов, осознав губительность холодной войны и безудержной гонки вооружений, Горбачев и его соратники решительно изменили внешнюю политику СССР. Москва закончила холодную войну в Европе, согласившись на объединение Германии и дав свободу странам Варшавского Договора, вывела войска из Афганистана. Параллельно были заключены прорывные соглашения по разоружению.

Договор по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) впервые в истории свел до нуля ядерные системы двух классов,

ликвидировав все ракеты таких типов в СССР и США. Горбачева и МИД не остановило то, что советских ракет было демонтировано в два с лишним раза больше, поскольку изначально их было на столько же больше. В Москве понимали, что американские ракеты средней дальности в Европе создавали стратегическую угрозу СССР, имея сокращенное (7–8 минут) подлетное время до советских стратегических баз и командных центров, тогда как аналогичные советские ракеты не могли достичь США.

Договор об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) от 1990 г. обусловил сокращение до равных потолков тяжелых наступательных вооружений сил общего назначения Варшавского Договора и НАТО, причем Восток должен был сократить до уровней паритета вчетверо больше вооружений, чем Запад. Но опять-таки причина была в том, что у Востока этих вооружений было изначально намного больше. Зато был устранен синдром Второй мировой войны, довлевший и над Востоком, и над Западом, – угроза внезапного масштабного нападения. Вооруженные силы были не просто линейно сокращены – концентрация оставшихся войск была перемещена из района соприкосновения в центре Европы на периферию континента и за океан.

В следующем, 1991 г. был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), по которому СССР и США впервые не только ограничили наращивание, а физически сократили свои межконтинентальные ядерные средства на четверть по носителям и наполовину по боезарядам. Не менее важно, что Договор путем структурных ограничений понизил обоюдную возможность первого (разрушающего) ядерного удара и создал беспрецедентную систему транспарентности и предсказуемости, заложив основу стратегической стабильности на много лет вперед.

Также в 1991 г. в первый (и последний) раз были приняты параллельные односторонние меры Москвы и Вашингтона по глубокому сокращению оперативно-тактических ядерных вооружений (ТЯО). Этот класс ядерных систем (дальностью до 500 км) предполагалось сократить с двух сторон примерно в 8–10 раз (!). Отметим, что Договоры по РСМД, СНВ-1 и меры по ТЯО, помимо всего прочего, облегчили вывоз всего ядерного оружия с территории союзных республик в Россию, что устранило ядерный фактор из последующих конфликтов постсоветских государств.

Однако крах идеи союзного государства внес большую дезорганизацию в осуществление крупнейших договоров и соглашений, заключенных на пороге 1990-х годов. Распад СССР напрямую не отразился на Договоре об РСМД, все ракеты были вовремя вывезены и ликвидированы. Но по мере ухудшения отношений Востока и Запада в российских политических кругах с конца 2000-х годов стали на все лады шельмовать этот Договор из-за его якобы неравноправного характера. Договор снова стал дорог Москве только после того, как его в 2019 г. денонсировали США, возродив вероятность размещения таких ракет гораздо ближе к центру России, чем к моменту его подписания в 1987 г.

С ДОВСЕ все было намного сложнее. Сначала роспуск Варшавского Договора, а затем скоропалительное упразднение СССР сломали выстроенную в долгих переговорах стройную архитектуру его коллективных региональных потолков на вооружения и военную технику. Пришлось в пожарном порядке подгонять Договор к новым геополитическим реальностям, в результате чего в 1999 г. родилась адаптированная версия – АДОВСЕ, которая распределила коллективные потолки по национальным и территориальным квотам. Но и она не прижилась, поскольку страны НАТО требовали вывода оставшихся российских войск и объектов из Грузии и Молдавии, что Москва не спешила сделать, ссылаясь на разные технические обстоятельства. В ответ Запад тянул с ратификацией АДОВСЕ, а Россия, ратифицировавшая его в 2004 г., теряла к Договору интерес ввиду угрозы расширения НАТО на постсоветское пространство. В итоге Москва в 2007 г. приостановила свое членство в АДОВСЕ, а в 2015 г. окончательно перестала в нем участвовать. Этот важнейший исторический Договор прекратил свое существование, а вслед за ним – и другие соглашения по мерам военного доверия и предсказуемости в Европе.

Менее драматичной, но не менее трудной была судьба Договора СНВ-1, подписанного за несколько месяцев до развала СССР. Помимо России, советские стратегические вооружения были развернуты также в Украине, Белоруссии и Казахстане. Поскольку в 1991 г. рухнула идея союзного государства с едиными стратегическими силами под централизованным контролем, пришлось вести переговоры о вывозе в Россию ядерных ракет и бомбардировщиков, чтобы на месте СССР не образовались че-

тыре новых ядерных державы (в том числе третьей в мире по величине ядерного потенциала в лице Украины).

Особенно тяжело шли переговоры с Киевом, который опасался за свою безопасность и уступил только в 1994 г. под сильным политическим и экономическим нажимом США. Это соглашение было закреплено Будапештским меморандумом того же года, по которому Россия, США и Британия гарантировали Украине территориальную целостность и суверенитет в обмен на отказ от ядерного оружия. Только тогда, через три года после подписания, СНВ-1 вступил в юридическую силу.

Но на этом проблемы не закончились. Чтобы закрепить новое стратегическое положение дел, в известном смысле по аналогии с АДОВСЕ, в 1993 г. Россия и США в спешном порядке согласовали Договор СНВ-2. Москва имела на переговорах очень слабые позиции, оказавшись в зависимости от кредитов Вашингтона, а также из-за ракетного торга с Киевом, тяжелейшего экономического кризиса и дезорганизации обороны в результате распада Союза и «шоковой терапии». Договор СНВ-2 содержал явные дисбалансы, но в той ситуации было трудно договориться о лучших условиях. Однако российский парламент отказался его ратифицировать и «заморозил» на семь лет.

Не спасло положение и следующее соглашение – рамочный Договор СНВ-3 от 1997 г., который выправил дисбалансы СНВ-2, но так и не был доработан. После прихода в Вашингтон республиканской администрации и терактов 2001 г. США в 2002 г. вышли из Договора по ПРО, но заключили с Россией еще один договор по наступательным стратегическим потенциалам – Договор СНП. Однако и он не был доведен до ума в части ряда своих важнейших положений.

Все это время стратегические силы сторон продолжали сокращаться по Договору СНВ-1 и даже ниже его уровней. Но из-за дипломатической чехарды в этой важнейшей сфере безопасности поддержание стратегической стабильности столкнулось с большой договорно-правовой неразберихой. Ликвидация СССР и отказ от союзного государства в 1991 г. фактически прервали на следующие двадцать лет поступательный процесс контрольно-ограничительных шагов в ядерном разоружении. Перерыв завершился лишь в 2010 г. с заключением Пражского

Договора СНВ-3. По фактическому состоянию ядерного баланса на тот момент он предусматривал гораздо более скромные сокращения и менее строгие правила засчета и верификации, чем СНВ-1. А после СНВ-3 наступила переговорная пауза еще на десять лет.

Последствия упущенных десятилетий будут сказываться долго. За неимением лучшего Договор СНВ-3 был в 2021 г. продлен на пять лет. Но украинский вооруженный конфликт и глубокие расхождения сторон по предмету и формату следующего договора не внушают оптимизма на обозримое будущее. Это означает, что предстоит длительная стагнация на магистральном треке предотвращения ядерной катастрофы, причем на фоне ускорения и распространения гонки новейших смертоносных технологий.

* * *

Конечно, было бы упрощением усматривать истоки всех бед и проблем последних тридцати лет в событиях 1991 г., о которых повествует книга Михаила Сергеевича Горбачева. Многие трудности и ошибки возникли позднее или по другим причинам. Но несомненно одно: отказ дать шанс союзному государству не облегчил ни одной последующей проблемы, а многие усугубил или завел в глубокие тупики, преодолевать которые придется не одному грядущему поколению.

РОССИЯ И МИР ПОСЛЕ СССР

Андрей Грачев

После распада СССР и отставки М.С. Горбачева с поста Президента сменились век и даже тысячелетие. Мир живет новыми проблемами. Казалось бы, тридцать лет, прошедшие после кончины Советского Союза, достаточный срок, чтобы уточнить диагноз поразившей его болезни и определить причины саморазрушения этого уникального идеологического государства.

Если появление СССР многими рассматривалось как каприз истории, то его неожиданное исчезновение выглядит почти как историческая случайность. Речь, однако, идет о государстве, влиявшем решающим образом в течение большей части XX в. на облик и эволюцию мира.

Могло ли все это кончиться иначе? Возможно. Если бы на месте Горбачева оказался другой генеральный секретарь большевистской партии. Если бы на месте Ельцина у него был другой политический соперник. Если бы западные партнеры Горбачева повели себя более прозорливо и ответственно. Главное же, если бы Россия была другой страной. Но в этом случае она не нуждалась бы ни в перестройке, ни в Горбачеве.

М.С. Горбачев всегда настаивал на том, что роспуск Советского Союза был исторической ошибкой и что единое государство можно было сохранить. Если это так, то каким способом?

Возможно, если бы новый союзный договор был подписан 20 августа, на что тогда соглашались президенты девяти республик, включая Ельцина, организаторы путча не решились бы на свою авантюру. Наверное, в этом случае удалось бы избежать

Грачев Андрей Серафимович – в 1991 г. пресс-секретарь Президента СССР. В настоящее время занимается творческой и научной деятельностью в качестве журналиста, преподавателя, эксперта. Преподает в Университете Барселоны.

этого путча и его последствий – ведь, очевидно, что именно путчисты, объявившие своей целью спасение СССР, стали его главными разрушителями. И формально Союз был бы сохранен. Но на какой срок?

Кроме того, это был бы уже другой конфедеративный Союз, т.е. новая страна существовала бы в оболочке прежнего, жестко централизованного государства, созданного большевиками. Сколько времени он смог бы существовать в форме Евросоюза или Швейцарской конфедерации? Не будем забывать, что уже в мартовском референдуме 1991 г., на который ссылаются критики Горбачева, не участвовали 6 из 15 республик.

Даже если бы союзный президент попытался стать советским Дэн Сяопином, как желали путчисты, или Пиночетом, как предлагали некоторые российские неолибералы, ему не удалось бы спасти прежний СССР. А восстанавливать Союз силой по сталинской модели или танками по-китайски, как хотели путчисты, Горбачев все равно бы не стал.

Советское государство должно было реализовать амбиции большевиков, стремившихся прищипорить развитие страны с тем, чтобы не только «догнать», но и перегнать остальной мир. Но, несмотря на неимоверные жертвы со стороны населения, попытка с помощью волюнтаристского рывка встать во главе мирового прогресса завершилась фиаско, а воплощавший этот проект Советский Союз попросту надорвался. Освободившись от должностей генсека и президента и обретя взамен свободу слова, Горбачев вслух скажет, «о чем молчал» раньше: «Мы имели дело с авантюрной моделью социализма».

«Превентивная революция» перестройки позволила России нагнать всемирную историю и после десятилетий добровольного отшельничества воссоединиться с остальным миром. Новая советская внешняя политика за несколько лет преобразовала угрюмый облик мира, еще не вышедшего из тени Второй мировой войны.

Положенные в ее основу принципы нового мышления – признание неделимости мира, отказ от его раскола на идеологические системы и военные блоки, приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми – за несколько лет превратили Москву из столицы «империи зла» в источник надежды на создание нового рационального мирового порядка.

Итог этих лет – не только окончание холодной войны, продолжавшейся почти пятьдесят лет, но и фактическое воссоединение мировой истории, раздвоившейся на два русла в начале XX в. после русской революции.

Неожиданный распад СССР оборвал перспективы реализации амбициозных проектов перестройки. Уже после отставки Горбачев упрекал Запад не в том, что его лидеры в свое время недостаточно помогали ему (он знает, что не от них зависела судьба перестройки), а в том, что они не смогли разумно распорядиться уникальным шансом, который открывала миру его новая политика. В том, что восприняли порыв советского общества к демократии всего лишь за проявление внутренней слабости и готовность сдаться на милость победителя.

Постсоветская Россия оказалась оттеснена на периферию мировой политики. Вместо участия в строительстве «общего европейского дома», о котором мечтал Горбачев, России пришлось наблюдать, как этот «дом» расширяется и достраивается без нее. Не удалось приблизить создание безъядерного мира, контуры которого Горбачев обсуждал с Рональдом Рейганом на саммите в Рейкьявике. Не получилось переключить «дивиденды мира» – колоссальные ресурсы, высвободившиеся после окончания холодной войны от прекращения гонки вооружений, – на решение глобальных мировых проблем, ликвидацию голода и нищеты, экономической отсталости, загрязнения окружающей среды.

Не только зона традиционного присутствия и влияния России, но и сама территория бывшего СССР стала объектом борьбы за передел «советского наследства».

Но если СССР проиграл мир после холодной войны, то Запад проиграл свою победу. Потому что, не поняв ее реального смысла, поторопился присвоить себе лавры победителя не в цивилизационном состязании, а в военном противостоянии.

Однако представление западных политиков, о том, что рано или поздно весь мир станет большим Западом, оказалось новой утопией, сменившей коммунистическую.

Большинство международных кризисов, разразившихся за эти годы, – начиная с Югославской войны, военных операций США и НАТО в Афганистане, Ираке, Ливии и кончая последними так и не нашедшими своего решения конфликтами в Сирии и на Украине, – стали во многом следствием того, что Россия

и Запад не сумели найти совместный выход из холодной войны и закончили ее не союзниками, а соперниками.

В результате вместо единого гармоничного мира, к которому стремились Горбачев и его соратники, возник хаос «нового мирового беспорядка», где царят не Новое политическое мышление и не сила права, а право сильного и насилие экстремистов. На смену мировой холодной войне пришла реальность локальных «горячих войн», актов террора и геноцида.

Гонка вооружений и торговля оружием побили рекорды холодной войны. Угрозу потенциальной мировой войны сменили реальные региональные и межнациональные конфликты. Число их жертв, главным образом, среди гражданского населения, сравнимо с жертвами тотальной мировой войны. Миграционные потоки миллионов людей переполняют лагеря беженцев, провоцируя гуманитарные катастрофы. В результате сложилась более опасная ситуация, чем та, в которой мир жил в прежнюю эпоху.

Причисленная к проигравшим Россия начала искать утешение в надежде на исторический реванш. Таким образом ее нынешнее руководство рассчитывает вернуть то «право вето» в управлении мировыми делами, которым обладал Советский Союз.

Сегодня место СССР в глобальном противостоянии с Западом готовится занять Китай. Однако, несмотря на тридцать лет, прошедшие после распада Советского Союза, вопрос о том, настало ли время окончательно перевернуть советскую страницу российской и мировой истории, остается открытым. Объявив распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», Владимир Путин в свое время уточнил: тот, кто не сожалеет об исчезновении СССР, «не имеет сердца», тот, кто надеется его восстановить, «не имеет головы». Вопрос о возможном воскресе-нии СССР казался закрытым. Но не рано ли?

О том, что Советский Союз, как и Российская империя до него, представляли собой уникальную смесь народов, языков и религий, сведенных вместе общей историей, напоминал в декабре 1991 г. в своем письме участникам встречи в Алма-Ате Горбачев. Он обращал их внимание на то, что скоропалительный раздел бывшего единого государства с появлением новых границ может не только разорвать сложившиеся за многие годы экономические, культурные и человеческие связи, но и привести к возрож-

дению старых или появлению новых территориальных споров и межнациональных конфликтов. Да и «русский вопрос» не снят с повестки дня на всем постсоветском пространстве и может в любой момент превратиться в политическую карту или силовой рычаг.

Возглавивший постсоветскую Россию Владимир Путин считает, что он учел уроки и краха СССР и несбывшиеся обещания горбачевской перестройки. Предложенная им России модель развития действительно освобождена от тех иллюзий, которыми в ее начале питались реформаторы. Но она же лишает ее тех перспектив и надежд, которыми жило общество, освобождавшееся от десятилетий тоталитарной власти.

Подобно большевикам нынешняя власть в очередной раз предлагает России «особый путь», который вместо того, чтобы соединять ее с остальным миром, призывает закрываться и обороняться от него. Так философия, положенная в свое время в основу политики СССР и сводившаяся к тому, что противостоять своим конкурентам легче, чем с ними состязаться, находит в дипломатии современной России новое воплощение.

Глава МИД Сергей Лавров сказал, что возникает новый железный занавес. Мы словно возвращаемся в 1946-й, когда в Фултоне Черчилль произнес свою знаменитую речь, давшую старт холодной войне. И как-то уже забылось, что в 1988-м с трибуны ООН прозвучала не менее знаменитая речь Михаила Сергеевича Горбачева, которая была задумана как антифултоновская – именно для того, чтобы закопать топор холодной войны. НАТО никогда не чувствовал себя так плохо, как в то время, когда СССР начал уходить из Восточной Европы. Американцы тогда запаниковали: получалось, им придется уйти из Западной...

Ныне же отношения России с Западом обострились настолько, что тот же НАТО, который, по словам французского президента Макрона, находился в состоянии «клинической смерти», сейчас чувствует себя словно омолодившийся президент США Байден. Границы Альянса не только не отодвинулись от наших границ, наоборот – приблизились вплотную; США вернулись в Европу.

На гербе современной России изображение земного шара, отражавшее планетарные амбиции основателей СССР, уступило место двуглавному орлу, чьи головы обращены на Восток и на За-

пад. Значит ли это, что она отводит себе роль арбитра в их возможной конфронтации или готовится, как в советские времена, к конфронтации с остальным миром? Но, если постсоветская Россия продолжит искать решение проблем нового века в своем прошлом, мы рискуем обнаружить, что холодная война не осталась у нас позади, а может поджидать нас в будущем. Даже если она будет носить другое название. Очевидно, однако, что, как и в начале XX в., от выбора партнеров и приоритетов во внутренней и внешней политике России во многом будет зависеть облик века XXI.

КАК НЕ УПУСТИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ШАНС?

Руслан Гринберг

Буквально за месяц до кончины Михаила Сергеевича я был у него в больнице. Мы смогли немного поговорить... И сегодня, когда он ушел, хочу, как бы продолжая наши с ним беседы, поделиться своими размышлениями о том, что им сделано для страны и мира и какие уроки из этого следовало бы учесть будущим реформаторам. Ведь совершенно очевидно, что рано или поздно в России вновь появится шанс демократизировать страну. И также естественным образом встанет вопрос о том, что нужно сделать, чтобы этот шанс не был утрачен, как это случилось с первым (Февральская революция 1917 г.) и вторым (перестройка 1985 г.).

Начну с результатов перестройки. Много об этом уже сказано и написано, а будет еще больше. Назову только два, на мой взгляд, самых важных достижения Михаила Сергеевича. Первое – свобода для соотечественников. Второе – освобождение от страха перед ядерной войной всех жителей Земли.

Где-то в середине прошлого века знаменитый Бернард Шоу, озабоченный огромным отставанием этического прогресса человечества от его научно-технических достижений, с горечью заметил: «Мы уже научились летать, как птицы, и плавать, как рыбы; осталось научиться жить, как люди». Именно этому благородному делу посвятил свою жизнь Михаил Горбачев, который как никакой другой политик в новейшей истории смог реально «очеловечить» страну и мир. Пусть ненадолго, но разве его «новое мышление», как и освободительная перестройка, не являются

Гринберг Руслан Семенович – в декабре 1991 г. – заведующий отделом Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) АН СССР. В настоящее время научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

уникальным опытом практического воплощения идеи «жить, как люди»?

Покончив с советским тоталитаризмом и сделав все возможное для оздоровления морально-нравственного климата в стране, он показал миру и нам, каким образом можно устроить жизнь граждан без авторитарного порядка, без политического насилия, без барско-холопского отношения друг к другу и главное – без страха перед собственной властью и остальным миром.

Но ведь с прекращением перестройки прекратилось и существование СССР, что неизбежно ставит вопрос о роли ее инициатора в этом эпохальном событии. И это не просто дискуссия об ушедшем тридцать лет назад заключительном периоде жизни СССР, которая может быть интересна только профессиональным историкам. Кстати, в декабре текущего года предстоит отметить столетие образования Советского Союза. Так что тема распада огромного мощного государства сегодня не просто актуальна, она суперактуальна.

Судя по всему, нынешняя Россия вновь впадает в искушение искать свое будущее в прошлом, причем в сталинском прошлом, когда страна была «великой и процветающей», пока все это не стало исчезать после смерти «отца народов». И, по мнению многих наших соотечественников, Горбачев в этой «диверсии» будто бы сыграл решающую роль.

Что на это сказать? Михаил Сергеевич Горбачев действительно сыграл огромную роль, как тогда казалось, в окончательной десталинизации страны, за что ему благодарность, почет и уважение. И до, и после своей отставки ему снова и снова приходилось доказывать, что без создания институтов политической и экономической конкуренции, без уважения к праву (в том числе и к праву на частную собственность) и гражданских свобод просто невозможно сформировать более или менее нормальное устройство человеческого общежития. При этом в его намерения никогда не входила задача дезинтеграции СССР. Михаил Горбачев все делал для демократизации Союза и как никакой другой политик того времени отчаянно бился за его сохранение до последнего часа пребывания во власти.

Сегодняшние сталинисты мечтают о возвращении «жесткой руки», не отдавая себе отчета в том, что такой порядок будет основан на страхе и беззаконии. А ведь только благодаря Горбачеву

теперешняя Россия, несмотря на растущий авторитаризм власти, все еще заметно отличается от той страны, какой она была в догорбачевские времена, когда даже нынешнее пространство свободы казалось невозможным.

Теперь о якобы наивных намерениях Горбачева реформировать советский строй. В либерально-демократических кругах принято считать, что он стремился придать социализму «человеческое лицо», но не понимал, что соединить его с ценностями свободы, демократии и легализовать личный интерес невозможно. Но будто бы его непонимание оказалось настолько полезным, что заслуживает самой высокой похвалы. Некоторые называют это «великой ошибкой Горбачева». Убежден: никакой ошибки не было. Михаил Сергеевич никогда (ни до отставки, ни после) не считал, что его политика – и когда она была успешна, и когда что-то не удавалось, – проводилась вопреки его намерениям. Сторонники такого видения ситуации до сих пор находятся в плену сильно устаревшей конфронтации «измов», от которой сам Горбачев отказался еще в начале реформ.

Мировоззрение Михаила Сергеевича – во многом мировоззрение Пражской весны 1968 г., когда в Чехословакии (благодаря появлению в стране лидера типа будущего Горбачева) возникли условия для трансформации бюрократического социализма в демократический. Но если бы чехословацкая трансформация удалась, и страна стала бы демократическим государством с социальной рыночной экономикой, разве она чем-то отличалась бы, скажем, от соседней капиталистической Австрии? И есть ли разница между «социализмом с человеческим лицом» и «капитализмом с человеческим лицом»? На самом деле никакой.

Михаил Горбачев со своей перестройкой не придумал ничего, чего не было до него у Яноша Кадара, а потом и у Александра Дубчека. Все то же стремление соединить социализм с демократией, сказать правду о трагической истории строительства социализма, легализовать рыночные механизмы и восстановить частную собственность, сохранив доминирование общественной.

Легко представить, с какой осторожностью должен был действовать инициатор перестройки, как он вынужден был лавировать, чтобы не утратить саму возможность проведения реформ, грозящих номенклатуре утратой привычных привилегий.

При всем при том совершенно очевидно, что Михаил Сергеевич допустил стратегическую ошибку, сыгравшую решающую роль как в прекращении перестройки, так и в его собственном поражении как действующего политика. В силу разных причин он не смог справиться со стихией, которую сам породил. Давая всем свободу, он открыл ящик Пандоры, создав феномен «разрешенной смелости», которой мгновенно воспользовались популисты – пассионарии различного идеологического толка. Реваншисты-сталинисты, национал-сепаратисты, радикал-либералы, все «отлично» поработали на разрушение единого государства и обнищание большинства его граждан.

Конечно, Горбачева можно упрекнуть в самонадеянности. Он слишком был уверен в том, что с большим трудом согласованный текст о новом объединении советских республик (за исключением Литвы, Латвии и Эстонии) под названием Союз Суверенных Государств будет подписан 19 августа 1991 г. и опрометчиво, как вскоре стало ясно, поехал отдохнуть в Крым.

Случился злополучный путч, и дальше все пошло-поехало. Горбачев же буквально до последнего часа своего президентства боролся за сохранение единого государства, многократно предупреждая о тяжелых последствиях, с которыми столкнутся люди в случае его распада. Но верх уже взяли сепаратистски настроенные элиты, жаждавшие любой ценой получить безграничную власть в своих республиках.

Конечно, это правда, что Горбачев не смог удержать страну от распада, но утверждать, что он чуть ли не главный его виновник, – чудовищно несправедливо. Самый лучший комментарий по этому поводу дала «Нью-Йорк таймс» на следующий день после подписания пресловутых Беловежских соглашений. Может, не дословно, но близко к тексту: «Они не могли вырвать из-под Горбачева кресло, поэтому им пришлось вырвать всю страну».

Вспоминая то время, могу сказать, что и отставка Горбачева, и распад СССР не взволновали тогда ни россиян, ни жителей других республик теперь уже бывшего Союза. Но не только народ, как известно, не выступил в его защиту. Почти все парламенты – буквально через пару дней после подписания Беловежского соглашения – спокойно его одобрили.

При этом в России доминировало представление, что свежеспеченное Содружество Независимых Государств будет даже лучше, чем СССР. Интеграция не только сохранится, но и станет без пресловутого «жадного» центра более равноправной и демократической. Особенно меня поражала убежденность российских демократов в фактическом сохранении контроля над республиками бывшего Союза. Почему-то было принято считать, что постсоветские государства не смогут существовать самостоятельно. Поэтому никуда не денутся и «приползут в Москву на брюхе». На одной из конференций я спросил у Егора Гайдара: «Вы говорите, что Россия должна обрести независимость, жить самостоятельно... Как же остальные республики?» Он ответил: «Не волнуйтесь, никуда они не денутся».

Достаточно спокойно отнеслись к распаду СССР еще и потому, что в условиях, так сказать, «разрешенной (Горбачевым) смелости» все большую популярность во многих «братских» республиках приобретала сепаратистская идея, которую я бы обозначил как «партикулярный шовинизм». Суть его в том, что каждый думает, будто кормит другого и именно поэтому испытывает экономические трудности. Радикальная часть национальной номенклатуры и интеллигенция старательно убеждали в этом своих граждан.

Я с этим постулатом был не согласен и исходил из того, что распад такой страны, как СССР, где экономика была не просто гиперцентрализованной, а представляла собой чуть ли не единый организм, чреват серьезными бедствиями, о чем, собственно, и предупреждал Михаил Сергеевич. Так что пока мы хоть как-то кормим друг друга, а если разойдемся, лучше никому не станет. Только одним станет хуже, а другим – еще хуже. Редко делаю правильные прогнозы, но этот был точный.

При этом Россия потерпела двойное поражение. Как и остальные республики бывшего СССР, она утратила чуть ли не половину ВВП из-за расстройства взаимных хозяйственных связей и переоценки могущества «свободного рынка». Но кроме чисто материальных трудностей россиянам пришлось еще пережить травму социокультурного характера, а именно – утрату гордости за величие страны после распада СССР, где Россия, как известно, играла главную роль. В сущности, она стала жертвой «веймарского синдрома».

Однако все это было «детскими игрушками» по сравнению с тем, что произошло в области безопасности в результате «дружеского» развода бывших советских республик. У нас ведь считается, что наш развод совсем не суровый по сравнению с распадом Югославии. Но разве это так, если учитывать чудовищные масштабы людских и материальных потерь от СВО на Украине. И совершенно очевидно, что этого вполне можно было избежать, если бы была реализована горбачевская идея трансформации СССР в конфедеративный Союз Суверенных Государств.

Можно ли извлечь уроки из всего этого? И вообще, как это сделать, если массы людей склонны предаваться магическим ожиданиям. Ведь миллионы упрекали Горбачева сначала в том, что он якобы сдерживал благородные попытки Ельцина и его команды провести «правильные» реформы. Но уже через несколько месяцев те же миллионы ругали Михаила Сергеевича уже за то, что он вообще допустил их приход к власти. И ведь я говорю о докторам наук, профессорах. Почему-то считалось, что надо просто поверить младореформаторам, и они приведут нас в рай. Надо только потерпеть до осени. Ну это же недолго – со 2 января до осени... Конечно, никто не думал, что инфляция будет 2600%. Но все равно, надо терпеть. Потом выяснилось – терпи не терпи, уже все случилось. Получился капитализм в своем первозданном виде. Значит – спасайся, кто может и как может.

Люди стали переживать: оказывается, мы были дурачками, отказавшись от ненавистного ранее социалистического строя. То есть переживали не о том, как сами ошибались во время перестройки, а о том, что вообще зря ее затеяли. И повторю, уже сама сталинская эпоха ныне становится одной из скреп «разумного консерватизма». Что вообще-то полностью блокирует цивилизованное развитие страны. Также вредят ей теперешние попытки власти восстановить усеченный СССР как очередной вариант имперского устройства государства. В общем, опять в стране воспроизводится извечное бескомпромиссное и потому бесперспективное противостояние западников и почвенников. И в настоящее время оно проявляется в полную силу: 20% людей в стране за европейский путь развития, 80% – за наш собственный путь, за изоляцию от остального мира.

В заключение уместно, на мой взгляд, обозначить три горбачевские рекомендации потенциальным строителям демократической России. *Во-первых*, никогда не должен нарушаться приоритет демократических институтов над любой политической целесообразностью, ибо «власть развращает – абсолютная власть развращает абсолютно». *Во-вторых*, разумная политика никогда не должна основываться на онтологизации теоретических схем, какими бы безупречными они ни казались. И наконец, *в-третьих*, распад тиранического единовластия далеко не всегда влечет за собой распад страны. Ужасающее заблуждение считать борьбу за сохранение Союза даже в форме конфедерации проявлением имперского синдрома.

Сегодня наш беспокойный мир вновь жаждет стабильности во имя достижения свободы и справедливости. И никто так ясно и естественно не воплощал в себе эти великие ценности, как Михаил Сергеевич. Его идеи и авторитет вновь нужны стране и миру.

ЧТО БЫЛО СДЕЛАНО ДО 1991 ГОДА И ПОТОМ ПОТЕРЯНО...

Владимир Дворкин

Через тридцать лет после выхода книги в сегодняшней российской действительности все отчетливее и ярче становится понимание того, что было сделано до 1991 г. включительно и что потом потеряно.

Об этом позже, но прежде не могу не процитировать сказанное М.С. Горбачевым в самом начале книги: «В книге моя позиция показана в том виде, в каком она была заявлена в те декабрьские дни и недели, а не осовремененная и скорректированная с учетом событий уже этого года. И поступаю так тем более потому, что многие, на ком лежит ответственность за принятые в те дни решения, сейчас очень уже стараются “прихорошиться”, оправдать свои декабрьские позиции».

Разными определениями можно характеризовать эту позицию: назвать ее высоконравственной, на редкость порядочной, мужественной, но всего этого мало. Может быть, прежде всего – исключительно честной.

Мне довелось только однажды, очень давно, встретить такое отношение к написанному другой величайшей личности – Уинстона Черчилля. В предисловии к шеститомнику «Вторая мировая война», который он готовил, в том числе, во время второго пребывания в должности премьер-министра (до 1955 г.), он написал, что теперь думает во многом по-другому по сравнению с 1940–1945 гг., но приводит свои оценки, выступления и переписку без изменений.

Дворкин Владимир Зиновьевич – с 1991 по 2001 г. начальник 4 ЦНИИ министерства обороны. В настоящее время главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Можно только отметить, что У. Черчиллю при подготовке шеститомника в течение многих лет в подборе источников и шлифовке текста большую помощь оказали не только многочисленные сотрудники, у него была возможность использовать огромный архив документов, недоступный в то время больше никому.

Высочайшую оценку отношу как к первой, так и ко второй части книги, где М.С. рассказывает подробно о том, что происходило с 1985-го по 1991 г. Это очень многим, мне в том числе, позволило глубже понять причины решений и действий М.С. Горбачева в те годы, когда его упрекали в медлительности, в отсутствии решительных действий. Я периодически объяснял своим слушателям это тем, что решительные действия быстро привели бы к более радикальному и действенному путчу по сравнению с тем, что произошел в августе 1991 г., и его быстро бы убрали. Поэтому он своими выступлениями и шагами поступал в тех условиях вполне разумно, наподобие Крысолова, постепенно уводя таким образом банды реакционеров в болото. О таком объяснении мне довелось рассказать Михаилу Сергеевичу при встрече в надежде, что оно ему понравится, но он, к моему сожалению, не выразил заметного восторга.

Перечитывая вторую часть книги, до сих пор не могу не сопоставить по значимости все то крайне важное, что было сделано для освобождения страны в годы перестройки от закостеневших структур и загнивающей системы народного хозяйства, с тем, что было задумано и запланировано, но не удалось реализовать после 1991 г. Это неисчерпаемая тема, из которой я выбрал только то, что мне ближе – трансформацию военного противостояния, ядерные вооружения, военное строительство.

В годы перестройки с завершением холодной войны были заключены радикальные договоры по сокращению ядерных вооружений. В 1987 г. подписан Договор по РСМД, проходили интенсивные переговоры по сокращению стратегических вооружений, в результате которых в 1991 г. был подписан Договор СНВ-1. В 1990 г. подписан тридцатисторонний Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Приняты взаимные односторонние решения СССР и США по значительному сокращению нестратегических ядерных боезарядов. Переоценить значение подобных достижений Михаила Сергеевича, позволивших в 10 раз сокра-

тить стратегические вооружения, невозможно! Без них Россия захлебнулась бы от невообразимого количества ядерного оружия.

Через тридцать лет военно-политический ландшафт изменился в худшую сторону до неузнаваемости, однако на основе ДСНВ-1 появились ДСНВ-2 и затем ДСНВ-3, который остается последним действующим, несмотря на почти полный разрыв отношений, договором между Россией и США, что в какой-то степени позволяет государству сохранять свой статус.

Важное решение по реформированию Вооруженных Сил принято в 1991 г., когда Указом Президента М.С. Горбачева были созданы Стратегические силы сдерживания, включившие в свой состав наземную группировку ракетных войск стратегического назначения (РВСН), подводные ракетоносцы, стратегические бомбардировщики, Военно-космические силы, Войска Ракетно-космической обороны и 12-е Главное управление Министерства обороны. Морская и авиационная компоненты входили на правах оперативного управления. Главкомандующим Стратегическими силами сдерживания был назначен Главком РВСН генерал армии Ю.П. Максимов. Был начат процесс формирования соответствующих структур. Исследования НИИ Минобороны показывали значительное повышение управляемости, боевой эффективности, экономию средств за счет сокращения избыточных структур и другие важные результаты этой реформы.

Это было решение М.С. Горбачева, к которому он подходил на протяжении нескольких лет, и оно было полностью поддержано высшим военным руководством, поскольку к этому времени были накоплены достаточно убедительные результаты исследований у нас и в США в пользу такого решения. Все это подтвердил в 1998 г. министру обороны России И.Д. Сергееву, приступившему к попыткам организации аналогичной структуры, являвшийся в 1991 г. начальником Генштаба генерал армии В.Н. Лобов, которого Сергеев попросил поделиться опытом. При том что, создавая подобную структуру, Советский Союз опередил США, пошедших на такой шаг с опозданием от нас.

Однако распад СССР в конце 1991 г. не позволил завершить процесс интеграции составляющих ядерных сил до такой степени, при которой он стал бы необратимым, а все дальнейшие попытки вновь создать Объединенное командование Стратегиче-

скими силами сдерживания не были успешными из-за интриг на высоком уровне, несмотря на решение Президента России. Но это уже совсем другая тема.

В целом же, перечитывая книгу, еще раз прихожу к мысли о несостоятельности, по многим причинам, всех упреков к решениям и действиям Михаила Сергеевича. Ученые различных направлений полагают, что основная беда в таких ситуациях – отсутствие альтернатив. Добавил бы только – разумных по «весу» альтернатив. Для выбора процесса трансформации такой гигантской страны в мировой истории не было никакого сопоставимого опыта и исследований в системе учений будь то Маркса, будь то других философов, экономистов, социологов. Поэтому не было и альтернатив, кроме тех, которые появлялись по отдельным, менее значимым направлениям, мало влияющим на выбор магистрального пути. Так и хочется перефразировать Владимира Высоцкого: «Настоящих буйных мало, вот и нет альтернатив». Близкие к Горбачеву по влиянию А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе, насколько известно, были на главных этапах перестройки в основном согласны с ним.

Вот почему в отсутствие сопоставимых альтернатив разработанные в 1991 г. принципы построения и структура, закрепленные в проекте Договора о Союзе Суверенных Государств в случае образования такого Союза, по моему представлению, позволили бы избежать того внутреннего состояния и международного положения, к которым мы пришли через тридцать лет.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Виктор Мироненко

Предложение еще раз прочесть и прокомментировать книгу М. Горбачева, представленную вашему вниманию, застало меня врасплох и несколько обескуражило.

Ко времени, о котором идет речь, я уже не был в центре политических событий, а наблюдал за ними со стороны как один из народных депутатов СССР, фактически отстраненных (или отстранившихся) от решения судьбы страны. О многом я просто не знал и мог только догадываться. Но у меня уже не было уверенности в том, что Союз ССР удастся сохранить. Поэтому, как ни дорог мне был молодежный союз – ВЛКСМ, я поддержал осенью 1991 г. его самороспуск. К тому же, когда я получил это предложение, Михаил Сергеевич был еще жив, и, зная, какой болью в нем всегда отзывались воспоминания о том времени, не говоря уже о часто раздававшихся со всех сторон совершенно не заслуженных, на мой взгляд, упреках за постигшую Союз ССР судьбу, идея вначале не показалась мне привлекательной.

Однако, перечитав помещенные в книге свидетельства и размышления, соотнеся со всем произошедшим, я подумал, что действительно есть смысл напомнить всем – и тем, кто не знает, и тем, кто забыл, – о том, как начинались процессы, приведшие нас к нынешнему состоянию. Не для того, чтобы сводить политические счеты с оппонентами. Этому М. Горбачев был чужд, и это его в политике, какой она была и какой во многом остается,

Мироненко Виктор Иванович – в 1991 г. народный депутат, секретарь Комитета по иностранным делам ВС СССР. В настоящее время ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

нередко подводило. Достаточно вспомнить пресловутый октябрьский (1987) пленум ЦК КПСС. А для того, чтобы прояснить для себя, что со всеми нами происходило тогда и потом. Без этого, на мой взгляд, из исторического тупика, в котором оказалась Россия, нам не выбраться.

Читая книгу, погружаясь в злобу того дня, я окончательно убедился в том, что ее автор, помимо прочего, обладал качествами, которых, как мне кажется, более всего не хватало всем его предшественникам и не хватает его преемникам. А именно способности воспринимать реальность такой, какая она есть, не обманывать себя, а также его политической интуиции. Этими качествами М. Горбачев обладал сполна.

В отличие от своих предшественников он не думал, что знает все. Он умел и любил слушать тех, кого считал компетентными в вопросах государственного управления. Мне довелось участвовать в многочасовых встречах-беседах, и я хорошо помню, что меня в них удивляло и утомляло. *Во-первых*, то, как терпеливо М.С. Горбачев выслушивал все, что на них говорили приглашенные ученые-эксперты. Ни до него, ни после него никто этого не делал. *Во-вторых*, при всем желании их суждения невозможно было свести к общему знаменателю. У каждого было свое отличное от других мнение, которое они, конечно, считали единственно правильным. Ну, и *в-третьих*, они, за редкими исключениями, останавливались перед тем, для чего, собственно, и были собраны, тщательно избегали рекомендаций, за которые, возможно, придется отвечать. Все это не мешало многим из них обвинять М. Горбачева в допущенных с их точки зрения ошибках.

Что ж, это была удобная позиция. М. Горбачев себе этого позволить не мог. Ему нужно было принимать решения, и он их принимал, руководствуясь часто, как мне представляется, политической интуицией. Конечно, это не самый надежный компас в дебрях человеческих интересов и того, во что выродилась политика вообще, а у нас в особенности. Но, принимая во внимание состояние исторической, экономической и политической науки тех времен, если последнюю вообще можно считать таковой, другого выхода у него не было. Он доверял ей, и она в сочетании с жизненным опытом, хорошим образованием и простой человеческой порядочностью его не подводила. В этом я еще раз

убедился, перечитывая то, о чем он говорил и писал в ту осень 1991-го и зиму 1991–1992 гг. Все, ну, или почти все, о чем он тогда предупреждал, увы, впоследствии произошло.

Такой политической интуиции я не встречал ни у одного из известных мне политиков. Возможно, именно это было причиной того, что Провидение выбрало его для исполнения сложнейшей политической миссии – возвращения огромной страны из давно отклонившейся от своей объективной цели и непозволительно затянувшейся Великой российской революции в реальный мир. С этой задачей, я полагаю, он справился. Он пересмыслил и пересмотрел для себя и «для всего мира» (как он назвал одну из первых своих книг) исторический и глобально-политический контексты всего происходившего тогда на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века. И хотя ни тогда, ни потом он прямо об этом не говорил, это читалось между строк. Он это сделал, дав этим шанс нам и миру на обновление, в котором и мы, и он очень нуждались.

Я попытаюсь проиллюстрировать это примером Украины, которой суждено было сыграть одну из главных, если не главную роль, как в тех событиях, которым посвящена книга, так и во всех происходивших впоследствии, вплоть до самого трагического из них – так называемой «специальной военной операции». Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что от того, как складывались отношения РСФСР и УССР, а затем Российской Федерации и Украины, без преувеличения зависела и судьба Союза, и судьба того, что довольно долго обозначали не вполне адекватным, на мой взгляд, термином «постсоветское пространство».

Я убежден в том, что главной причиной того, как они складывались (точнее, как они не складывались), было то, что Б. Ельцин и российская политическая элита не приняли результат и их собственных усилий – образования на месте Союза ССР 15 новых независимых государств. Во всяком случае, новую Россию они таковым считать отказались. Этому во многом способствовал хаос в российской и украинской исторической науке. Историки в обеих странах предлагали и предлагают разные концепции общей на протяжении нескольких столетий политической истории. Но даже ими политики мало интересуются или, в лучшем случае, выбирают, как в меню, из предлагаемых концепций ту, которая им больше нравится или отвечает их личным целям. Как

следствие, мы получили блуждание в исторических потемках, что, на мой взгляд, и стало одной из главных причин несостоявшейся трансформации обеих стран.

Последним подтверждающим это предположение стало для меня то, что, расходясь практически по всем вопросам внутренней и внешней политики, нынешние государственные администрации России и Украины сошлись в реакции (точнее, в отсутствии таковой) на событие, несомненно, мирового значения – уход последнего из «великолепной семерки» мировой политики 80-х: М. Горбачев, Г. Коль, Ф. Миттеран, Я. Накасонэ, Ш. Перес, М. Тэтчер, Р. Рейган. Это, конечно, больше характеризует их, чем его, но встает вопрос: «Чем он так не удобен? Что они хотят забыть и заставить забыть других?»

Мне представляется, что внимательному читателю книга дает не только ответ на этот вопрос, но и указывает на выход. Он в политических тупиках там, где был вход.

* * *

«Когда в Минском заявлении говорится, что договорный процесс зашел в тупик, – пишет М. Горбачев, – я спрашиваю: кто в тупике?» Хороший вопрос, но правильнее было бы его сформулировать несколько иначе: «Кто и почему нас в этот тупик завел?»

Сегодня вряд ли кто-то будет оспаривать предупреждение, пронизывающее все помещенные в книгу материалы той поры. «Если разойдемся по национальным обособленным государствам, то даже в рамках Содружества процесс согласования и взаимодействия необычайно усложнится». Другое дело, что М. Горбачев, судя по всему, не до конца понимал или не хотел верить в то, что в решении таких вопросов можно вести себя так, как повели себя его оппоненты.

«То, что произошло на Госсовете 25 ноября, – пишет он, – оставил[о] у меня на душе тяжелый осадок. Мне показалось, что не зря Б. Н. Ельцин [...] постоянно меня спрашивал: как Вы можете обеспечить участие Украины в Союзном договоре?» Действительно, не зря. Ставший известным позднее меморандум, подготовленный государственным секретарем РСФСР Г. Бурбулисом и представленный 24 сентября 1991 г. Б. Ельцину, не оставляет сомнений в том, что «украинский феномен», как его назвал

М. Горбачев, украинским не был, он был элементом политической игры, которую вел Б. Ельцин и его окружение.

М. Горбачев полагал, что Украина присоединится к новому договору. Судя по всему, в это верил и Б. Ельцин. У обоих для этого были весомые основания. Во-первых, результаты мартовского референдума. Во-вторых, разговор М. Горбачева с Л. Кравчуком в середине июля 1991 г. после обеда в Форосе. Л. Кравчук, как свидетельствует и он сам, и его собеседник, не отказывался от участия Украины в обновлении союза, а, сославшись на решение украинского парламента, говорил, что не может участвовать в обсуждении проекта нового союзного договора до намеченного на декабрь референдума о независимости. Ну и, наконец, в-третьих, трудно было предположить, что кого-то в Украине привлекал реализованный позднее вариант, согласно которому все «ликвидные» экономические и политические активы Союза ССР оставались за Российской Федерацией, а Украина уходила из него суверенной «бесприданницей».

Хотя прямых свидетельств этого нет, но из суммы известных и представленных в книге М. Горбачева фактов и суждений легко предположить, что в игре, которую вели с ним Б. Ельцин и Л. Кравчук, первый хотел «отхватить» (говоря его словами в передаче А. Коржакова) Россию и оставить «лавры» нового воссоединения для себя. А Л. Кравчук, принимая во внимание расклад политических сил в России после так называемого «путча» в августе, рассчитывал повести политическую игру с более сильными картами на руках.

На постоянно задававшийся Б. Ельциным вопрос о том, как можно обеспечить участие Украины в обновлении союза, М. Горбачев отвечал: «Если Россия и другие республики подпишут его, Украина найдет свое место». Что ж, похоже, что этот вопрос Б. Ельцина, действительно, беспокоил. М. Горбачев, сам того не желая, подыграл ему. Б. Ельцин решил, что с Союзом или без Союза Украина никуда не денется и раньше или позже вернется. Теперь мы знаем, что оба ошибались. М. Горбачев слишком поздно понял, в какую игру с ним играли. «Украинский феномен, – пишет он, был использован руководством России, чтобы добить идею Союза (подчеркнуто мной. – В.М.). В окружении Президента России давно ходила концепция – «Союз без центра» (см. упоминавшийся меморандум Г. Бурбулиса. – В.М.). Я же

считал это ошибкой, и прежде всего с точки зрения интересов России... Без союзного центра России отводилась бы совсем другая роль». То есть, оба смотрели на процесс прежде всего с российской точки зрения, но роль России в обновленном, очищенном от политических иллюзий, грязи и крови Великой российской революции Союзе Суверенных Государств они понимали по-разному.

«Независимость, которую раньше провозгласили и другие республики, – говорил М. Горбачев, – открывает... возможности для свободного и абсолютно добровольного участия в формировании нового Союза [...] Решение граждан Украины о ее независимости я не склонен рассматривать как акт разрыва с Союзом. Подталкивать процессы в этом направлении означало бы вести дело к катастрофе и для Союза, и для самой Украины, и для России, для Европы и мира».

Будучи погруженными в свои проблемы, союзное руководство и новое руководство республик как бы выпали из европейского и глобального контекстов. На западе Европы шел процесс образования Европейского союза. Там страны, давно имевшие суверенитет и независимость, готовы были жертвовать какой-то их частью, то есть ограничивать свою власть, в обмен на возможности, которые открывала экономическая и политическая интеграция. У нас наблюдалось обратное – стремление любой ценой получить всю власть целиком. Что с нею потом делать, мало кого тогда интересовало.

3 декабря М. Горбачев направил обращение к парламентам. В нем он писал: «На ваше одобрение представлен проект Союзного договора. Ваше решение либо приблизит общество к выходу к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке. Что конкретно ждет в этом случае каждого из них и всех нас вместе, весь внешний мир – предсказать невозможно. Одно ясно – последствия будут тяжелыми».

Все произошло так, как он предупреждал. И уж совсем пророческим в свете происходящего сегодня представляется его «политический прогноз». «Распад такого многонационального сообщества принесет миллионам наших граждан несчастья, которые перевесят все возможные временные выгоды от отделения. Распад прозвучал бы приговором тем – а их десятки миллионов, – кто

живет вне пределов своих национальных республик... Распад чреват национальными, межреспубликанскими столкновениями, даже войнами. А это была бы катастрофа для всего международного сообщества... Размежевание сделает хрупкой перспективу соблюдения прав человека и прав национальных меньшинств. Это неотвратимо – какие бы вполне честные обязательства и постановления на этот счет сейчас ни принимались. Нарушение же этих прав вызовет серьезные осложнения [в отношениях] республик с внешним миром, ибо это будет и нарушением международных договоров... Неизбежна постепенная эрозия нашей общей безопасности и безопасности каждой из республик. Неизбежна утрата международного авторитета, который дорого оплачен всеми нашими народами... И наконец, никто не имеет права забывать, что наше государство в последние годы стало одной из главных опор развития мира к новому мирному порядку. Именно так нас воспринимают. Это и ответственность, и признание нашей зрелости. Если такая опора рухнет, пойдет цепная реакция с трудно предсказуемыми для всего мира последствиями».

М. Горбачев особо подчеркнул, что «речь не о возрождении в новом обличье старого центра... [а] о создании совершенно нового государственного и межгосударственного образования, суть которого недвусмысленно изложена в проекте представленного вам Договора». Он адресовал эти аргументы Л. Кравчуку, а следовало – и Б. Ельцину. Хотя это было бесполезно. Как в силу личных мотивов, так и в силу того, что ни он, ни его преемники не считали Россию политически равной другим четырнадцати. И это в первую очередь предопределило развитие событий, приведшее к нынешнему положению дел в Восточной Европе, да и в Евразии в целом.

М. Горбачев много говорит о референдуме в Украине в декабре 1991 г., который, согласно устоявшемуся представлению, наряду с попыткой государственного переворота в Москве в августе того же года стал камнем преткновения на пути к новому союзу. Мало кто обратил внимание на высказанное им в беседах с Гельмутом Колем, Йозефом Анталлом, Анн Сенклэр, телевизионном интервью с украинскими журналистами, помещенными им в книгу, предположение о том, что «состоявшийся референдум хотят представить как голосование за отделение

от Союза. Независимость и суверенитет автоматически приравнивают к отделению. А ведь это не так».

Многие тогда и потом задавали себе вопрос, как трактовать результаты двух референдумов за один год в Украине? Ответ был прост, и М. Горбачев его дает. Первый – весенний – отвечал на вопрос о том, вместе или порознь, а второй – о том, куда идти и какими быть? То, что люди, жившие в Украине, независимо от национальности или региона проживания, почти единодушно поддерживали провозглашение независимости республики, говорит также и о том, что они хотели видеть украинскую нацию политической, а не этнической, гражданским обществом. В этом люди проявили политическую интуицию, представляющую собой чаще всего простой здравый смысл. Другого пути не было. Попытка повторить опыт формирования национальных государств на этнической основе в совершенно иных внутренних и внешних условиях стало одной из главных причин того, что ни первая, ни вторая трансформации в Украине не дали устойчивой демократической модели и привели к краху третьей республики в Украине.

В книге М. Горбачев неоднократно и прямо говорит о новой композиции европейского и глобального политического пространства: возникающий ЕС и новый союз государств на месте Союза ССР – это совершенно другой мир. «Еще раз настойчиво повторяю: не справиться нам с возрождением общества, не выйти из кризиса и не соединиться с цивилизованным миром, хуже того – не избежать общей катастрофы», – говорит М. Горбачев. И добавляет: «После референдума на Украине, несмотря на знаменитое заявление Б.Н. Ельцина в Ново-Огареве: “Союзу быть!”, российское руководство вернулось к своей прежней концепции, ссылаясь на то, что Россия никогда не соглашалась на Союз без Украины. Но это – отговорка [...] Ельцин не склонен был обсуждать вопрос по существу, да ему, собственно, нечего было сказать. И потому твердил [...] а вот Украина – вы гарантируете, что она будет в этом Договоре? Да, нажимал я на Ельцина, Украину можно вовлечь в договорный процесс, и главное тут в том, чтобы Российская Федерация первой обсудила и подписала Договор!» И, добавив мы, не на словах, а на деле признала бы себя равной среди равных. Б. Ельцин, однако, истолковал это по-своему: энергоресурсы у нас, никуда украинцы не денутся, «приползут».

Не приползли! Б. Ельцин со его окружением вели свою игру и использовали для этого Л. Кравчука, который, как и он, руководствовался не здравым смыслом и национальными интересами, а глубоко личными мотивами, стремлением доказать, что их незаслуженно обидели, недооценили.

* * *

Перечитав первую из большого числа книг – воспоминаний М. Горбачева, я окончательно убедился в выводе, к которому пришел, наблюдая эволюцию двух новых независимых государств – Российской Федерации и Украины.

Разрушая Союз, те, кто это делал, с грязной водой выплеснули и ребенка. Не единственный, но, пожалуй, главный результат Великой российской революции – достигнутый уровень экономической и политической интеграции, его роль в мире. Способы достижения этого были, мягко говоря, далеко не бесспорными. Но утверждение о том, что очиститься от всего этого и вернуться в реальный мир с сохранением своего веса и влияния будет легче по отдельности, чем вместе, за прошедшее с той поры время доказало полную несостоятельность. Даже наиболее преуспевшие в этом бывшие республики, если внимательно присмотреться к их сегодняшнему состоянию и месту в сообществах, членами которых они стали, в этом не убеждают.

Мы уже никогда не узнаем, какими они могли бы быть – каждая в отдельности и все вместе, – если бы политики в них и общество прислушались к тому, о чем говорил М. Горбачев той осенью. Единственное, о чем можно с уверенностью говорить, это то, что, отложив реальные и вымышленные обиды в прошлом, поумерив собственное властолюбие, многих экономических и политических потерь и человеческих трагедий можно было избежать. Если смысл происходившего заключался в выходе из российской революции и глобального противостояния, как одного из ее последствий, то главным условием успеха в этом было адекватное восприятие, понимание того, откуда мы шли и в какой мир возвращались. Предложенная вашему вниманию книга говорит о том, что у М. Горбачева оно было.

В том же, что касается двух самых больших и самых экономически сильных бывших республик Союза ССР – Российской Фе-

дерации и Украины, прошедшее с описываемых в книге событий время неоспоримо доказало, что ее автор имел все основания опасаться вероятных последствий отказа от того, что я называю «сопряженной модернизацией», и от того, что он называл «новым политическим мышлением».

Но даже М. Горбачеву с его, как я пытался показать, политической интуицией не удалось предвидеть обстоятельство, которое без всякого, на мой взгляд, преувеличения сыграло роковую роль в их постсоветской истории, и сегодня остается тем, что в первую очередь препятствует нормализации их отношений. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Российские политики отказывались и отказываются признать, что Российская Федерация с роспуском Союза ССР стала таким же новым независимым государством, как и все остальные четырнадцать. М. Горбачеву не удалось убедить в этом поднявшихся на волне его «перестройки» российских политиков. Не удалось ему и своей книгой предостеречь их от пути, который он вполне обоснованно, считал не тем, который «вел к храму».

Откровенно говоря, я и сейчас не верю в то, что переиздание и перепрочтение этой книги заставит их изменить свои представления о стране, ее истории, о политике вообще и в эру глобализации в особенности. Российскому обществу, судя по всему, не меньше, чем, как говорят, американскому, присуще одно не лучшее качество – принимать правильное решение, испробовав на себе все неправильные. Люди редко упускают возможность упустить возможность. Я не знаю, когда представится новая и какой она будет, но, чтобы не упустить и ее, полезно мысленно вернуться в то время, когда она была открыта, и попытаться понять, что помешало ею воспользоваться.

ТАК КТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ НЕПРАВ?

Георгий Пряхин

Работая с Михаилом Сергеевичем, я не входил в довольно узкую группу специалистов-международников, юристов, которые были привлечены для подготовки известных «огаревских» документов, что должны были, по замыслу их создателей и самого Генсека и Президента, скрепить многонациональную страну, уже разьедаемую и межнациональными распрями, и региональными центробежными тенденциями. У меня было другое направление, связанное в основном с деятельностью средств массовой информации: тут надо учесть, что и в ЦК КПСС, и затем в Кремль я пришел с опытом работы на Центральном телевидении, в «Комсомольской правде», в других газетах. Отвлекаясь от темы, надо признать, что именно в то время – конца 80-х и начала 90-х – в СССР действительно, впервые с послереволюционных и 20-х годов, царствовала невиданная свобода слова. Доставлявшая, честно сказать, немало хлопот и Центральному Комитету партии, и Кремлю, и мне – должность моя была невелика, но находилась прямо-таки на линии соприкосновения действительного и желаемого: была попытка снять двух главных за «перебор», но и ту удалось спустить на тормозах.

В избранную группу, повторяю, я не входил, но отголоски той авральной работы над «скрепами» проносились по всем нашим тогдашним коридорам, достигали любого кабинета.

Да что отголоски. Сопровождая М.С. Горбачева в его по известным причинам участвовавших тогда поездках по стране, я воочию видел, как он рвет себе жилы, стараясь достучаться как до местных региональных и национальных начальников,

Пряхин Георгий Владимирович – в 1991 г. консультант Президента СССР. В настоящее время главный редактор издательства «Художественная литература».

так и до «простых» людей, убеждая, пусть и в реформированном виде, но непременно сохранить Союз. Могу ответственно свидетельствовать: с «простыми» людьми, обступавшими его толпами, тормозившими его машину – да он и сам то и дело останавливал ее, – договариваться ему тоже было проще. Ведь «простые», что показал тогдашний поистине всенародный референдум, уже самым спинным мозгом понимали, что с потерей Союза они многое потеряют. А вот непростые в большинстве своем из этой потери рассчитывали выгадать себе кое-что существенное. И, забегая вперед, надо признать – не ошиблись. Не прогадали.

Вспоминаю баталии в Литве: на улицах – одно, более, как ни странно, рассудительное, а вот в кабинетах – совсем другое. Очень жесткое противостояние. Жесткое с Альгирдасом Бразаускасом, тогдашним первым секретарем Компартии Литвы, и совсем уже непримиримое – с Витаутасом Ландсбергисом, председателем парламента. Трудные, катастрофические дни армянского землетрясения – Михаил Сергеевич, прервав свой визит в Америку на Генассамблею ООН, прилетел сюда, в самый эпицентр, оставив сопровождавшую его многочисленную свиту в Москве и взяв с собою практически одну Раису Максимовну, самую верную и самую непоколебимую свою опору. На дымящихся развалинах люди требуют крова, тепла, питания, а на многочисленных совещаниях без конца ставится ребром пресловутый армяно-азербайджанский вопрос... Город Львов – здесь довольно цельная, глухая стена взаимного недопонимания, нашедшая практически адекватное преломление и во встрече с творческой интеллигенцией.

Чернобыль, роковой четвертый энергоблок – не отсюда ли Раиса Максимовна и привезла потом свою будущую лейкемию?

Горбачев при всей мягкости своего характера никогда не избегал ни острых общественных коллизий, ни все учащавшихся тогда, уже в силу объективных исторических причин, катастрофических техногенных событий. Появлялся в самой их гуще, пытался противостоять им – тем же здравым смыслом, – и Раиса всегда, жертвенно, вставала рядом.

Запомнилось многотысячное столпотворение народа в том же ныне трагическом Донецке, на площади перед зданием обкома. Рабочий класс, никаких подсадных уток, не только Михаил Сер-

геевич, но и угольный министр Шадов сорвали голос. Почему-то решительнее всех выступали женщины. Шахтёрки. Требовали много чего насущного, а одна сразила прямо в яблочко:

– Михаил Сергеевич, запретите министру ругаться матом!

– Запрещаю! – мгновенно нашелся Горбачев, решительно развернувшись к стоящему рядом, и – мне показалось стыдливо – побагровевшему министру.

Толпа разрядилась – смехом.

А ведь через некоторое время отсюда в Москву приедут люди уже не с пустыми кастрюлями, а с шахтерскими касками.

Летим на Кубу, промежуточная остановка в Канаде, в Оттаве. Именно в воздухе над Канадой Горбачев узнает, что благодаря депутатству Казаннику Борис Ельцин становится Председателем Верховного Совета РСФСР: противостояние будет нарастать. Я впервые увидел Горбачева в некотором замешательстве. На земле ему предстояло интервью по этому поводу телевизионному обозревателю Борису Калягину. Горбачев давал его дважды. В эфир пошло второе, куда более сдержанное, уважительное, державное. Нацеленное на сотрудничество – которого, увы, не получилось.

Летели, по-моему, из Китая, когда на борт сообщили, что в Карабахе разбился наш вертолет с военными. Надо было видеть в эту минуту лицо Михаила Сергеевича – он всегда был по-южному искренен в своих эмоциях, в сострадании людскому горю. Раиса опять была рядом, дотронулась до плеча: трубка в/ч еще была в руке у мужа.

Он сражался за Союз, он чувствовал себя ответственным за него – в первую очередь перед теми людьми, миллионами, которые поручили, доверили ему эту великую, непреходящую, даже не столько политическую, сколько человеческую, а по большому счету – и общечеловеческую – ценность.

Увы, не случилось.

Я не был и в том узком кругу, который сопровождал, окружал Михаила Сергеевича и в день его декабрьского обращения к нации с заявлением о собственной добровольной отставке. Еще одно, пусть и печальное подтверждение, что он хотел сохранить именно Союз, а не себя, дорогого, в этом Союзе.

Но декабрь 91-го мне вспоминается и другими, довольно личными деталями. Вышла наша книга с Раисой Максимовной,

и я официально, в ВААПе, получил причитающийся мне гонорар. И решил распорядиться им следующим образом: взял жену, двоих младших детей, девочек, Володя Шевченко, тогдашний шеф протокола президента, помог мне раздобыть, выкупить четыре билета в первом классе у «Аэрофлота» на рейс «Москва–Рим» и обратно. Заказал в римском отеле двухкомнатный номер – правда, комнатки оказались крошечными. И мы рванули, как у меня в семье говорят, на Раисины деньги. Тем более что давным-давно, в юности, в известном теперь всему миру в городке Буденновске, еще только ухаживая за своей будущей женой, я, восемнадцатилетний, клятвенно обещал свозить ее со временем аж... в Рим (видимо, это и сподвигло ее выйти потом за меня, дурня). И вот подвернулась удача неосторожное обещание исполнить. Очень кстати как раз в итальянском журнале «Милле Либре» был напечатан кусок из моей книги, и мне там опять же причитался некий гонорар.

Разместились в отельчике, наутро к нам приехала моя переводчица Клаудия – она нас потом на пару с собкором «Комсомолки» Олегом Шевцовым и опекала те несколько сказочных солнечных зимних дней в Риме. Переводчица моя была со связями, в свое время близко знала Феллини – она в Риме показала мне и дом, в котором жил мэтр. Оказался у нее и выход на телевидение. И как раз на дни нашего пребывания в Вечном городе выпала и Беловежская Пуща. Видимо, с подачи Клаудии итальянское телевидение РАИ узнало, что здесь, в Риме, находится один из горбачевских сотрудников. И заявили прямо в гостиницу. Окружили ее своей передвижной телевизионной станцией, легковушками и обрушились на меня с требованием дать интервью. Отказываться было стыдно и грешно.

Я и дал, – можно сказать, на свою голову. Именно в том интервью сказал, что в Минске не хватало только одного компонента – роты почетного караула. Чтобы она арестовала переговорщиков. Так что, насчет «почетного караула» я, видимо, обозначился первым, либо, как минимум, одним из первых. И про это мне напомнили. Опять же, забегая вперед, скажу, что, когда ночью уже вернулся с женой и с детьми в Москву, в Шереметьево, мне пришлось прямо из аэропорта по вызову из горбачевского секретариата нестись к нему. Михаил Сергеевич встретил меня сурово:

– Ты что там, Георгий, наболтал?

Я понял: некие добросовестные телезрители уже сообщили.

Ну и признался. Ничего сурового не последовало. Последовало неожиданное:

– Ты, помнится, просился директором газетно-журнального холдинга?

– Да.

– Так вот, я подписываю распоряжение о твоём назначении.

– Михаил Сергеевич, вообще-то меня там, внизу, ждут...

– Кто?

– Жена и дочери.

– Ну, извини. Просто время такое: кое-кого собирався назначить на министерские посты – отказываются. Впередсмотрящие. Вдруг, думаю, и ты откажешься? Вот и решил вызвать.

Я не отказался. И несколько дней побыл большим начальником. Правда, зарплату уже получить не успел. А она была назначена солидная. Георгий Хасрович Шахназаров – «Шах» по-нашенски – посмеивался:

– Аж две тысячи! У тебя вторая зарплата в партии – у Горбачева две тысячи двести.

А я и не знал до этого, какая у него зарплата.

Так что, две тысячи мои вскорости гавкнулись.

И не только две тысячи. Сюжет тотчас дали в эфир, причем я заметил, что уж очень пристально снимали мои руки, ладони. Слава богу, они не дрожали, в том числе и в эфире. Но на следующий же день мне предложили участвовать в программе, напоминающей чем-то нынешнего Соловьева: мне будут задавать в прямом эфире вопросы, а я должен отвечать предельно быстро и предельно искренне. Сразу обозначили гонорар: двадцать тысяч долларов. Но передача у них выходила как раз в тот день, в тот вечер, когда мы должны были улетать в Москву. Я сообщил жене, расписал и насчет двадцати тысяч. Но на сей раз она оказалась куда несговорчивее, чем в Буденновске:

– Ни в коем случае! Летим домой!

– Но я же приеду... Вернусь... Следующим рейсом...

– Ни в коем случае! Летим домой! Вместе!

Так гавкнулись и мои двадцать тысяч – не рублей.

И последняя «римская» деталь. Комнاتок в том отеле у нас действительно было две, но на самом деле крошечных. А дочери мои, погодки, в тот самый телевизионный вечер распалились,

стали швыряться подушками и разбили две прикроватных лампы. Я струхнул: вот, думаю, как умножат, как у нас в Союзе, на пять, а то и на пятнадцать стоимость этих ламп, да сдерут завтра с меня – без штанов уеду. А хозяин отеля, к слову, отлично говорил по-русски. Учился когда-то у нас в Ленинграде. И вот иду к нему утром рассчитываться. Признаюсь насчет лампы. А он расхохотался:

– Да ты мне вчера с твоим телевидением, с их телевизионными броневидами такую рекламу устроил, что народ сейчас прямо валит ко мне.

И даже налил рюмку грашпы.

Смех сквозь слезы... Сейчас модно, конъюнктурно винить в распаде Советского Союза М.С. Горбачева. Но он сражался до последнего. Сражался так, как заповедано было ему Судьбой и собственной природой – без крови. А винить мы должны в первую голову сами себя. Бывают, бывают все-таки ситуации, когда и народ, даже народ – неправ.

Неправ, даже будучи не услышанным.

Выступление М.С. Горбачева 15 марта 1991 года по Центральному телевидению в связи с проведением референдума о Союзе

Возвращение из Фороса. М.С. Горбачев, Р.М. Горбачева с внучкой Ксенией. 22 августа 1991 года

Встреча с депутатами российского парламента 23 августа 1991 года.
В президиуме: А.В. Руцкой, И.С. Силаев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин,
Р.И. Хасбулатов. Фото Р. Olisi

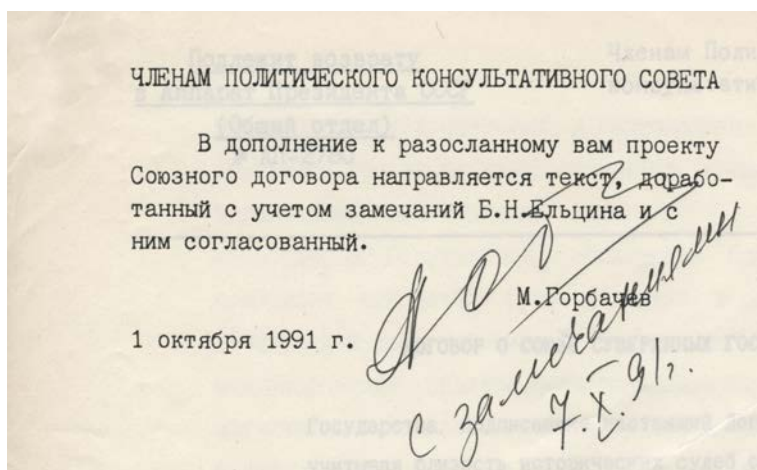
М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. Во время встречи с депутатами
российского парламента 23 августа 1991 года

М.С. Горбачев на трибуне внеочередной сессии Верховного Совета СССР.
26 августа 1991 года

В кулуарах Внеочередного пятого Съезда народных депутатов СССР.
М.С. Горбачев, П.Г. Бунич. 2 сентября 1991 года. Фото Б. Юрченко

Сопроводительная записка М.С. Горбачева к проекту Договора
о Союзе Суверенных Государств, разосланному членам Политического
консультативного совета при Президенте СССР. 1 октября 1991 года

с правкой

ДОГОВОР О СОЮЗЕ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Вариант: 1. Договор о Союзе государств Европы и Азии.

Вариант: 2. Договор о Евро-Азиатском Союзе государств.

Суверенные государства - участники Договора,
выражая волю своих народов к сотрудничеству;
признавая право наций и народов на самоопределение;
учитывая близость исторических судеб государств и народов;
стремясь жить в дружбе и согласии, обеспечивая равноправ-
ное сотрудничество;

желая создать условия для всестороннего развития каждой
личности и обеспечения надежных гарантий ее прав и свобод;

заботясь о материальном благосостоянии и духовном развитии
народов, взаимообогащении национальных культур, обеспечении об-
щей безопасности,

решили заключить Договор о Союзе ^{2. Свободных} Суверенных Государств

(или иной вариант названия Союза).

I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Первое. Союз образован в результате добровольного объеди-
нения суверенных государств на принципах равноправия, сотрудни-
чества и взаимопомощи, невмешательства во внутренние дела друг
друга, мирного сосуществования, территориальной целостности, от-
каза от применения силы или угрозы силой, экономических или лю-
бых других методов давления, мирного урегулирования споров или

- союзные демократические
государства -

Пресс-конференция М.С. Горбачева после подписания Договора
об экономическом сообществе суверенных государств. Кремль.
18 октября 1991 года

Перед пресс-конференцией по итогам заседания Государственного совета
в Ново-Огарево. 14 ноября 1991 года

М.С. Горбачев. 15 ноября 1991 года

М.С. Горбачев и Ю.П. Щекочихин. 1990-е годы

Интервью М.С. Горбачева украинскому телевидению.
Беседовал Зиновий Кулик. 7 декабря 1991 года

М.С. Горбачев на встрече с советскими журналистами. За столом –
пресс-секретарь Президента А.С. Грачев. 12 декабря 1991 года

М.С. Горбачев, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев. 1990 год. Фото Ю. Лизунова

Номер газеты «Московская правда» за 24 декабря 1991 года с последним интервью Президента СССР М.С. Горбачева советской прессе

Обращение к советским гражданам. 25 декабря 1991 года

Интервью М.С. Горбачева телекомпании Си-эн-эн. 25 декабря 1991 года

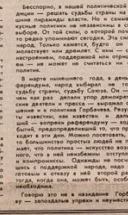
М.С. Горбачев покидает кабинет Президента СССР. 25 декабря 1991 года

Пульс дня

Цена 30 коп.

Что думают канадцы о перспективах Североатлантического блока в свете событий в нашей стране. Об этом рассказывает корреспондент «Правды» в Оттаве.

Но след, оставленный им в летописи мира, не исчезает...

[illegible][illegible]

Газета «Правда» за 26 декабря 1991 года

Later Edition
 4: Today, clear, mild for the
 High 41. Tonight, cloudy late
 Low 34. Tomorrow, cloud
 der, windy. High 43. Tempera
 ture 44, low 30. Details, page 11

50 CENTS

Communist Flag Is Removed; Yeltsin Gets Nuclear Controls

[illegible]

**BUSH LAUDS VISION
OF SOVIET LEADER**

In Farewell, President Cites

Газета «Нью-Йорк таймс» за 26 декабря 1991 года

Михаил Сергеевич Горбачев

**Декабрь-91.
Моя позиция**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Редактор: *О.А. Зиларин*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *Е.В. Феоктистова*

Подписано в печать 21.11.2022.

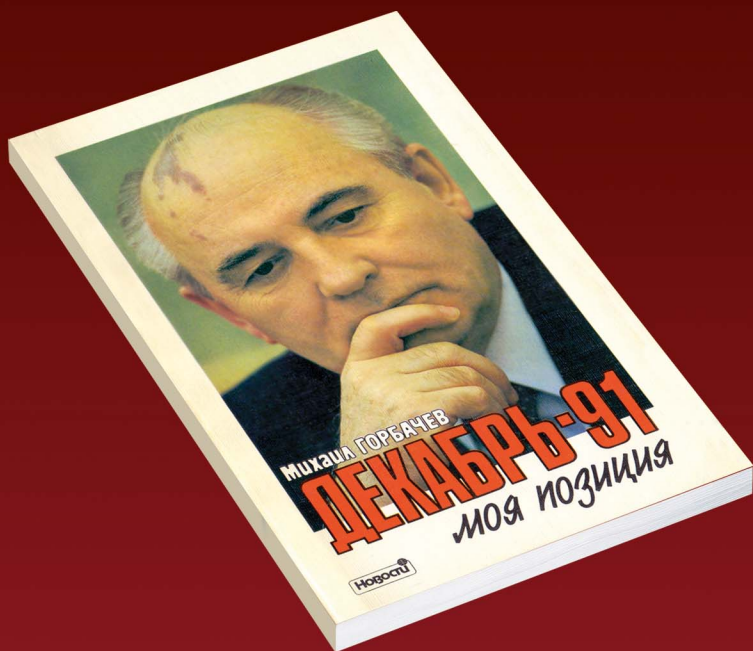
Формат 60 x 90 ¹/₁₆

Печ. л. 19,0. Тираж 500 экз.

Зак. № 21762

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
Тел.: +7 (495) 632-47-04, +7 (903) 623-17-38
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1. Тел.: +7 (495) 230-20-52

Когда я смотрю на сегодняшнюю российскую жизнь, меня охватывают противоречивые чувства надежды и тревоги. Тревоги потому, что еще не пройдена нижняя точка кризиса и не забрезжил свет в конце туннеля. Надежды потому, что в этой ситуации люди проявляют удивительное самообладание и терпение. Они надеются выйти на новую дорогу, чтобы достойно войти в двадцать первый век. Буду счастлив, если моя книга поможет в этом поиске.

М.С. Горбачев

ISBN 978-5-7777-0897-7

9 785777 708977

www.vesmirbooks.ru